П. Поляков

Стихи

П. Поляков

ЛИРИКА

П. ПОЛЯКОВ

ЛИРИКА

(Избранное)

Издательство
Верховного Казачьего Представительства за Рубежем

Мюнхен — 1958

P. Poljakow

LYRICK

Обложка и портрет автора — работы белорусского художника
Д. Н. Чайкоускаго

Druck: Dr. P. Belej, München 13, Schleissheimer Str. 71.

In des Herzens stille Räume
musst du fliehen aus des Lebens Drang
Freiheit ist nur in dem Reich der Träume
Und das Schöne blüht nur im Gesang.

Schiller.

СЕРБИЯ

(1920—1944)

Дону — моей распятой Родине

In den Jahren der massenweisen Vernichtung und des Völkermordes, denen die Kosaken von Osten und von Westen ausgesetzt waren, wollte man uns nicht nur physisch vertilgen, sondern auch unsere Seele vernichten . . .

Umso tiefer und wärmer zollen wir Dank allen denen, die uns geholfen haben dieses Buch zu publizieren.

В годы массового уничтожения Казаков, в годы казачьего геноцида на Востоке и Западе, нас убивали не только физически, но и душу нашу уничтожить хотели.

Настолько глубже и теплей наша благодарность всем тем, кто помог нам издать эту книгу.

МАТЕРИ

На могилу в Поти

Там повилики твой крест обвили
И спит кладбище без снов и грез
И плачут розы, склонясь к могиле,
Роняя слезы — кристаллы рос..
    Н. П. — две буквы, два милых слова,
    Рукой нетвердой я вырезал
    И мне казалось — кладбища снова
    Мне не увидеть.. и нож дрожал.
Глядел я долго на холмик малый
Не знал, что будет мой путь далек,
Но знал — покроет он, бело-алый,
Твою могилу из роз венок.
    Там повилики весь крест обвили
    И спит кладбище без снов и грез..
    И розы плачут, склонясь к могиле,
    Роняя слезы — кристаллы рос.

ОТРЫВОК

Поклялись мы Рек Запольных
Грани старые найти,
Поклялись мы стяг свободы
До Черкасска донести.
    Нас зовет на смерть и подвиг
    Из станиц далеких звон,
    За Кубань, за Терек буйный,
    За родимый, Тихий Дон.
Мы насилья власти чуждой
Не потерпим никогда,
Будь то царская корона
Или красная звезда.

ЗАКОЛДОВАННЫЙ ПУТЬ

Что огни? Отцвели? Отгорели?
Что-же степь — умерла или спит?
Ей отходную, радуясь, пели,
Саван русский стелили мятели,
Подвывая слова панихид.
Нет, ни плача не нужно, ни боли,
Сказка, сказка, — идем за тобой
На служенье Свободе и Воле
Снова выйдем в широкое Поле
И — победу захватим с собой.
Нам московские ветры не новы,
Закалилась в восстаниях грудь.
Не умолкнут призывные зовы,
Разобьем ледяные оковы,
Проторим заколдованный путь.

САРЫ-АЗ-МАНЫ

Шашки вон! Гей — в руку пики!
Поднимись — Сары-аз-маны!
Все сольемся в страстном клике:
Пусть ведут нас Атаманы!
    Совершим, поверя, чудо..
    И найдем полётом птицы
    Где Казачьяго Присуда
    Залегла межой граница.
Шашки вон!
            Не сохнут слёзы..
Поведут нас атаманы.
Буря грянет, будут грозы,
В бой пойдут Сары-аз-маны!

СОЖЖЕННЫЕ СТИХИ

Все, что в жизни любо было,
Что как рана наболело,
То, сегодня, вспыхнув ярко,
Загорелось и — истлело!
Мне не жаль стихов сожженных,
Нет, не жаль их — пусть сгорают . .
Жаль того, что с ними вместе
Безвозвратно умирает.
Как из пепла вновь не склеить,
Не собрать листков в тетрадку,
Так и чувств, навек ушедших,
Отгадать нельзя загадку.
Почему же так бесследно?
Неужели жадный пламень
Душу может заморозить,
А из сердца — вылить камень?

НОВАЯ ПЕСНЯ

Слышал сегодня я песенку новую,
Пел мне полынь да ковыль.
Слушай-же, матушка Русь бестолковая,
Страшную, жуткую быль . .
Многое может тебе не понравится:
Правда-то глазыньки ест!
Но — не сердись. Дон наш скоро преставится,
Вытесан, вытесан крест.
Был у России он храбрым воителем,
Верным, бессменным слугой,
Русских границ и творцом, и хранителем, —
Как даровой часовой.
Тучи над Русью нависли тревожные,
Стонет от крови земля,
Взялися мы совершить невозможное:
Выбить совдеп из Кремля.
И взбунтовалась Россия могучая,
Любы ей звоны оков.

Двинулись ваньки несметною тучею,
Массой давя казаков.
И подломилася силушка ратная,
Замер, тоскуя, сполох,
Кровью покрылася степь необъятная,
Голос свободы — заглох!
Слушай, Россия, прощальные, новые,
Стоны сожженных полей.
Ты им готовила крышку гробовую,
Ты — подавала гвоздей!
Что-ж. Забивай. Да гляди, чтоб не гнулися,
Крепче, поглубже их бей,
Бей поскорее, пока не проснулися,
Да зарывай поскорей.
Что глубоко-то? Гляди — не довольно-ли?
Кликни на помощь судьбу.
Выдуши все, что осталося вольного..
Слава народу — рабу!..

СТЕПИ

Легли они ширью великой
Межь древних, глубоких морей —
Гордилися волею дикой
Просторы безбрежных степей.
Здесь Игоря грозные рати
На гибель Господь осудил
И трупами русичей гати
Половец коварный мостил.
И двигались орды Батыя
И грабил и жег Тамерлан,
Здесь Круг зародился впервые,
А с ним — Войсковой Атаман.
Здесь турки увидели чудо:
Не сдался им крепкий Азов.
Ермак Тимофеич отсюда
Повел за Урал казаков.
С красавицей, гордой княжною,
Натешился Разин Степан.
Тряхнувши старушкой Москвою
Погиб Пугачев Емельян.
За Дом Богородичен бился,

Но гнетом суровых годин
Раздавленный, здесь застрелился,
В Избе Войсковой Булавин!
И верен всегда Атаману,
Заветы Кондрата храня,
В Добруджу направил, к султану,
Некрасов гнедого коня.
Взлелеян Айдарской волною,
Граф Платов — от наших кровей —
Стал лагерем, твердой ногою,
Среди Елисейских полей.
И Яков Петрович Бакланов,
По-горски свершая намаз,
Заставил турецких султанов
Оставить смятенный Кавказ.
Здесь слава и подвиг родились,
Набеги и поиск морской,
Былины-сказанья сложились
С горючей мешаясь слезой.
Блюдя приазовские крепи
Степь вольною вечно была.
И рабства позорные цепи
Она никогда не несла.
Туман из Москвы опустился:
Как некогда пал Булавин,
Так в лютой тоске застрелился,
Себя осудив, Каледин.
Призывов его не слыхали,
За ним мы тогда не пошли
И в рабство мы Поле отдали
И чести своей не спасли.
Теперь нас осталось немного,
Нас тени казненных зовут,
Хоть разнятся наши дороги
Но все на Черкасск поведут.
Исполнены братской любовью,
Из волчьих повылезши нор,
Мы смоем горячею кровью
Отчизны минутный позор.
Растут пусть могилы-курганы,
Мы скажем — достойных сынов
Рождали себе атаманы:
Ермак, Булавин,Межаков.

МУЗА

Мне так хотелось, чтоб вдохновенье
Дало забвенье..
Порыв мечты.
Но — только муки, но только боли
С собою, Муза,
Приносишь ты.
Во тьме, неслышно, ко мне слетая
О прошлом шепчешь,
Будя печаль.
Меня ты мучишь, огнем пытая,
В очах слезою
Скрываешь даль.
И вечно — в тоге. И вечно — в черной.
Тоской нездешней
Полны глаза..
Склоняюсь тихо, немой, покорный,
Очам прекрасным
Как бирюза.

ПЕСНЬ ПЕСНЕЙ

Где ты, прекрасное прошлое, милое?
Люди великие? Буйные силы?
Где вы?
— Могилы молчат!
Где ты, заря отгоревшая рано,
Гомон мятежный разбойного стана?
Тайну курганы хранят!
Эх..
Извелися у нас атаманы!
Ядом московским клубятся туманы..
Что там — в Родимом Краю?
Ходит там Смерть, окаянная, хилая,
Шепчет, считая кресты и могилы,

Павших в неравном бою.
Павших..
И ветры-то их не оплакали,
Им не служили попы панихид.
Славы не стало с лихими атаками,
Слава о мертвых — молчит!
Горько мне, горько, убитые братья,
Жаль вас, погибших в неравном бою.
Вы не сломили ни чар, ни заклятья,
Жизнь отдавая свою.
Гей — уцелевшие!
Гей — позабывшие!
Мне ли напомнить про горечь обид?
Руку казнившую.
Рабски любившие.
Где ваша совесть?
— Молчит!
Боже.. как жутко.. лишь тени шевелятся..
Вижу их:
— Разин,
— Пугач,
— Булавин..
Дым от пожарища стелится, стелится,
Зябнет в гробу Каледин.
Мнится:
Навеки ушли вы, прекрасные,
Были азовской дни светлые-ясные..
Лейтесь же горькие слезы..
напрасные..
Кто же ушедшее сможет вернуть?
Смолкли призывы могучие, страстные.
Пуля прожгла непокорную грудь.
Что-ж!
Так уйдем-же..
Без стона..
Без ропота..
Лучше изгнанье, чем снова на цепь..
Гей!
— Не услышишь ты конского топота,
Гика ночного..
Ты — продана, Степь!
Продана..
продана Северу жадному!

Что-же .. прощай .. да прости же хоть нас ..
Здесь, вечерами, от света лампадного,
Ярче алеет лампас!
Вера в изгнаньи сильней и чудесней,
Вера в победу
— в изгнаньи воскреснет!
Тысячей нет ..
имена же их веси ..
Боже, прости удалого Степана,
Душу бойца упокой Емельяна,
Душу Кондратья прими и прости ..
. . . .
Дай нам победу на ихнем пути!

***

Мне-ль тоскливой лирой ряд великих теней
Пробудить из гроба и заставить жить
И напомнить славу лучших поколений
Тем, кто не умеет родину любить.
Раньше хуторами гусляры ходили
Звали на победу, подвиги, войну.
За святую веру постоять просили,
Иль отбить сидящих у врага в плену.
Слушали, прищурясь, казаки седые,
Да огнем горели юные глаза.
И летели к туркам челноки лихие,
Шла неумолимо по морю гроза.
Попалить азовцев, погрозить Стамбулу,
Ясыря набравши повернуть домой
И отдавшись дома буйному разгулу
Засыпать шинкарок вражеской казной.
И росло на гранях Войсковое Право
И Москва и Порта уступили им,
Далеко гремела их лихая слава
Да от юрт сожженных поднимался дым.
Но — прошли столетья .. Мы — не то, что деды

Мы бояться стали своего врага!
Не готовим смены для лихой победы
И свобода наша нам не дорога.
Мне-ль, веленьем Божьим, суждено отныне,
Поминать с тоскою о минувших днях?
О сердцах, подобных выжженной пустыне,
О глядевших в море брошенных конях?
Отступали горы.. колыхалось море..
И туман окутал тысячи коней,
А глаза искали в неизбывном горе
И не находили боевых друзей..
Боже..
        Боже правый..
                        ниспошли мне силы..
Верить в справедливость до конца Твою.
И найти, вернувшись, свой курган-могилу,
Пасть, сраженным пулей, в огневом бою.
За слезу ушедших,
За мечту страдавших
И за боль узнавших горечь поражений.
За тоску напрасно
Веривших и ждавших,
За часы ночные, полные сомнений.
. . . .
В старину, бывало, гусляры ходили
И звенели струны в темноте ночей,
О гремевшей славе, о великой силе,
Про Сары-аз-манов — о мечте моей.

ОНИ УШЛИ

Памяти бабушки, Натальи Петровнı

Они — ушли..
                    в последний раз
Взвилась теклиной пыль..
А слезы падали из глаз
И жгли седой ковыль.
Не оглянулся больше он,
Махнула ты платком..
Затих подков ритмичный звон
За меловым бугром.
Миражем в солнечных лучах
Блеснула пики сталь
И снова маревом в глазах
Слезой закрылась даль.
Пылят шляхи.. безвестен путь..
Придется-ль увидать?
Хоть на мгновенье бы вернуть
К груди хоть раз прижать.
Вслед за двумя теперь идет
Любимый третий сын..
Укроет Бог его, спасет,
Остался он — один!
Мелькнул копьем.. в последний раз..
Куда-ж теперь итти?
Дрожит слеза, туманя глаз,
Растет тоска в груди.
Вернется-ль вновь?
                    ..Надежды нет..
Все суховей разнес.
Замел подков глубокий след
Завеял капли слез..

ДАРИНКЕ БРАНКОВИЧ

Близко.. близко край подходит
Скоро я — в могилу лягу,
Ухожу на службу Богу
Дать последнюю присягу.
Близко, близко.. ветры стонут..
Край чужой, чужая хата,
Проскрипела тихо ставня:
Все уходит без возврата!
Все уходит.. потемнело,
За окном шуршит солома..
Что, бывало, в это время
На Дону я делал дома?
У себя?
Прижавшись к печке
Что молчишь ты, пес унылый?
Аль и ты задумал думу
О грядущем, о могиле?
Помню, помню — из канавы,
Ни копейки не имея,
Я тебя, дружка в изгнаньи,
Ночью вытащил за шею.
И теперь, хвостом виляя,
Ты, в своих нехитрых думах,
Надо мною не смеешься
Коль я роюсь в старых сумах.
В сумах старых.. вот погоны,
Снимки нашего отряда,
Вот и карточка на память..
Поглядеть-ли.. иль не надо?
Нет, не нужно..
развернуть-ли?
Раз лишь глянуть..
Нет, не надо!
Ветры в окна мне шепнули:
Все уходит без возврата!
Все уходит. Ты — любила
Или так тебе казалось,
Но мое-то сердце, знаю,
Все тогда тебе отдалось
Все..
Гудит в трубе погода..

Почему не глохнут боли?
Слышь, кутёк, душа собачья,
Скипятить чайку нам, что-ли?
Скипятим..
                    дугою черной
Кот согнулся, кот зевает,
Тень его, от бледной свечки,
На стене крылом махает.
Знает кот: мы выпьем чаю,
Ляжем спать.. чего-же надо?
Мне же снова скажет ставня:
Все уходит без возврата!
Без возврата..
                    ночь без края,
Без конца томит и длится..
Пес, ну мне — я понимаю,
А тебе-то что не спится?

СОН

В темноте ночной синеют
Дали чуждых гор.
На полу, к утру, бледнее
Месяца узор.
Чу! Как будто топот, крики..
Тише.. тише.. — нет!
То лихого чудо-гика
В сонных чарах след.
Ароматный ветер слышу,
Шорох ковылей.
Ах, в душе живет и дышит
Жаркий суховей.
Что там? Будто ночью темной
Дробный стук копыт?

Нет-же, нет, беглец бездомный,
Сердце то стучит.
Вижу — конь. Змеею грива,
Замер.. там.. в углу..
Нет, то лунный луч игривый
Пишет по стеклу.
Что там плещет? Тихо шепчет?
Знаю — это Дон!
Нет.. то листьев легкий лепет,
Это — просто сон!

. . . .

Тяжела кирка стальная,
Солнце — спину жжет.
Но невольно мысль немая
Тайно что-то ждет.
Глянь — кажись с востока тучи?
Слава Богу Сил!
Ветерок пахнул летучий,
С чуба пыль струсил.
Вот и дождик благодатный,
Бодро дышит грудь..
Эх, когда же в путь обратный,
Эх, когда-же в путь?
Снова солнце, снова — силы,
Размахнись, рука!
Верен буду — до могилы,
Пусть звенит кирка.
Ранен Он — старик могучий,
Рана — страсть тяжка,
Но — порвутся снова тучи,
Пусть звенит кирка!

ВАТАЖНЫЙ

Жду и знаю — взвоет вьюга
Снег позёмкою гоня,
Подседлаю снова друга
Быстрокрылого коня.
И навстречу ветра злобе,
Без дороги и без вех,
Не увязнет он в сугробе,
Не замедлит резвый бег.
У заветного кургана
Подожду, ребята, вас..
Эх-ты, ночка — пьяным-пьяно,
Эй, боярин — пробил час!
Слышь, боярин, в темной келье
Не молися — Бог уснул!
Неприметный за мятелью
Под скирдом кремень блеснул.
Режь, пока не всполошились!
Бей бегущих, в днища бей.
Добре, братцы, поживились,
Напоите лошадей.
Что скулят боярски дочки,
Аль ремень сдавил невмочь?
Замети, мятель, следочки,
Выручай-ка, темна ночь!
Три денечка погуляю,
Весел буду, буду пьян,
Послезавтра заседлаю
Я — ватажный атаман.
Будет новая отрада,
Праздник снова справлю я —
Вдарим в турок из наряда
И из мелкого ружья.
У врага свово лихова
Мы узорочье найдем,
Из-под самого Азова
К нам ясырок уведем.
Ночь одну — потом не надо!
Перережем как туму.
Эх, не жизнь — одна отрада!
Любо сердцу моему.

КАЗАКАМ

Приготовьте сбрую, наточите шашки,
День последней схватки, верю, — не далек.
По лугам широким расцветает кашка
И ковыль шевелит легкий ветерок.
У кого есть седла, у кого винтовки,
Осмотри, почисти — близится война.
Мы — что скалы крепки, что пантеры ловки,
Вожделений старых близки времена.
Мы поищем правды, не боясь бури,
Боль столетий смоем кровяным дождем.
Сверженному Богу фимиам воскурим
И у ног свободы жертву принесем.
Нам не страшны сабли, нам не страшны пули,
Кто нас одолеет? Сможет кто сломить?
Вихрем наши лавы, в гике, рёве, гуле,
Нам сумеют Волю снова воротить.
Не грозим пожаром, не грозим отмщеньем,
Мы хотим свободы, правды и любви,
Может быть мы слишком полны всепрощеньем
Выросшим на нами пролитой крови.
Нам войны не надо для завоеваний.
На чужую хату местью не пойдем.
Но сумеем биться за родные грани
И за них, в сраженьях, не страшась, умрем.
Кто понять нас сможет, кто понять сумеет,
Всем пошлем горячий, искренний привет,
В нас любовь к отчизне ярко пламенеет
И отмщенью места в кличе нашем — нет.
За Азова веру, за былую славу,
За свою свободу мы зовем на бой . .
До границ московских пронесутся лавы
И трубач сыграет переливно — стой!

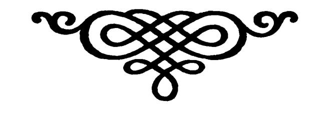
КОСАРЕ ЦВЕТКОВИЧ

Звезды моей сиянью не поверя,
Все-ж мачты не срублю, не опущу ветрил,
Все в жизни этой я изведал и измерил
И сам себя тоской давно опустошил.
Вы искренний мой друг. Мне-б надо откровенней
Во всем признаться вам в элегии моей..
Но кто молчать привык — таит души движенья
И не ему искать сочувствия друзей.
Начну ли говорить о ранах мной нажитых
В ушах польется вновь к вечерне тихий звон,
Когда молитвы шлют за сирых и забытых
И тех, кто слез не знал во время похорон.
Да и меня она, шальная пуля, встретит.
И имя занесут в листок за-упокой..
И в ковыле, резвясь, его просвищет ветер
И убежит играть пахучею травой.
Кто сам своей души не увидал расцвета
Тот должен умереть за общий идеал.
Чтобы к его кресту, с опозданным приветом,
Потомок, помянув, минутно припадал.
. . . .
Не позабуду вас.. Свою дорогу — знаю..
Смиряясь с тем, чем жизнь моя полна,
Ее я чашу пью, с тоскою допиваю,
Но — разобью хрусталь, не выпивши до дна!

КРАСНАЯ КОННИЦА

Тихо..
лишь ветер шумит за оконницей..
Что там — в Родимом Краю?
Конница..
конница...
красная конница
Славит победу свою.
Славит победу..
Гляжу, под иконами,
Блики лампады бегут,
Шашку осветят с ножнами скрещенную,
Ярко насечку зажгут.
Тихо.
Темно.
Смотрят лики с укором,
Мнится:
Георгий с коня говорит:
— Тени убитых по Дону дозором
Ходят..
а Войско — молчит!
Спят заржавевшие шашки по сеням,
В дулах винтовок гнездо пауков!
Кто там, ночами, пугливыми тенями,
Ищет во тьме казаков?
Ищет..
Напрасно..
Их мало..
Бессильные,
Смотрят на Запад и ждут...
Тени скрываются в зёвы могильные,
Тени на помощь зовут.
Что-же, изгнанник? Отчизны далекой
Разве не слышишь отчаянный зов?
Стоны просторов привольных, широких,
Муки плененных бойцов?
Гей!
Поднимайся!
Мы — сила!
Нас — много!

Нету цены, что нельзя было-б дать!
И за престол Иоанна Святого
Снова иди воевать!
Все, кто не любит казачьего слова,
Нашу любившие кровь,
Знайте:
— за шашки возьмемся мы снова,
Правды потребуем вновь!
Нам не бунтарство указка и слава,
Знаем Кондрата пути,
Сможем рассыпаться бешеной лавой,
Сможем свободу найти.
В битвах кровавых и тостах застольных
Верны мы нашей Земле.
А за свободу речушек Запольных
Кончим бороться
— в Кремле!
Меркнет лампада, темнеет оконница,
Что там — в Родимом Краю?
Конница, . .
конница . .
красная конница,
Славит победу свою.

ЧЕРТОВЩИНА

Рожденный для песен и смерти
Тропу не оставлю свою.
Эй, черти, веселые черти,
Придумайте тризну мою.
На лысом, высоком кургане,
Купаясь в шелку ковылей,
В предутреннем, раннем тумане,
Начните вы сагой моей.
А кончите — пляскою дикой,
Что-б тошно вам стало самим,
Сомните пырей с повиликой
И пыль поднимите, и дым.
Зеленым огнем пробегите
И в пламя курган обмотав,
На нем из камней соберите
Чертяку, с веночком из трав.
Что-б рожей противной и мерзкой
Он небу грозил и моргал
И тенью горбатою, дерзко,
От Бога людей заслонял.

. . . .

Тих сегодня, мил и кроток
Посещу, подвыпив, ад,
Под визжание трещеток
Хора резвых чертенят.
С сатаною погуторим,
С чертом трубку раскурю,
Посмеемся и поспорим
Ожидаючи зарю.
С ведьмой в карты поиграю,
Душу ведьме пропущу,
Но, конечно, замотаю,
Обману и — ворочу!
И вернувшися из ада
Без просыпу буду пить..
Кто теперь мне скажет — надо
Иль не надо больше жить?

В ДЕНЬ ПОМИНОВЕНИЯ

Сегодня болен я душой.
Напев звенит
— за упокой!

. . . .

Притих Черкасск. И замер Дон.
Где вождь наш, Каледин?
Ты слышишь — погребальный звон!
Слыхал ты — застрелился он!
Остался он — один!

. . . .

Сегодня болен я душой,
Напев звенит
— за упокой..

. . . .

Разбит вагон.. толпа молчит,
По рельсам — крови след..
Что Караулов?
— Он убит!
Где Атаман?
В крови лежит!
Нет Атамана..
— нет!

. . . .

Две смерти.. вспомню ли других..
Их — тьмы..
— им счету нет!
За чистый блеск знамен своих
Восстал Зипунный Рыцарь в них
За дедовский завет.

Нам в прошлом славы не искать,
Да нет ее меж нас.
Умеем мы лишь поминать,
Да плакать горько, да вздыхать,
Да спарывать лампас.

. . . .

Сегодня болен я душой,
Кричать хочу..
— позвать на бой!
Довольно сиднем нам сидеть,
Нам нужно только захотеть,

Нам нужно вспомнить о былом,
Мы долго спали мертвым сном,
Пора подняться нам!
Пора понять, что мы сильны,
Что Воли-вольной мы сыны,
Что страшны мы врагам!
С врагами-ж нам не говорить —
Один лишь есть закон:
Тот победит — кто хочет жить,
Кто Волю сможет сам добыть,
Кто верою силен!

. . . .

Сегодня, гордою душой,
Кричу, зову на лютый бой.

Казаки, найдите атамана,
Казаки — пойдите же за ним!
Кровоточат огненные раны,
Злой тоской окутали туманы
И клубится от пожаров дым.
    Казаки — сгоревшими степями
    Не звенят подковы дончаков..
    Трупы мы оставили за нами,
    Унеся прадедовское пламя,
    Уводя измученных бойцов.
Что-ж, аль справди все перезабыли?
Аль иная дума залегла?
И к далеким берегам приплыли,
След придонской обмахнули пыли,
За чужие взялися дела?

Поржавели брошенные пики,
Десять лет тускнели палаши,
А в Дону — от красных тряпок блики
В алтарях — полынь и повилики
И казачей не видать души..
Не шумят станичные майданы,
Там казак — и предан и гоним..
Гей, пора по всем собравшись странам,
Отыскать себе нам атамана
И пойти безудержно за ним.

СКИТАЛЬЦАМ

уехавшим в Перу.

Пусть молитвы наши Богу не доходны,
Пусть былая слава меркнет, что лампада:
Жизнью мы играем, конники природны
И иной утехи нам никак не надо.
Эх, мы сложим саги — поминанье славы
И расскажем миру небывалый сказ:
В прериях казачьи кони топчут травы
И глядит индеец на донской лампас!
Без вины изведав горечь расставанья
Мы вонзили кирки в недра чуждых гор.
Лишь порою ветер посулит лобзанье,
Да трава немая свяжет разговор.
Как стада пылинок вихрь разносит полем,
Разметает, сеет по лицу земли,
Мачеха лихая, злая горе-доля,
Погнала по свету наши корабли.
Волны..
волны..
налетают..

Ишь — вздыбилась!
Глянь —
пропала!
Смотрят звезды,
Не мигают,
На винтовки,
На кинжалы!

Черный дым уносит ветер
Далеко, назад, на берег,
Там, где Дон с Кубанью плачут,
Где умолк гульливый Терек.

Черной тенью, черный ветер,
Воет, свищет, плачет, злится,
Стелет дым по пашням мертвым,
По оставленным станицам.
Полумесяц . .
Минареты
Осиянные зарею,
Это-ль наши амулеты?
Доля наша . .
разве это?

Загремели в клюзах цепи,
Впился якорь в дно Босфора,
Вот — взамен великолепий
Рек запольного простора.
Загудел чугун по стали:
Та-та-та . .
вагон-могила.
Та-та-та . .
мы отступали,
Та-та-та . .
не стало силы . .
Та-та-та . .
совсем стемнело,
Гаснут Боснии селенья.

Де-ло бы-ло, бы-ло де-ло . .
Давят, душат сновиденья.
И . .
пошли года украдкой,

Как в горячке, как в тумане,
Будто в церкви, у лампадки,
Боль несбывшихся желаний.
А теперь . .

опять..
далёко..
Где-то там, где Инки жили,
Кто-то нам сулит землицы
Для хозяйства..
для могилы!
Со всего сойдемся света
И поймем без переклички:
В книге жизни — многих нету,
Многих вырваны странички.
Отдыхают
— от надежды..
Не клянут своей «планиды»
Вера им
— сомкнула вежды
И — служила панихиды..
Поредевшим строем станем
И заняв реки истоки,
Тихо, сумрачно помянем,
Многих..
многих..
очень многих!
Где Ефимыч?
— Под Каховкой...
Где Семен?
— В Париже помер!
Кто же сможет взять винтовку?
Первый..
пятый..
— сотый номер!
Поредели..
поредели..
Да, нас слишком, слишком мало..
Гей!
— Давно мы песни пели,
Нас индейцы не слыхали!
Заводи, станичник, что-ли..
И наурской..
и лезгинкой..
Заглуши немые боли
И напомни славу Инкам!

Чтоб они, гуляя с нами,
В тишине своих вигвамов
Стали сами казаками
Выбирая атаманов!
Но — довольно!
Горя-ль мало?
Жизнь ты наша — что былинка..
Тянет к солнцу, сиротинка,
А потом —
глядишь —
— завяла!

ВРАГАМ

Я — поэт самостийник. Не хмурьтесь,
Не боюся прищуренных глаз..
Полюбите вы нас казаками,
«Казачками» любили вы нас!

Вы не правы. Напрасная злоба,
Дух не терпит ни цепи, ни плен!
Не пристало нам, рыцарям воли,
Гладиаторство русских арен.

Вы не правы. Мы в наших желаниях
Вовсе мало от Бога хотим:
Без указки и пана и окрика
Жить казачьим Присудом своим.

Вот и все! Разрешите откланяться.
Что поделать — надумали мы
Отказаться нести охранение
В подворотне российской тюрьмы.

ХУТОР РАЗУВАЕВ

Не велик мой хутор — хутор Разуваев,
Ста дворов, пожалуй, и не набежит.
Речка, Чертолейка, лугом протекает,
Меж травой высокой змейкою блестит.

Наклонились вербы над глубоким плёсом,
Камышем зеленым старый пруд зарос,
Гусь, за колосками, прямо под колеса
На плотине узкой тянет желтый нос.

Из ольховой чащи мельница-старуха
Выбитым оконцем смотрит на луга.
Над помольной хатой вьются тучей мухи
И под легким ветром шелестит куга.

И привады взявши, на заре вечерней,
Проплывя межь лилий тонких лопухов,
На рыбальство едет в душегубке мельник
И с волненьем скрытым ждет сазаний клёв.

Тихо, тихо ляжет ночи покрывало
И луна уснувший пруд заворожит.
Лишь шуршанье слышно мельничного вала,
Соловейко свищет, да вода шумит..

В куренях казачьих говор затихает,
Спит усталый хутор, темный дремлет пруд.
Далеко, у гумен, пес на месяц лает,
Да высоко в небе облака плывут.

А туда, к полночи, выйдет мельник сонный,
В ковш зерна подсыпать — камень застучал.
И чеканит месяц силуэт склоненный
И мешок порожний подает с плеча.

А в реке — русалка, с белой грудью пышной,
Соберет подружек дикий хоровод..
Мельник — не боится. Мельник — он привышный,
Мельник слово знает супротив тово.

Вон, надась, завощик, парень сам бывалый,
Ворочаясь в хутор позднею порой,
Увидал как тихо, по большому валу,
В мельницу вернулся старый домовой.

А жалмерка Настя, прибрала скотину,
Припозднилась. Тёмно. Шла то — через лес.
Глядь, а меж кустами, под сухой осиной,
Он! Лесной хозяин! Леший! Вот те хрест!

Хутор Разуваев просыпался рано,
Поедались горы пышек и блинов
И охлюпкой сидя, мимо атамана,
В степь подростки гнали кровных скакунов.

Вылезали деды к мельнице иль школе,
И вели беззубый, долгий разговор,
О пашах турецких, о царе Миколе,
И о том, что Разин вовсе не был вор.

Не велик, да стар мой хутор Разуваев . . .
Сотни лет шептался с чаканом камыш,
Провожая дедов к Стеньке, под Измаил,
Под Царьград, на Альпы, с Платовым в Париж.

И седлались кони . . колыхались пики . . ,
Много . . много наших полегло в бою . .
Хутор Разуваев, в перекатном гике
Ты по свету славу разносил свою!

И пою я песни о дымке кизечном,
О полыни горькой, чакане в прудах,
О скитаньях долгих, о тоске извечной,
О слезах кровавых на моих следах.

ПАМЯТИ КУНДРЮЦКОВА

Что ни день — то все реже ряды,
Что ни день убавляется сил
И все чаще и чаще кресты
Одиноких, забытых могил.

На чужбине они умерли.
Не вернуть. Никого не вернуть.
Мы ведь тоже не мало прошли
И короче оставшийся путь.

Знаю — счастье мое не придет,
Нет, не верю, что я доживу,
Но — казачий, восставший народ,
Атаману вручит булаву.

Я, не плачу, а тихо пою,
Об ушедших, о павших бойцах,
О свободе в Родимом Краю,
О свободе служивших певцах.

И потомок лишь тех помянет
Кто идее отдаться умел,
Кто любя свой чубатый народ
Четверговой свечею сгорел.

Только те, только те хороши,
Кто свободе казачьей служил,
Кто молитву горячей души
Лишь одним казакам посвятил.

Только те, кто о страхе не знал
И о благе не думал своем,
Кто борьбе свои мысли отдал,
Только их мы следами пойдем.

И сегодня, смыкая ряды,
Не замедлим размашистый шаг.
Расцветают надежды цветы,
Серебрится роса на лугах.

Разжигайте-же искры в очах,
Нет, огонь не слабей, не угас,
Наша будущность — в наших руках,
Воля наша — зависит от нас.

Кличем мы — неустанно зовем,
Всех, кто верен, не трус, не продал,
Защищать Богородичен Дом
Умереть за Степной Идеал.

В ПОТЕМКАХ

Под мятелью и вьюгой суровой,
Средь зимой запурженных равнин,
Позабытый, потерянный, новый,
С болью встречусь — один на один.

В испытаньях не выпущу шпаги,
Тяжек путь мой, тернист и далек,
Но поверю — мне хватит отваги
Обновить заржавевший клинок.

Перед Идолом в поле застывшим
Помолюсь ли Тому, Кто сумел
О свободе и воле забывшим
Дать скитанья в тяжелый удел.

Помолюсь.. или выпивши с горя,
Поверну, приминая цветы,
Поклониться широкому морю
И отведать его красоты.

И в ладье и опасной и тесной,
Без весла, не подняв парусов,
Оттолкнуся на путь неизвестный,
Полный болей, скитаний и снов.

Звезды мне перескажут былины
О таких же бездомных как я
И средь водной, безгласной равнины
Сложит крылья надежда моя.

И уйду я, не бросивши взгляда
На меня приютившую гладь
И одевши иные наряды
Буду весело петь и плясать.

Пусто в сердце — там ветры не стонут,
К черту шпагу, заброшу ножны.
Где вы черти? Молчат и не тронут:
Им такие как я — не нужны.

Зацепились хвостами, смеются.
Эй — хотите меня, или нет?
У виска мои кудри совьются
Повстречавши немой пистолет.

И в пустыне молчащей и жуткой
Обману я вас, эй, воронье!
Подшучу с вами злобную шутку,
Дам вам выклевать сердце мое.

Отравлю окаянных тоскою,
Желчью души вороньи налью..

. . . .

Без весла, без ветрил над ладьею,
Я окончу дорогу мою.

БУЗЛУЧЕК

Я в пыльном парке городском
Сегодня был впервой
И вижу — в стриженой траве
Поник цветок степной.

Везде асфальт, везде бетон,
Деревьев тощий строй,
А он глядит и манит он
Невинной красотой.

. . . .

В «Середнем Колке», по весне,
На берегу реки,
В зеленой, бархатной, траве
Мы рвали бузлучки.

Но как тебя занес сюда
Лихой насмешник — рок?
Откуда ты в стране чужой
Родимый бузлучёк?

. . . .

Весна пришла и ожил лес,
Потаяли снега,
Играют балки и ручьи
И под водой луга.

А от сугроба под плетнем
Не стало и следа.
В лесу немолкнет птичий грай,
Пошла в наслус вода.

У нашей мельницы давно
Колеса ходят вброд.
Отец и мельник ночь не спят:
Пробьет плотину лед!

В станицу утром, второпях,
Отец тачанку шлет:
Там — знахарь есть. Заговорит
Он силу вешних вод.

Да разве-ж, братцы, не беда,
Отцу — не повезло:
Тачанка только за бугор —
Плотину унесло!

Господь — Он взыщет за грехи!
Пруди-ка нонче пруд!
Весенний сев! Почем хохлы
За кубик с нас сдерут?

Вот наказанье! Вот напасть!
Скажите — каждый год
Придет ли полая вода,
Плотину — враз прорвет!

И мельник искренне смущен
И чешет под спиной:
«Ось, грець, мы думалы — того..
Воно-ж, дывысь, — не той..»

А мне и Мишке — наплевать,
У нас — свои дела!
У нас — махорка в шалаше,
Шалаш — вода снесла!

Нам с Мишкой некогда вздохнуть:
На мельнице — содом!
Вода под камни подошла,
Пойдем-ка крыс пужнём!

Мы хуже мельника в муке,
Вертит Буян хвостом
Я невзначай разбил окно
Шибнувши чекмарем.

Эй, Мишка, глянь — уплыл чирик!
Держи его.. хватай!
Крупчатка — в воду.. пятерик..
Ребята — удирай.

Мы с псом изватлались в муке,
А Мишка — всех белей..
Скорей на баз. Пустили кур,
Пустили и гусей.

На вербы куры. Гуси — в пруд..
А пруд — налился всклянь..
Мы с Мишкой в панике — дела
Определенно дрянь.

Спасаться надо под амбар
Лежи — не шевелись..
А кликать будут — промолчим..
Не кашляй.. не возись..

Зовут нас.. ищут по базам..
В амбар вошел отец.
Буян гнездо яиц нашел
И слопал все.. подлец.

. . . .

Везде — асфальт. Везде — бетон..
Ан — желтенький глазок!
Манит, зовет, кивает мне
Родимец — бузлучёк..

О город, город.. ты мою
Испил по капле кровь..
Но все-ж по прежнему крепка,
Свежа моя любовь!

Воспоминаний милый строй,
Надежды — злой обман..
Ты, бузлучёк, единый мой
Бальзам тяжелых ран.

ОДИНОЧЕСТВО

> Zu schnell streckt der Einsamme dem die Hand entgegen, der ihm begegnet.
>
> Also sprach Zarathustra.

Я снова, снова одинок,
Тяжки уроки лет..
Пошлю же вновь моим друзьям,
И им, несбывшимся мечтам,
Последний мой привет.
Пора..
Ушли мои года,
Что хроника утрат..
Как под кормою плеск реки,
Что при дороге васильки,
Что голубой закат..
А верил:
близко облака,
Лишь стоит захотеть .
И будет счастье глубоко,
И будет радостно-легко
Творить, любить и петь..
И мнилось:
солнца хватит всем
И я поймаю луч!
И полной будет жизнь моя,
Как трубный зов, что плеск ручья,
Что вихрь весенних туч.
Ушли..
ушли мои года
Один другому вслед,
Что хор осенних непогод,
Что мыслей мрачных хоровод
И тяжкий сон, и бред..
Да, знаю:
велено страдать
Бороться здесь, в пыли,
Во что-то верить, что-то ждать
И все надежды потерять
Мешаясь в прах земли.

Довольно..
                    вечно одинок
Впустую звал друзей..
И нынче, под сокрытый стон,
Зову на праздник похорон
Живой мечты моей.
Пора..
          не нужно жалких слов..
За дверью — дождь и грязь..
Не перечту своих стихов,
Тушу огонь и жажду снов
И лягу — не молясь.
Угас огонь..
                    темно.. темно..
Ложится пёс у ног.
Год — незамеченным прошел
И нынче я ему подвел
Безрадостный итог.
Что, пёс?
               — Горят во тьме глаза.
Ты веришь?
                    — Черт с тобой..
Ужели ты бы захотел,
Собачий, радостный удел,
Переменить на мой?

НОКТЮРН

Горит, горит святой огонь,
Он постоянен неизменно
Его зипунные бойцы
Зажгли с колена на колено.
    Заметя в седине волос
    Грядущей старости дыханье, —
    Привет вам шлю, от юных дней
    Неизменившимся желаньям.
Привет тебе, исконный зов,
Преодолевший тьму сомнений
И указавший мне пути
По следу прадедовских теней.

И вот, не ведая друзей,
Ни ласки тихой, ни опоры,
Мечтою одолел своей
Уединения укоры.

Один всегда. Лишь верный пес,
(Характер — складки философской)
Со мною стойко перенес
Час искушения бесовский.

И зажигая в тишине
Огонь зардевшейся лампады,
Мы оба веселы вдвойне,
Мы оба сделанному рады.

Пройдет часов неслышный ход,
Умрут мгновенные упреки
И будет счастлив мой народ
Победой правды светлоокой.

Когда-ж измученному мне
Предел земной Господь положит,
Ничто в небесной глубине
Души покоя не встревожит.

Да, воле древней — верен был
Наперекор злодейке-доле.
И этим счастлив мой удел,
Мне ничего не надо боле.

Да .. ничего ..
Пройдут года,
Настанут радостные сроки
И так-же будут бить они
Любви целебные истоки ..

Господь — несказанно велик!
И справедлив до граней меры:
Он в сердце скромное вселил
Неугасающую веру.

Я И МОЯ СОБАКА

памяти Жако-Яшки

Ты — не пьешь, собака. Я же — выпиваю..
Я принес сегодня хлеба и вина.
Хлеб порежем тонко, посолив покруче,
Разопьем бутылку красного до дна.

Разожжем печурку. Подложив дровишек
Занавеску спустим — на дворе-то ночь..
Да затянем, что-ли, про дела былые
И о том, что дальше нам терпеть невмочь.

Тишина. Спокойно. Мы потушим лампу
И отворим дверцу подложить дрова.
По углам каморки зайчики запляшут
А в душе воскреснут звуки и слова..

Так-то лучше будет.. Дома-то, бывало,
Сумерки встречали сидя в темноте.
Так и мы с тобою посидим у печки
Отдадимся тихой, золотой мечте.

На тебе кусочек. Ты не пьешь.. Я — выпью..
За мою отчизну, за родимый Дон..
Посижу, прижухнув, погляжу на угли,
Под стакана тихий о бутылку звон..

По второму выпьем, чокнувшись с бутылкой..
За кого? Не дурно выпить за друзей..
Из друзей-то Яшка, ты лишь подлым не был!
За твое здоровье, куцый дуралей!

Пламя скачет, вьется, пляшут свет и тени,
Пес, зевнувши громко, спит согревши бок.
Богу речь — не скажешь.. просьбы — не напишешь
Жалуясь на долгий в жизни болей срок.

Пес, мой друг уснувший, ныть с тобой — не будем
Не свернем, не станем посередь пути..
Нам — судьба такая, радостей не зная,
За огнем зовущим, выпивши, итти..

Заведу-сыграю да про дом отцовский,
И про двор заросший сорною травой..
О ушедшей были, о тоске безмерной,
О горячей вере — яркой и живой!

Что-ж.. пора ложиться.. Угли — догорели,
На ненашем небе звезд чужих — полно..
Спи, моя собака! Моему народу
Видно спать немало тоже суждено.

Перед сном бы надо Богу помолиться,
Да тяжка, бездумна стала голова..
На душе-то смерклось..
Помяни нас, Боже..
Эх, забыл молитвы робкие слова.

БОЙТЕСЬ..

Бойтесь..
когда молодые
Крылья устанут в полёте..
Разве о сини небесной
Сами вы гимны споете?

Бойтесь..
когда молодые
Очи слеза затуманит..
Кто вам расскажет, что дали
Силой волшебною манят?
Бойтесь.. когда молодое
Сердце сожмется от боли..
В ком же вы отклик найдете
Сказке о пламенной Воле?

Бойтесь..
коль голос зовущий
В страшной тоске оборвется..
Чьим же призывам горячим
Ваша душа отзовется?

. . . .

Крылья, что к небу взметались,
В солнечных яхонтах рдели..

Бойтесь..
коль данное Богом
Вы сохранить не сумели!

БАБУШКИНЫ СТРАСТИ

Памяти бабушки — Натальи Петровны

Нынче, ранним утром, начались напасти:
Взвар то на загнетке кто перевернул?
Дунькя-то Фяданькю рогачем ширнула
А Фяданька Дунькю рубелём толкнул.

Все им ха-хи, хо-хи, шутки-прибаутки . .
Пятницу забыли — сроду постный день!
Бог — ить Он не стерпить, Он-то враз накажет:
Оборвала-ж Дунькя кофту о плетень!

Вот ведь наказанье . . ох, Господни страсти,
Тёлка отвязалась и пошла шшаплять . .
Полушалок новый в лужу затоптала
В Редкодуб умчела . . где ее поймать!

И подсвинок тоже убежал из база
Чай не сам вертушку носом-то открыл?
Молоко парное, ирод, опрокинул,
В огороде грядки все как есть разрыл.

Проволку бы надо в нос вкрутить подсвинку
Да сказать Сяргуньке штоб гусей стерег.
В балку Рассыпную выследить наседку . .
Господи-Исусе, так собьешься с ног.

Може-с наговору, а не то — от сглазу,
Пироги то ноне вовсе не взошли . .
Самовар с угаром в горницу втащили
Щи не доглядели — в печке щи ушли . .

. . . .

Бабушка . . родная . . Бога ты молила
За сынов . . за внуков . . за несчастных снох . .
На Кубани дальней . . там твоя могила,
При конце слезами политых дорог.

СКАЗАНИЕ О ЧЕТЫРЕХ

Это было — в мире не нашем,
Сталось это — в мире ином:
Четверо — выпили чаши
С отравленным вином..

Они пели красивые песни
О том, что надо любить,
Что любя — веселей и чудесней
В мире этом умирать и жить.

И о Правде их лиры звенели
И о том, что Правда — для всех..
И что выгнать пса на мятели,
И убить человека — грех!

Что нельзя по смрадным лачугам
Братьям нашим без радости жить..
Назовите-же каждого другом,
Слово Божье будем любить.

Никогда, ничего не отнимем,
И силой ничто не возьмем..
Только добрыми, только такими
Мы счастливую жизнь проживем.

Но — никто четырех не слушал..
Уходили, смеясь, от них..
А от солнца искрились лужи
И в листве — соловей затих.

И тогда — решили четыре:
Завтра с лютнями в поле пойдем,
Чтобы память осталась в мире
Завтра, вместе, четыре — умрем!

Это сталось в мире не нашем..
Сбылось это — в мире ином..
Четверо — выпили чаши
С отравленным вином.

И люди на них глядели
И люди — понять не могли:
Почему они жить не сумели?
За что-же они умерли?

А потом — стихи их взяли
И рифмы граненый узор
Друг-другу, дивясь, читали,
Разжигая радостью взор.

И один из читавших — увидел
И другому сказал — гляди:
Ты же помнишь — тебя я обидел?
Друг мой, брат мой — прости!
    И тогда лишь люди узнали
    Как чисто слова звенят,
    Коль любившие жизнь отдали
    За стихов ритмический ряд.
И поднявши полные чаши,
Радостно веря — есть добрый Бог,
В мире — лучшем.. в мире — не нашем,
Пили люди в честь Четырех.
    Это было — в мире — не нашем,
    Сталось это — в мире ином.
    Четверо — выпили чаши
    С отравленным вином!

ТОСКА

Опущу на окнах занавески,
Потушу оплывшую свечу
И смежив усталые ресницы
Помолчу..
Темнота глуха и непроглядна,
Лишь звенит немолкнущая тишь..
Ты о чем, душа моя больная,
Говоришь?
. . . .
Глянь..
        за дверью..
                за стеной кирпичной..
За стеклом закутанных окон,
Далеко.. за синими морями..
Вьется..
        плещет..
                полноводный Дон..
Там теперь — зеленые ливады,
Отцвели бессчетные сады,
Осока и камыши и чакан
По-колено забрели в пруды.
Отыграли ерики и балки,
По теклинам нанесло песок,
А в лугах, мигая, зазывает

И манит и кличет огонек..
Все уснет закатною зарею,
Солнце сядет в дымке облаков,
Зашуршат по травам и былинкам
Тьмы турчелок, кузнецов, жуков..
И на зов невинной Божьей твари,
Загоряся в речке, под вербой,
Выйдет он — красавец круторогий,
Серебристый месяц молодой..
Поглядит на темные станицы
И — уйдет, уйдет за облака..
. . . .
Дверь открою..
распахну окошко..
Боже мой..
— тоска!

VANITAS VANITATUM

Кто изведал боль утраты,
Кто узнал мечты измены,
Тот — склоняяся закату
Не надеется возврату
И — не жаждет перемены.
Все равно!
Стрела лихая,
Попрощавшись с тетивою,
Пролетев — пером провоет,
При паденьи — землю взроет
И — покроется травою..
Проползут тысячелетья
И мальчишки расы новой
(Дети — вечно будут дети)
Откопают стрелы эти
Для игрушки бестолковой.
В полусгнившем опереньи
Не понять детишкам малым,
Что и ты — была стремленье,
Что порвала ты — терпенье
И конечно — не попала!
Время мощною рукою
Межь веками стерло грани..
Те, что были здесь, с тобою,
Отдались давно покою,

Нет о них воспоминаний!
Лишь степной зефир летучий,
Да поэт, зарею, рано,
Слышат ратей клич могучий,
Видят стрел и копий тучи,
Тени витязей в тумане . .

. . . .

Что-же, пойте, люди-братья,
Об отчизне, об отмщеньи,
О молитвах . . о проклятьях . .
О желаньях и объятьях . .
О борьбе освобожденья . .
Жизнь — дана!
                    Идите смело,
Расточать живые силы . .
В мире — очень много дела!
Все занялись в мире целом:
Роют свежие могилы . .

. . . .

Тишина . .
               мотив прелестный
Шепчет мне Дунай широкий
О прекрасном. О чудесном.
О великом — неизвестном,
О разгадке недалекой.

. . . .

Нынче я Творцом Вселенной
Раб ничтожный —
                         недоволен!
Жить пришлось с душой плененной,
Позабытой и — презренной . .
Но . .
     Его да будет воля!

ЧЬИ ВЫ

Чьи вы ? . .
               Чьи вы . . ?
                              Крикнет чибис . .
В степи полымем сожженной.
И замрет, исполнен болью,
Крик тоскливо-изумлённый.

Чьи вы..?
— спросят нас курганы,
Вербы, бахчи и ракиты..
И ответим:
— мы.. вернулись..
Деды..
наши..
здесь.. зарыты..
И метнется в небе чибис,
Дрогнет твердь в ответе грозном:
Что?
— теперь лишь воротились?
Поздно..
поздно..
— слишком поздно!

ОЖИДАНЬЕ

Памяти Санжи Балыкова

Будто листья
дни
спадают.
Незаметно
годы
тают..
Тихо.. тихо.. тонут в Лету..
Без улыбки..
— без привета!
Все-же
— жду!
И все-же
— верю!
Он вбежит, рванувши двери,
Крикнет:
— час желанный близко!
Я вскочу, склонюся низко,
Бурной радости не скрою:
Друг — воскликну — ты со мною?
На исходе были силы;
Ожиданье утомило!
Слава Богу... слава Богу..

Что-ж?
— не медли-же!
— в дорогу!
. . . .
Что такое?
Стонет кто-то?
Навожденье?.
Сон..?
Дремота..?
Все — ушло..
исчезло..
скрылось..
Чудо?
Чуда — не свершилось!
. . . .
Пот холодный..
взор блуждает..
Гиря — стрелки опускает..
Снова в сердце боль тупая,
Явь — постылая и злая.
Все-же
— жду.
И все-же
— верю:
Распахнет мои он двери,
Крикнет:
— час желанный близко!
. . . .
Голова склонилась низко..
Ах..
совсем нестало силы..
Что с ним?
Где он, легкокрылый,
Вестник Радостной Удачи?
. . . .
Ветер..
дождь..
о чем я плачу?

РОЯСЬ КАК-ТО В СТАРЫХ КНИГАХ..

по Змаю Иове Иовановичу

Роясь как-то в старых книгах
Межь бумаг, в пыли и плесни,
Я нашел, в стихах забытых,
Непрочитанную песню..
    Знаю, был он, в строчках этих,
    След всего, что взяла Лета,
    В них мое звенело счастье
    И любовь моя опета.
Отклик в них селений горних
Кличу радости без меры,
С высоты моей великой
Молодой, горячей веры.
    Да, но кто посмеет снова
    О путях сказать пройденных?
    Нет и я читать не стану
    Строчек раньше не прочтенных.
На столе свеча мигает,
Огонек дрожит и гнется,
Я отдам ему бумагу,
Пламень весело взовьется.
    Хоть бумага и сгорела
    Пепел буквы сохраняет,
    Непрочитанные строки
    В пепле снова воскресают.
Лишь теперь ее читаю,
Повесть радости и были,
О своем ушедшем счастьи
Но — на пепле.. лишь на пыли!
    Ох, так разве чувства наши
    Навсегда не умирают?
    Да, любовь мою святую
    Пепел вечно сохраняет.
Не предаст он. Не изменит
Боли вечной, беспримерной..
Ой вы, песни — мое горе,
Ох ты, пепел — друг мой верный!

Und wimmert auch einmal das Herz
Stoss an und lass es klingen.
Wir wissen's doch, ein rechtes Herz
Ist gar nicht umzubringen.

Theodor Storm.

БАВАРИЯ

(1945—1958)

В МЮНХЕНСКОМ ПОЕЗДЕ

Играет немец на старой скрипке
И вальс веселый летит в поля,
Но мы привыкли жить без улыбки,
Мы разлюбили тебя, земля.
    Играет скрипка и пассажиры
    Дают охотно последний грош.
    Мелькают сёла.. мои кумиры
    Я позабыл вас.. вас не вернешь..
И кто-то пьяный поет неверно
Что было счастье, придет оно..
Откинусь в угол, мои химеры
Летят за мною, стучат в окно.
    Поверить зову в тоскливых звуках
    И выйти снова, на новый бой?
    В лесах баварских, в кровавых муках,
    Мне Край Родимый маячит мой.

ПАМЯТИ ВЫДАННЫХ

На мою ты приходишь заваленку,
Мы покурим с тобой, помолчим,
А под вечер опять об Италии,
Про Лиенц мы с тобой говорим.
    И о тех, кто поднялся, поверя,
    Что воскресло Казачество вновь,
    И о тех, кто несытому зверю
    Вылил в чарку безвинную кровь.
Бога в Лондоне просят о мире
И о счастьи для сытых людей,
Позабыв, что на хаки-мундире
Кровь раздавленных танком детей.
    В Кентерберри епископы молятся
    На иконы умильно глядят,
    По-над Дравой, по пыльным околицам,
    Трупы женщин давно не висят.

Это матери, жены и дочери
Тех, кого отправляли «домой»,
Для кого пулеметная очередь
Избавленье от мук и покой.
    Наша совесть — чиста перед Богом,
    Незапятнана воина честь.
    Выйдем снова мы к старым дорогам
    В пороховницах порох-то — есть!
«С Дона выдачи нет» — были святы
Древней дедовской Воли слова..
Не у нас у лежачаго снята
И врагу отдана голова.
    Эх, Казачество, волюшка-воля,
    Не твоё покраснеет лицо,
    Не добило ты раненных в поле,
    Не везло продавать мертвецов.
Убежавших от пыток и муки,
Спасших честное имя свое,
Не отдало ты нехристю в руки,
Да святится же имя твое.

. . . .

    Посидим, помолчим, да покурим,
    А придет оно, время, придет,
    Ветер сеявший, страшную бурю
    Над своими дворцами пожнет.

. . . .

Заиграть бы походную, что-ли?
Ничего никому не забыть!
На костях, на крови да на боли
Будет Правда Господняя жить.

ВОЖДЬ

Он, вождь казачий — не пришел
Неся грозу в очах,
И мыслей тайных не прочел
Никто у нас в сердцах.
И обращаяся к полкам,
Нас посылая в бой,
Не указал он нам путей
Проверенных судьбой.

Его сполоху равный зов
Издревле грозных сил
В груди поднявшихся бойцов
В войне не разбудил.
Не распалил он гнева шквал,
Не взмыл он как орел.
За ним народ наш не восстал,
Врагов своих не смел.
Судьба вождя нам не дала
В огне лихих побед.
И в Поле выжженном до тла
Подков затерся след.
Кондратий был.. Степан.. Пугач..
Не их звенят слова..
Лишь вдов да сирот слышен плач
А мысль — давно мертва.
Водили раньше казаков
Герои. Но не вы:
Предатели, рабы рабов,
Прислужники Москвы.
. . . .
Мне тяжело. И час мой бьет,
Я — Атамана ждал.
Он — не пришел. И мой народ
В борьбе смешавшись — пал!

ДОНСКИМ ПАРТИЗАНАМ

Ох, мела, мела, она, позёмка,
Хутор Фролов замела во-взят.
Ох, намерзся в шинелишках тонких,
В половне скрывавшийся отряд.

Ни сварить, ни закурить ребятам,
Что кроты в полове залегли.
Ночь пришла. По куреням и хатам
Огоньки вечерние зажгли.

Сотня их, парнишек желторотых,
Из Черкасска, с Чира, с Калитвы.
Против них — четыре красных роты
Коммунистов. Русских. Из Москвы.

Закурило ночью, запуржило,
Ветер, тучи и темным-темно,
О полночи, или в час от силы,
Занялося крайнее гумно.
Ветряки отрезали с налёта
С водокачки вдарил пулемет..
Бились крепко все четыре роты
Но к рассвету начали отход.
Ночью этой пленных нет, не брали..
Все что было — здесь не обсказать,
К Иловлинской красных провожали
Через Лог вертались ночевать.

. . . .

Эх, мела, мела она — позёмка,
Гимназистик, реалист, кадет,
Без обувки, в шинелишках тонких,
Жертва злобе окаянных лет.
Жизни ваши, молодые силы,
Разбросав в сугробах и пыли,
И уйдя в безвестные могилы
Тем вы честь казачью сберегли.
А потом — отцы поднялись ваши..
Эх ты, горе-горькое мое..

. . . .

Побежденных меж зубцами башен
В старину кидали на копье.

У КРЕСТА В ЛИЕНЦЕ

Потемнели ерики и пади,
Розовеет на закате синь..
Мне с тобою никогда не сладить
На душе осевшая полынь.
Не Тебя-ль мы прославляли, Боже.
Не на радость — на тоску и плач!
Ты повел.. и Ты же уничтожил
Погубил нас, страшный наш палач.
Ничему, отчаясь, не поверю,
Доживая в горе и бреду,
Жду когда откроешь Ты мне двери
Я к Тебе бестрепетно войду.

И увижу выданных страдальцев,
Раны.. кровь.. провалы жжёных глаз..
И тисками сдавленные пальцы
И на теле срезанный лампас.
Ужаснусь. В тоске изнемогая,
Прошепчу, не опустивши вежд:
Это-ль тень обещанного Рая,
На Христа возложенных надежд?
Сосны.. Ели.. Пади.. Котловины..
День дождливый утонул во мгле..
Сердце что-ль своей рукою вынуть
И в чужой похоронить земле..

КАЗАЧКЕ

Отче наш.. звенят слова молитвы..
Трупы турок покрывают вал..
Ты в Азове не боялась битвы
И в руке дымился самопал.
Веря свято Покрову Пречистой
Ты за мужем на валы пошла
И шипя, по склонам травянистым,
Полилась кипящая смола.
А потом.. Ах, сотни, сотни вёсен
Сыновей ты снаряжала в бой,
Знала ты, что пули их покосят
И немела от тоски глухой.
Нет на свете добывавших славу.
Дует он, горячий суховей,
Пригибает золотые травы
На могиле брошенной твоей..
Мы — ушли.. И песни мы сложили
Все свое сыновне полюбя
И тебя, родная, не забыли
И стихи сложили про тебя.
Сколько слез твои пролили очи
Сколько болей затаила грудь..
Отче наш! В грядущей, страшной ночи,
Освети ей, мученице, путь.

В РЕГЕНСБУРГСКОЙ ЦЕРКВИ

К ектенье зазвонили великой,
Замигали огни в алтаре,
Заблестели лампадные блики
На старинном, литом серебре.
Мне-ль поверить в грядущее чудо
И смиренно склонясь пред крестом,
Помянуть вас, казачьи Иуды
И уйти с просветлённым челом?
Но — закрылися царские двери,
И простерлися руки горе,
И стихи зазвенели о вере
И застыла слеза на ковре..
Не пришло, не пришло облегченье
Замутилась, кружась, голова.
Распаленное гневом сомненье
Потушило молитвы слова.
Повернусь и сутулясь, неловко,
Выйду, глянув как солнечный свет
На резных херувимов головках
Оставляет обманчивый след.
Равнодушие дымной фатою
Затянуло готический свод..
Не с моей неуёмной тоскою
Чуда ждать, словно пес у ворот.

ЛАЗОРЕВЫЙ ЦВЕТОК

Прибирали ангелы Божию светёлку,
Находили ангелы синенький цветок,
Становили ангелы в уголок метёлку,
А цветок лазоревый клали на шесток.
Бог — гулял по облаку. Бог — вернулся в горницу,
Глядь — цветок лазоревый на печи иссох.
Вспомнил Бог казачую, огневую конницу,
Услыхали ангелы будто тихий вздох..
Весь курень заоблачный, всю светелку низкую,
До краев заполнили то-ли плачь, то-ль стон..
У окна небесного Бог — играл служивскую
И в слезах, задумавшись, все глядел на Дон.

И Евграф Гаврилович, с хутора Вертячаго,
Что с боев на Маныче числился в раю,
Услыхал старинную песню ту, казачую,
Вспомнил Дон попаленный, вспомнил смерть свою..
И слилися, жалуясь, два усталых голоса
Ветер звуки тихие до земли донес..
Херувимы плакали, распустивши волосы,
Божья Мать задумалась, загрустил Христос..

. . . .

Выходили ангелы — казачата малые,
Чернецовцы павшие за Родимый Край
И цветы лазоревы, сине-желто-алые
Все собравши по-степи, воротились в рай.
Скрылись звезды ясные, отзвенело пение,
Лишь Петро-угодничек, выйдя из-за туч,
Поглядел на страшное Дона запустение
И от двери райския в бездну кинул ключ.

. . . .

Ох ты гой, казачество, ты мое болючее,
Для тебя я молодость, жизнь отдал свою,
О тебе я выплакал слезынки горючие,
И тужил-печалился здесь, в чужом краю.

НАТАШЕ

Первое сегодня,
А в году — начало..
Ты ручёнкой детской
Календарь сорвала.
Что-ж, поверить, что-ли,
Что уйдут печали
И несешь ты счастье,
Маленькая Таля?

НА ОЗЕРЕ КОХЕЛЬЗЕЕ

Стоит стеной зеленый бор,
Глядятся ели в синь озер,
Синеет цепь далеких гор,
Повсюду — тишина.
Не шелестят дерев листы,
К воде придвинулись кусты,
Густеет полог темноты,
Душа моя — больна.
Звезда зажглась, звезда горит
И лес и дол уснул и спит,
Все неподвижно, все молчит
И отзвук вздоха — нем.
Но — не признаюсь никому,
О чем тоска.. И почему
Остаться лучше одному,
Уйти в себя — совсем.
Глухая тишь звенит.. И вот
На церкви дальней полночь бьет
На муки предан мой народ..
И мысли — лишь о нём.
Чу — голос птичий прозвенел,
И хор меж елей загремел
И брызнул свет снопами стрел
По озеру огнем.
Итти..
итти...
— Зачем? Куда?
Сгорел он — отчий дом.
И не пора-ли навсегда,
Закрыв глаза, в лесу чужом,
Забыться вечным сном.

HEUREKA

Выпивши бургундского крепкого вина,
Вымерив бутылочку сверху и до дна,
Мне на дне удалося истину найти:
Лишь прямые признаны Господом пути!
А на них с надеждою нужно вдаль глядеть,
Да с мечтой несбывшейся лечь и умереть.
Слезы-ли покажутся, иль прорвется стон,
Начисто их вылечит беспробудный сон.
С верой след проложенный приукроет пыль,
Кончатся стремления.. высохнет ковыль.

ВИДЕНЬЕ

Я тридцать лет ответ искал
Молясь с тоскою и укором
И предо мною он предстал
Горя и бронею и взором.
Теклиной проходя пустой
Исполнен дум, в часы ночные,
Я вдруг увидел пред собой
И шлем и латы неземные.
И онемел он — мой язык.
И перед Ним склонившись долу,
Устами, с радостью приник
Поймав трепещущую полу.
Нездешний свет вокруг светил
И стал песок алмазов краше,
Я низко голову склонил
Как пред Даров святою чашей.
Незнаю — хоры-ль райских птиц
Иль арфы звуки, иль кимвала,
Упавши в прах, простершись ниц,
Душа в смятеньи услыхала.
И тихо голос мне сказал:
Зачем ты просишь злой кончины?
Ведь только вас Господь позвал
В ряды отобранной дружины!

Безмерно Волю полюбя,
Не преклонив покорно выи,
В огонь вы бросили себя
И курени свои родные.
    Детишек ваших, ваших жен,
    Не пощадил лихой губитель
    И на земле ваш край сожжен
    На небе сотворя Обитель.
К чему она, твоя тоска?
За гробом жизнь — светлей краше.
Не гробовая ли доска
Лежит мостом к познанья чаше?
    Кто был умучен, в битве пал,
    Блюдя старинные законы,
    Тот сам пред Господом предстал,
    Допущен к Божескому трону.
И вот — пополнились полки
Несчетных войск Небесной Силы,
В них служат нынче казаки
Пройдя искус земной могилы.
    О чем-же ты в тоске поешь
    И нет конца твоей печали?
    И ты ко Господу придешь
    Как предки все твои предстали!
И голос — смолк. Он — вновь в раю,
Свидетель Неба чудной славы...
Не заглушить мне боль мою,
Не позабыть мой Край Кровавый..
    Простится-ль мне вина моя?
    Предстану-ль к Божескому трону?
    За то, что полюбивши, я
    Не изменю земному Дону!

НОЧЬЮ

Ночью долгой думы беспрестанны
Бесконечны.. жгучи.. об одном..
Не зажить вам, огненные раны
На казачьем сердце на больном.
    Знаю твердо — до могилы надо
    Донести зажженную свечу..
    Пред тобою, тихая лампада,
    Не ропщу, не говорю — молчу.

Покаянья слезы пламенеют,
В прогрешеньях сознаюся всех,
Лишь один упомянуть не смею
Окаянный, непростимый грех.
Смертный грех! Прадедовскую волю
Мы в московской бросили пыли
И чужие утоляя боли
У чужих лишь ненависть нашли.
Маловеры . .
Всемогущий Боже!
Страшен Ты в отмщениях своих:
Сатана нас думал уничтожить,
Не поспел от ангелов Твоих.

КАЗАЧИЙ ПАЖ

Этой ночью ко-мне королева пришла
И за руку тихонько взяла:
Зашаталась стена, закачалась земля,
Прошептала: — убей короля!
Узким ходом пошли . . нет, не помню теперь
Где открылась потайная дверь.
Глянул — спит одинокий, усталый старик
И едва лишь мигает ночник.
Шепчет снова: — ты молод и я молода,
Ты убьешь — я твоя навсегда!
Цель вернее — минутна уснувшаго боль.
Завтра будешь мой муж и — король!
Я рукою недрогнувшей меч обнажил
Прямо в сердце его королеве вонзил.
Молча голову я под топор положу
Ни о чем никому не скажу.
Ты спасен, мой король, от изменницы злой . .
Но — любовь — ухожу за тобой.

***

Час этот близок — умолкнет лира,
И бомбы, воя, начнут полёт
И половина народов мира
В кровавой бойне, в огне умрет.
    И глянет солнце из мглы туманной
    На черный, страшный, сгоревший бор
    И дождь омоет земные раны,
    Потоком мутным сбегая с гор.
И выйдет месяц из темной тучи,
Осветит груды гниющих тел,
И двинет ветер песок зыбучий, —
Поставлен будет всему предел.
    Ни волк, ни ворон, ничто живое,
    Не пересилит гниенья смрад,
    Глубоко в щели, в нутро земное,
    Уйдет, скрываясь, ползучий гад.
И грянет буря по всей вселенной,
Потопит в море все корабли,
И след преступный, и след презренный,
След человека — сотрет с земли.

СВИДАНЬЕ

Выезжал Гаврила верьхи. А от база
Обскакал лугами за свое гумно,
Привязал гнедого возле перелаза,
Стукнул у соседки в темное окно.
    «Здраствуйтя, Матьвевна».. Отвечала — «Здрасьти».
    Помолчали оба, ярок лунный свет,
    Словно пламя вспыхнув, протянула Настя
    Вышитый цветами шелковый кисет.
Застыдясь прикрыла низкое окошко,
Глухо под амбаром заворчал Волчек..
«Отвори маленькя, погутарь хучь трошки,
Да не хоронися.. погоди чудок.»

Зашептала: — «Слухай, уходи скорея,
Спять папаня ноне посередь двора,
Коль они, спросонок, да люшней огреють,
Враз поймешь, анчутка, што домой пора!»
Серебром небесным, лунной паутиной,
Хутор Разуваев сон зачаровал..
Даже тополь старый дремлет у плотины..
Лишь у перелаза тихо конь заржал.
Сместа взял намётом, всполошились гуси,
Отозвались дружно кобели в садах,
Сгинул топот в ночи.. Нижет месяц бусы..
И, уснувши, дышит ветер в камышах.
. . . .
Не играют трубы о делах победных,
Ты ушел, навеки отзвеневший мир..
Жду тебя спокойно — Божий вестник бледный,
Чтоб уйти с тобою на Господен пир.

***

Ворожили мне ворожки,
Говорили ерунду,
Нет по вашей, братцы, стёжке
Никогда я не пойду..
Конь мой в Грузии остался,
Бросил в Турции седло,
Но лишь тот не ворочался
Чьи надежды замело.
Мне колдунья колдовала,
С книгой черной и совой..
И в Белграде, под Авалой,
Изменился жребий мой.
Черти, люди, ведьми, бабы,
Жизнь испортили во-взят..
«Демократы» ИРО, швабы,
Докалечить норовят.
Не поддамся. Трубку снова,
Как и раньше раскурю,

И с бутылочкой спиртного
До зари проговорю.
Я — «в кадетях обучался»
И в гражданской воевал..
Но — сомненьям не предался,
Не погиб и не пропал.
«Не боИсь, стоИ, светает,
Пронесется лютый шквал..»
Так Бакланов поучает,
Друг из Франции писал..

ДЕД ГАВРИЛ

Дед Гаврила выпил — чепурышнул
И пошел погостевать ко-мне..
Под цветущей при дороге вишней
Отдыхает старичек на пне.
«Крис-ти-Кот» — приветствовал Гаврила,
Наш, Дипи, аль немец — никсфрште?
И тебя, братуха, уморило?
Потеснись-ка трошки.. Посидеть
Сел Гаврила возле незнакомца,
Снял фуражку с рваным козырьком,
Заиграло радостное солнце,
Искупало стариков огнем.
«Не серчай, что я побеспокоил,
На кисет, да закури-ка, брат,
Все Господь премудростью устроил,
Казаков лишь перевел во-взят..
Верь не верь.. ах, Господи Ты Боже
Дон-то был, что осиянный храм..
Все, придя, изгадил, уничтожил,
Попалил очертенелый хам.
Некурящий? Что-же, не неволю,
Одного, братуха, не понять:
Почему-же про казачьи боли
На земле, ни в небе — не слыхать!
Коней — пять.. Сады.. быки.. ливады..
Тёлок — три. Под жестью был курень.
А выходит — ничего не надо,
Сам остался вот как этот пень.

Двух братов под Люблином побили,
Сыновья — в гражданке полегли..
Бабы их кохали и любили
Да в Сибири, в ссылке померли.
Я и нонче, с горя, будто пьяный,
В злой тоске по лагерю бродил..
Враг у нас гнездится окаянный,
Нас же Бог — Лиенцем наградил.
Как же так? Поймешь ли ты, деданя,
То, что вовсе непонятно мне:
Кто же нас, за веру, переранил,
И за верность — предал Сатане?
Что-ж молчишь? И сам, видать, не мало,
Односум, неправды перенес?»

. . . .

У соседа плечи задрожали
Застонал неузнанный Христос.

. . . .

«Ах ты грех. Да сам то ты — не с Дону?
Не горюй и не ропщи, милок,
Воротясь, в бараке, пред иконой,
Разожги лампадный огонек..
Помолись.. оно и полегчает,
Ум — смирится и, смирясь, — поймет
Почему Господь уничтожает
Христианства на земле оплот.
Страшен грех, да промолчать не в силах
Богу правду хочется сказать:
Не на наших праведных могилах
О Голгофе боле поминать.
Кто же Он? Прощающий и кроткий,
Или грозный.. или злой палач?
Почему подвалы да решетки,
Почему не умолкает плач?
Жили мы как знали и умели,
В чистой вере все у нас цвело..
Почему-ж враги нас одолели,
Почему же побеждает Зло?
Так-то, брат.. озлобились народы..
Где ты есть.. поглянь-ка — он пропал..»

. . . .

Пень сухой пустил живые всходы,
Дед Гаврила на колени стал.

«Не признать.. Христа-то.. по поличью
Можно-ж было догадаться враз..
По иконе в церковке станичной,
По тоске неизреченных глаз..»

. . . .

Тронув листья расцветавшей вишни
Ветерок от леса потянул,
Книгу жизни дочитал Всевышний
Дед Гаврил последним сном уснул..

ВОСКРЕСЕНЬЕ

Снег идет и тает на панели,
До земли спустились облака,
Собралися корогодом ели,
Не шумит притихшая река..

Звонят в церкви. Нынче воскресенье,
Загорятся тихо огоньки
И напомнят жертву искупленья,
Отразясь в излучине реки.

Не пойду.. устроюсь у оконца
На Изар зеленый поглядеть,
Подожду, оно проглянет — солнце,
На крестах заполыхает медь.

Вальсом венским.. тихая.. без гика
Запуржит баварская мятель,
А морозец легкой повиликой
На окне нанижет канитель.

Буду вновь сумерничать сегодня,
Лишь в печурке разожгу дрова
И поверя благости Господней
Повторю из «Верую» слова.

ЛАНДСГУТ

Под горою — город. На вершине — замок
А над замком — звезды . . . месяц . . облака . .
В городе, в казарме, — тесные клетушки.
Я — живу в каморке . . а со мной — тоска.
Разрослись каштаны . . разбрелися сосны,
Васильки смеются средь густой травы
И, плеснувши кровью по высокой башне,
Опустились розы в крепостные рвы.
Проходили годы, проносились бури,
Но, веками спаян, как и встарь живет,
Этот замок старый, этот лес веселый,
Этот волю к жизни вынесший народ.
Тенью неуклюжей, по тропинке узкой,
Прохожу, ненужный и смешной чужак,
На вопрос — откуда — не всегда спокойно,
Неохотно, хмуро говорю: — казак.
Нам-то, маловерам, разве мало было
Дадено от Бога и лугов и рек?
Почему-же бродим у чужих порогов,
Почему в изгнаньи доживаем век?
Грезятся мне стены нашего Азова,
Хуторских акаций полуночный шум . . .
Не прогнать видений, не забыть былого,
Не стряхнуть настырных, окаянных дум.
Всю то ночь, что пьяный, просижу в потемках,
Погляжу на звезды, месяц, облака . .
Скоро солнце встанет . . разбегутся тени . .
Лишь моя живая не уйдет тоска.

СКАЗКА ДОЧКЕ

Мне с тобою, Наташа, тепло,
Возле лампы, в спокойном углу,
Время сказке давно подошло,
А игрушки — лежат на полу.
В школу — завтра. А сказку — сейчас,
Постучат — не откроем дверей . .
И услышишь ты снова рассказ
Про любимых тобою зверей.

Ты в головке своей сбереги,
Дорогая дочурка моя:
Были волками наши враги
И шакалами стали друзья.
    Я поверил в четырнадцать лет
    В правду Божью на этой земле..
    Веры этой давно уже нет
    И не я удержался в седле.
И пройдя по просторам родным,
С тяжкой думой один на один,
Оставляя безрадостный Крым,
Кинул в море я свой карабин.
    И в чужом, неприветном краю,
    Не забывши заветы отцов,
    Поминаю отчизну мою
    Перезвоном тоскливых стихов.
Жизнь уходит моя в пустоту,
Из мечтаний и болей и снов.
И никто, подхватив на-лету,
Не ответит на пламенный зов.
    Оборвался мой голос, затих,
    Не суди меня, дочка, и ты..
    Жизнь я прожил — для песен моих,
    Для наивной кадетской мечты.

***

За окном наливаются груши
Оголтело орут воробьи,
Погоди-ка, родимец, послушай,
Невеселые сказки мои.
    Было это в далекой Билече,
    Не один начинал я тогда,
    И с Кундрюцковым в спорах и встречах
    Как в пожаре сгорели года.
Умер он — непокорный и дикий,
Умер веря в успех и талан.
И порос не ковыль с повиликой,
А чужой на могиле бурьян.
    Жил Назаров, обманутый долей,
    Предыконный, немеркнущий свет,
    Но безвестные, тайные боли
    Заглушил у виска пистолет.

Крюков — рыцарь, да тихий Скубани,
Гончаров — и окончился счет.
Стали где-то незримые грани.
Кто-ж для дела святого живет?
Да никто! Не считаю певцами
Тех, кто в русское рабство зовет,
Кто привыкнув служить батраками,
Чаевые за ухарство ждет.
Тот кто Воле извечной не служит,
Кто в российские лапти обут,
Кто по чарке от барина тужит
Не поэт, а продавшийся шут.
Лира — только Свободе и Воле,
Песня — только к восстанию зов,
Вера — только лишь в Дикое Поле,
Кровь — одной лишь Стране Казаков.
Никогда не склонюсь пред Москвою,
Хаму — нет, не ударю челом.
О ушедшей России — не взвою
И служить не пойду холуем.
И кому? Бунтовавшему сброду
Осквернившему храмы рабу?
Утопившему в крови свободу,
Заслужившему злую судьбу.
Вечно ищет он Китежа — града,
Вечно хочет он теплых морей,
А несет покоренным в награду
Кнут, неволю, да связки цепей.
Ванька-Каин и горд и спокоен.
Можно грабить, палить, убивать,
Он уверен — лишь русский достоин
Всеми в мире один управлять.
Русь святая.. народ-богоносец..
Полбутылка, трехрядка, картуз,
Площадь Красная, пытки, доносы
И бубновый, немеркнущий туз..
Ты построилась кровью бездольных!
Твой строитель — бесправный холоп
И трудами рабов добровольных
Разбивавших в усердии лоб.
Собирали, копили, сносили
Все для русских царей, да бояр
И Азов и Сибирь покорили
Ублажая тебя, Кудеяр.

Ручейками сливалися в море
И исчезли. Но время придет,
Скоро там, на восточном просторе
Вековую плотину прорвет.
Все, что создали ложь да измена,
Сгинет. Рухнет. Простимся без слез.
И уйдем от постыдного плена
От дуги, самоваров, берез.
По разбойным московским пожарам
Перестанем чубы обжигать
И туда где не пахло Макаром
Бросим сами себя загонять.

. . . .

За окном наливаются груши.
Воробьи — подурели в пыли..
Боже Правый — спаси наши души,
Нам с Россией границы пошли.

ИЛЬЕ

Мне с тобой, дружок любезный,
Погутарить страсть как надо,
Мне с тобой бы так хотелось
Выйти утром на ливаду.
Самокруткою занявшись,
Закурил бы ты неспешно
Затянулся и, подумав,
Проворчал-бы: — д-да, конешно..
И замолк. А в это время
Я бы с трубкою возился
И, кисет в карман запрятав,
С мыслью этой согласился.
А потом бы мы сидели,
Да дымили, да молчали
И одно и то-же вместе,
Лоб наморщив, вспоминали.
Вспоминали о гражданской,
О былых делах в Белграде,
Все прошло бы перед нами
Будто в фильме, на ливаде.

Ах дружок, дружок сердечный,
Вечна боль в стремленьи к славе!
Трубку выбью — я согласен:
Дела бросить — мы не в праве!
Размечтался, расписался,
Разогнал тоску и скуку.
И тебе, мой друг любезный,
Пожимал заочно руку.

ИНТЕРМЕЦЦО

Серебрятся виски, серебрятся,
Все белей да белей голова,
Но в сознаньи, как прежде, родятся,
Закипают, волнуя, слова.
И внезапно, в душе пробуждённой,
Зажигается искра огня,
Разгорается ночью бессонной
И таинственно кличет меня.
Не могу. Никогда не забуду,
И чебрец, и кугу, и полынь,
И спокойную поступь верблюда
И небес висильковую синь.
Все во мне с юных лет напиталось
Перезвоном с родных хуторов
И до старости в сердце осталась
Песня меди молитвой без слов.
Хороши вы, баварские ели,
И луга, и леса, и ручьи..
Тихо плачут чужие мятели,
Поминают надежды мои.

В ТЕМПЕРАТУРЕ

Нарисую корабль с парусами,
Море — черное. Небо — без звезд.
И вступающий в спор с облаками
На бизани живительный крест.
  И — усну.. И запомню: — приснилось,
  Будто бурей корабль побежден
  И высокая мачта сломилась,
  А на палубе — ропот и стон.
И проснусь. И пойму, что напрасно
Я боролся и верить хотел.
Ведь Творец мой совсем безучастно
Положил мне короткий предел.
  И пойму — я совсем не родился,
  Нет людей, ни планет, ни времён,
  Сам себе на земле я приснился
  Мы — лишь сон. Чей-то призрачный сон.

ОСЕНЬ

Осень.. хмурая осень
  на поля опустилась.
Безнадежен и пуст
  мой невидящий взор.
Что-же это во мне
  безвозвратно сломилось
И звенит в тишине
  мой бессильный укор.
Боже Правый.. за что-же?
  Мы же крепко любили,
Мы сумели бы сами
  оснастить корабли..
Почему с нашей верой
  почему с нашей силой
Мы ни храмов ни граней
  отстоять не смогли?
Аль мы впрямь виноваты,
  что наивно поверя
В то, что нам завещал
  на Голгофе Христос,
По речушкам Запольным
  поднялись против Зверя

И борьбу проиграли
    в море крови и слез.
Правда.. высшая правда..
    Божья воля святая..
Бессердечный, кровавый,
    непонятный закон!
Пусть сгорю в преисподней,
    но одно только знаю:
Что его лишь люблю,
    мой умученный Дон!
Всё они осквернили
    опоганили, гады,
Что войной к нам пришли,
    что за кровью пришли..
Мне не нужно спасенья..
    ни райской награды,
Если Войску навеки
    не встать из земли..
Ничего мне не нужно..
    боли.. боли глухие..
Вновь бессчетная ночь
    без надежды и снов.
. . . .
Дуют буйные ветры.
    из Москвы, из России..
Задувают следы
    отзвеневших подков.

ТЕНИ ПУШКИНА

И так — славянские ручьи
Слилися в темном русском море..
И степи умерли мои,
Повсюду голод, страх и горе.
Повсюду кровь и стон и плач
Кресты.. несчетные кладбища..
Что-ж, русский кат? Что, наш палач?
Чего ты хочешь? Что ты ищешь?
Ты резал новгородцев, нас,
Чукчу, татарина, еврея,
И пред тобою пал Кавказ,
Страна с мечтою Прометея.

Ты — все загадил, все спалил,
Все осквернил и уничтожил
И мой народ, что счастлив был,
Лежит поверженным. О Боже!
Но мало это. Хочет он,
Исконный раб в рубахе красной,
Чтоб мы хвалой назвали стон
Им перебитых жертв несчастных.
Чтоб сами стали мы рабы,
Москве-тюрьме стихи слагали,
Склонив покорные чубы
Могилы предков оплевали.
Тогда допустит к ручке он,
Смерд, мессианством пораженный,
Холоп, опричник, пустозвон
Иль Шигалев самовлюбленный.
Нет, все-же не сойдем с реки!
Крепки они — валы Азова,
И понесут наши полки
О правде пламенное слово.
У нас: — подарена Сибирь,
Аляска.. Сарагосса.. Вена..
Челны в морях.. простор и ширь,
Где духу нет цепей и плена.
Свою мы веру берегли,
Обыклость нашу сохраняли,
За храмы Божьи полегли,
За Край Родимый жизни дали!
Степан, Булавин и Пугач
К восстаньям зов — святое пламя!
Живой протест — долой палач!
И вера в Бога — наше знамя.
Нет, не поклонимся тебе
Исконный раб в рубахе красной..
И вызов бросим злой судьбе
И ей — России самовластной.

. . . .

Слились.. слились..
мильонов — нет..
Шакал орлу ломает крылья!
И рвет орлят!
Стыдись, поэт
Страны! и рабства и насилья.

АТАКА

Dulce et dekorum est pro patria mori.

Шашки вон!
                    В руку пики!
                                        Ура — казаки!
Молний вспышки —
                                    клинки засверкали.
Колыхнулись ряды,
                                    Понеслися полки,
Сшиблись!
                Рубятся!
                            Сбили!
                                    Погнали..
Гик, и топот, и крики..
                                    удары и гул..
Хрип и стоны..
                        и конское ржанье..
Опустилася ночь.
                            Луг широкий уснул.
Тихо месяца льется сиянье.
Он —
        лежал без папахи..
                                    в дорожной пыли..
В очи мертвые звезды глядели..
А под утро поднялся туман от земли —
И чебрец и пырей шелестели.
Мимо свежей могилы крестясь мы прошли
Шагом. Молча. В походной колонне.
А коня мы поймали.. с собой увели..
На прощанье — запели о Доне..
Тридцать лет пролетело, седой и больной,
Вспоминаю походы и битвы
И туманятся очи горючей слезой,
Позабылись мечты и молитвы.
Счастлив тот, кто в сраженьи с врагами убит,
В миг порыва, борьбы и стремленья,
Он в родимую землю глубоко зарыт
И в Господни он принят селенья.
Боже.. праведный Боже,
                                    единый Отец..
В схватках славных герои уснули..
В битве новой пошли мне хороший конец:
От горячей, от вражеской пули.

РОССИИ

Это было в двадцатом..
За свинцовое море
Уходили, дымясь, в темноту, корабли.
Нашу злую судьбину,
Наше горькое-горе,
В трюмах душных,
крестясь..
мы с собой увезли.

Пули!
— русские пули..
рвали землю казачью..
Лапти!
— русские лапти,
— грани наши прошли!

Я стоял неподвижно,
Не молясь и не плача,
И следил за тонувшей, узкой кромкой земли.
Будешь Господом Богом
— ты, Россия,
— проклята!

От набегов твои погорят города!
Ты дождешься отмщенья,
Справедливой расплаты,
Вороньем над тобой пронесется беда.
Ты давно заслужила
В окаянстве и блуде,
Чтоб разверзлась твоя потрясенная твердь,
Чтоб в деревнях и селах
Всех вас, русские люди,
Забрала, воротяся, голодная смерть.
Ты ее посылала,
С ней ты жгла и губила,
Украину, Сибирь, Белорусь и Кавказ,
Под частушки с гармошкой
Ты огнем попалила,
Все, что сотнями лет создавалось у нас.
Миллионы казненных,
Миллионы убитых,
Пытки, ссылки, доносы, тюрьмы, дыба, плоты...
Все твои злодеянья
Перед миром открыты!

Вот — лицо твое, Русь..
Богом проклята ты!

. . . .

Тридцать лет пронеслось
И сбылося заклятье!
Над Россией царят, веселясь, палачи.
Я молюсь за погибших,
За умученных братьев,
За Россию-ж не в силах..
— не поставлю свечи!

Нет — вы не были люди!
Да, вы, русские — звери!
В тьме столетий пред Богом наша кровь вопиет.
Вам Господь за убитых,
К вашей свыкнувшись мере,
Этой мерой теперь за грехи воздает.

КАК В СКАЗКЕ

Что мы скажем, если все, как в сказке,
Будет просто, хорошо, без слез,
Он придет, исполнен тихой ласки,
Милосердный, праведный Христос..

Станем все в восторге на колени,
Радостно и трепетно молясь
И грехи свои, и преступленья,
Перечтем Его не убоясь.

И услышим — мы решили людям
Грех Адама вовсе позабыть,
А Отец мой перед Кругом будет
О паях в Эдеме говорить.

И склонясь пред мудростью бездонной,
С просветленным радостью челом,
Я сложу о Правде воскрешенной
С подголоском, по донски, псалом.

ПОЧЕМУ

Боже правый в небе синем
Ты за что же нас отринул..
Почему мы в жизни этой
Как бедняк перед витриной..

Почему других народов
Полны чары и чертоги,
Только мы одни несчастны,
Босы, сиры и убоги..

Почему другие в свете
Про Твои не знают грозы,
Мы-же, бедные, приносим
Богу в жертву — кровь и слезы?

Отчего..
— ах, нет, довольно!
Мы зарю напрасно ждали.
В тьме кромешной спазмы плача
Горьким комом в сердце стали.

КОНЕЦ

Я
— измученный..
— устану,
Спотыкаясь,
я
— отстану..
И свалюсь я..
и — не встану..
Распластаюсь на земле..
Мимо — звон копыт струится,
Тише.. тише.. серебрится,
За камыш сухой садится,
Тонет месяц в синей мгле..
Были битвы
и погони..
Пелись песни..
— ржали кони!

Все ушло.
На темном склоне
Тени ночи залегли.
Крикнуть громко:
— Эй, вернитесь!
Стойте!
Братцы!
Оглянитесь!
Пособите..
обернитесь..
Это я..
один..
в пыли!
Тишина. Не стало силы.
Холод — будто из могилы.
Что там?
Голос?
Образ милый?
Нет.. не видно ничего..
Мы-же вместе чары пили,
Вы-же.. вы мне говорили..
Неужели
вы
— забыли?
Страшно..
В поле — никого!
Кто поверил — ошибется,
Кто ушел — тот не вернется,
По кустам
шакал
крадется..
Ворон чертит черный круг!
Веки..
веки тяжелеют..
Ночь — бездонней,
ночь — темнее..
Хрип мой тише..
— и слабее.
Меркнут взоры. Меркнет луг.
Вон —
в тумане
— выступает,

Кличет..
              машет..
                        и мигает..
Голым черепом кивает!
Вот он!
       Новый!
              Вечный друг!

НЕТ

Нет, не открывай бессчетную бутылку,
У тебя от мыслей вспухла голова,
Ты несешь под пьяную, глупую ухмылку,
Праздные, бессвязные, жалкие слова.

Не махай слюнявые, сладенькие речи,
Жвачку надоевшую без конца не жуй.
В наших храмах брошенных не пылают свечи
И понять минувшего не тебе — холуй.

Знаю — царь, служение, матушка Россия,
Кудеяры.. Китежи.. — чепуха и дрянь!
Нет! Зови к восстаниям за права степные,
На меже затоптанной в оборону стань!

Вдарь об земь папахою, заиграй походную,
В исступленьи пламенном рви рубаху с плеч!
И за Поле Дикое — искони свободное,
Обнажи карающий и разящий меч!

. . . .

Над ковром лазоревым, зорями багряными,
Льется славы дедовской негасимый свет..
Шли они — за вольности! Шли за атаманами!
Это путь единственный. И другого — нет!

ЦЫМЛЯНСКОЕ МОРЕ

Море.. море..
Цымлянское море..
Затопило могилы отцов..
Безнадежность и мука во взоре,
Снятый с Дона Господен Покров.
За какие грехи..
за какие?
Нас нещадно Господь наказал?
И волчице голодной — России
На поток и пропятье предал?
Море.. море..
житейское море..
Расставанья.. потери.. и страх..
Да безбрежное, лютое горе,
Да слеза на усталых глазах.

БАВАРСКИЙ ДРУГ

Ты глядишь устало, ты стоишь понуро,
У тебя тринадцать за спиною лет.
За тобой, с дровами, кованая фура,
А на шерсти свежий от удара след.
Я тебе сегодня расскажу, сердяге,
Про Кавказ и Гагры и двадцатый год..
О мечте крылатой, о судьбе бродяги,
О наивной вере, что в душе живет.
Выпил я сегодня. И совсем невольно
Вспомнил моря берег. Вспомнил и о ней..
Скучно.. скучно стало! Больно стало, больно!
Я пошел за город поглядеть коней.
Тут — в земле немецкой — не с кем молвить слова,
Тут, в земле баварской, пениг — царь царей...
Я же не лишился свычая донского
Помянуть за рюмкой искренних друзей.

У моей Маруськи — грива золотая
Правая передняя у нее — в чулке..
Бились волны бились.. пала мгла седая,
Брошенные ржали кони на песке..
Слышишь, друг баварский, глянь — идет хозяин,
Толстый, кривоногий, красноржий чорт!
Ты — его работник. Я-ж не забываю,
Как я плакал горько ухватясь за борт.
И глядел на берег — вон, забродит в волны..
И храпя, в испуге, за кормой плывет..
Потому-то наши чарки зелья полны,
Потому мы помним окаянный год.
Бросили мы коней. Бросили удачу,
Я ушел, Маруську не забыв свою,
Потому-то, выпив, — я всегда заплачу,
Потому, заплакав, я — обратно пью.
Не ищи в ладони мягкими губами
Вышел сахар, вышел.. я, брат — арбайтслос..
Дома мы дружили с добрыми конями..
За измену степи — выгнал нас Христос!

«НЕУСТОЙКА»

В самой середке старушки-земли
Черти под ад помещенье нашли.
Крендели с маком и с таком пекут,
Грешников мучают, жарят и жгут,
С ведьмами пляшут чардаш и чарльстон,
Гонят на адском огне самогон,
Скучно им. Гложет нечистых тоска:
Больше не встретить в аду казака!
В сорок шестом, казаков, как на грех,
Гамузом в рай переправили всех!
Там они в горницах чистых сидят,
В окна на птичек на райских глядят.
Чешут за ухом — «Признаться то страм,
Нам, с холодцом-бы, по сотенке грамм..
Правду сказать — непривышные мы:
Утром — стихиры, под вечер — псалмы..

Нам бы служивскую хором сыграть,
Бабочку-польку с жалмеркой сплясать!
Надо-б святому Егорию, штоль,
Всю обсказать эту самую боль..
Круг бы станиц поднебесных созвать,
Богу, про жизню прошенье подать».

. . . .

Слышно — чертей созывал Сатана,
Слышно — чертям посулил он вина,
Слышно — велел приготовить углей:
В ад ожидают из рая гостей.
Слышно — котлов увеличен запас,
Вновь неустойка выходит у нас.
В нашем прошеньи греховность нашли,
Новый нам скрининг в раю навели.
Будто вернули прошеньице нам,
Нас-же обратно послали к чертям..

. . . .

Мы-ж, у Лиенца, из щелей и гор,
Всех «демократов» — видали в упор.
После всего — не сочтем за беду
Трошки с чертями погреться в аду.

ДОНУ

Дон!
Что благовест пасхальный,
Дон!
Что грохот канонады..
Ты в душе моей оставил
След божественной услады!

Дон. Тебя кохали деды
В мира дни и дни разлуки.
И всесветные победы
На алтарь твой дали внуки.

В бой, Твоей радея славе,
Шли сыны беспрекословно
И ложились трупом в поле
В годы страха — поголовно!

Кто-ж Тебя, борясь, оставил
И в изгнаньи жил, страдая,
Всяк Тебя пред миром славил
На земле считая раем.
Жди же нас! С победой бранной
Вновь она вернется — Слава.
Слезы встречи долгожданной
Нам Твои осушат травы.

NOLI ME TANGERE

Бомбы, мины, танки, авионы,
Горы трупов.. маршалы.. рабы..
Генерали, речи, дипломаты,
Лагери, кацеты и гробы..
Здорово!
А мне-бы — канарейку..
Хутор мой в станице Островской,
Да в саду, под вишнею, скамейку
Звонкий смех детишек за рекой...
Я — в тюрьме!
Преступник я! Колодник!
Как я смел винтовку в руки взять!
Как посмел за хутор Разуваев,
За Казачье Право воевать!
Как посмел желать, чтоб хутор этот
По заветам булавинским жил,
Чтоб свои, прадедовские межи,
Внук глубоко плугом проложил.
А потом:
— послал куда подальше
Весь чужой, осатанелый сброд,
Что торгуя душами и кровью
За полушку в рабство продает.
Всех послал.. бессовестных и жадных,
Беспринципных, низких торгашей,
Что проценты брали с каннибалов
За убийство родины моей.

Край Родной! Мне силы не хватает
От горючих, безнадежных слез..
. . . .
Горячо в молитвах поминает
О Тебе, заступник Твой — Христос.

***

В злой тоске, Тебе, Великий Боже,
Я как пьяный — лишнее сказал..
Но сомненья Ты во мне умножил,
У меня Ты — родину отнял.

Тихо все — молчат дубы и ели,
Как маньяк я, бормоча, бреду,
Знаешь Ты, что не дойдя до цели,
Лишь могилу я себе найду.

Тот блажен, кто в жизни данной Богом
Не умел заплакать ни о чем,
Кто душил и грабил по дорогам,
Кто судил дубиной да мечем!

Кто-ж любил.. о вере сказы множил..
И забытым одиноко пал,
Тот — прости..
прости, Великий Боже!
Тот — как пьяный — лишнее сказал!

ДОЧКЕ

Нанесло в окошко снега,
Подоконник в пухе белом,
Мы сидим с тобой, Наташа,
Одиноки в мире целом.
Сколько раз слетали листья,
Сколько раз желтели клены,
Сколько было их, чубатых,
Бивших истово поклоны.

Все ушло.. лишь за окошком
Ветра вой, да визг мятели,
Да ненаши, злые хаты,
Да совсем чужие ели.

А в душе, обманом вечным,
Неисказанным приветом,
Все-ж огнем неугасимым
Греет вера ровным светом.

КАЗАКАМ ВЫДАННЪІМ В ЛИЕНЦЕ

(в девятую годовщину)

— «Во глубине сибирских руд
Храните гордое молчанье».
И нас охотно продадут,
Как вас предали на закланье.
Гордитесь именем КАЗАК
Вы — не сошли с пути Христова,
Восток — холоп и смерд, и раб,
Но честь — не западное слово.
Во глубине сибирских руд
Вы претерпели ада муки..
А здесь серебренники чтут
Демократические руки.
У них, под треск избитых слов
Девиз один: — гони монету..
Там — кровь и жертва казаков,
Здесь — спекулянты кровью этой.
Вот Запад, низкий и пустой,
Открывший торг в Господнем храме,
И вот Восток — маньяк слепой,
Кумира сотворивший в хаме.
А в середине стали вы,
Не позабывшие Азова,
И не признавшие Москвы
Общероссийские оковы.
Но он настанет, светлый час,
Вернется Воля синей птицей
И будет вновь Старочеркасск
Объединяющей столицей.

Былое возродив степей,
На Запад кинем мы привады
И купим сразу-же друзей
Коль нужно будет — сколько надо.
Во глубине сибирских руд
Вы веры показали чудо.
А здесь лишь Каины живут,
Да бизнесмены, да иуды.
Да — слава, слава Казакам,
Они — на пытках умирали,
Но Воли Светлой строя Храм,
Не угождали подлецам
И рук убийцам — не давали.

ЧЕРНЫЙ РЫЦАРЬ

Е. М.

В мрачной нише башни темной
Рыцарь медный с флагом черным,
Шарит месяц осторожно
Под стеной лучом дозорным.
А в двенадцать, ровно в полночь,
Выйдет призрак из подвала
И у рыцаря поднимет
Заржавевшее забрало.
И прошепчет — я любила,
Ты-ж ушел с врагами биться . .
Ох . . сыра моя могила,
А тебе — наш замок снится.
Снится там, в песках сыпучих,
Где знамена наши пали,
Где лихие сарацины
Копья ваши поломали.
Ты погиб . . а замок гордый
Рати вражие спалили,
Надо мной они глумились
И в подвале, здесь, зарыли.
. . . .
В амфиладах зал старинных
Бродят тени, ветер дует,
Стонет призрак, призрак плачет,
Очи мертвые целует.

ПАСЬЯНС

Ах, давно я пасьянс не раскладывал,
Не заглядывал в карты давно,
Не гадал я на них, не загадывал,
Что от Господа мне суждено.

Как и прежде мне нечем хвалиться
Лишь тобой, бесконечная боль,
Карта нынче совсем не ложится
И трефовый не вышел король.

Помню:
хата в Бекетовке.. вечер..
И сова в полутемном углу,
И оплывшие желтые свечи,
И зевающий кот на полу.

И старуха над книгою черной,
И окошка слепая слюда,
И старушечий голос покорный:
Не вернешься домой никогда!

Но тогда мне шестнадцать сравнялось
И Маруська — дончиха моя,
К Разуваеву хутору рвалась,
И родные виднелись края.

Боже-Господи, как же я верил
В испытаний веселый финал,
Но иною Ты мерою мерил
И иные пути указал.

И дано мне от Господа много:
Я — на Дон никогда не вернусь.
На чужих, каменистых дорогах,
Злой тоской и слезой захлебнусь.

ИДЕЯ

Кажется нам, эта буря над нами,
Самая страшная буря и гром,
Гей, коль родилися мы казаками, —
Все перетерпим, поборем, снесем!

Было-ли легче на дыбе Степану?
Разве не умер, тоскуя, Кондрат?
Радуйтесь, братья, — смертельные раны
Славой бессмертной над Степью горят.

Нет, не изгибнем, а Волю добудем,
Нас не подкупит предательства грош.
Были и есть мы лишь вольные люди,
Нашей идеи ничем не убьешь.

ГОСПОДНЯ МЕЛЬНИЦА

Каждую минуту — что-нибудь изменится,
Каждое мгновение кто-нибудь — уйдет!
Тихо мелет Господа старенькая мельница,
В жернова тяжелые струйкой кровь течет.

Быстро, быстро катятся головы несчётные,
Ямы придорожные похоронят их..
Дни веселой юности, детства беззаботного,
Дни надежд несбывшихся, светлых снов моих..

Вас смололи страшные, памятные годы,
Но на пашне жизненной бросил я зерно..
И гляжу на новые, молодые всходы,
Зеленями вставшие вестники свободы,
Что-то им на мельнице Божьей суждено?

СЛАВА

Слава вам — казачьи боли,
Слава вам — казачьи песни,
Нет прекрасней вас на свете,
Нет на свете вас чудесней.
    Слава вам — мильоны павших,
    Матерей рыданьям — слава!
    Слава вам, прикрывшим трупы,
    Степовым, пахучим травам.
Вас мы, нет, не позабыли,
Не продали, не предали,
Нам и здесь, в изгнаньи, снятся
Наши сказочные дали.
    Слава Господу на небе
    За тоску и испытанья,
    За несчетные потери,
    Неизмерные страданья.
Слава Богу — Он нам не дал
Мысли подлой — покориться!
А внушил нам дальше волю
Против зла нещадно биться.

***

Признаюсь —
                    во всем, что спето,
Что осталось на бумаге,
Нету удали там, нету,
Нет и дедовской отваги.

    Все, что бурей разметалось,
    Все, что выкохали грозы,
    В сердце мукой отозвалось,
    Налило мне в очи слезы.

Я — певец.
                    Рожден для песен,
Не для мести и расплаты..
Божий мир люблю чудесный,
Свой народ люблю чубатый.

    Суждено-же мне родиться,
    В час проклятый, век постылый

Чтоб покинуть не станицы,
А несчетные могилы.
Чтоб узнать про злобы море,
Чтоб церквей не слышать звона,
Пережить казачье горе,
Увидать распятье Дона.
Но — придет он — час удачи,
Наше вновь взовьется знамя,
Я тогда спою иначе
Наступая с казаками.
И под посвист пуль веселых
И под грохот канонады,
На пожарах в вражьих селах
Изменю былому ладу.
Лишь в святой войне народной,
Лишь в Казачьем нашем Деле,
Вновь воскреснет Дон свободный,
Вековые встанут цели.
И тогда — не месть слепую,
Проповедывать меж нами, —
Петь о том, как грань родную
Оплести кругом плетнями.

ДЕСЯТЬ ЛЕТ ЛИЕНЦА

В рудниках Колымы, в лагерях Европы,
В тихих, позабытых старческих домах,
Вымирает племя внуков гордых Азов,
Отцветает сказка о лихих донцах.

По запольным рекам, по кубанским плавням,
В Таврии, в Сибири — трупом полегли,
И последним взлетом, чая лучшей доли,
Славу боевую к Драве донесли.

А когда в ней, с детьми, матери тонули,
И в ущельях темных рвались стон и крик,
Содрогнулось небо, сам Господь заплакал,
И дрожа, в ладонях, скрыл свой скорбный лик.

И заржали снова брошенные кони,
Опустел Казачий перебитый Стан,
И костры потухли.. и ушли составы,
Лег в Долине Смерти саваном туман.

Пролетели годы. Так-же мутна Драва.
На альпийских кручах так-же слепит снег,
Я у речки крикнул: — где ты, наша Слава?
Эхо мне вернуло чей-то злобный смех.
Поезд — шел на Запад. Отступали горы,
Не с кем слова молвить, боль свою сказать..
Всюду: — лица, люди, смех и разговоры,
А казачью руку некому подать.

МОСКВЕ

Москва! Как много в этом слове
Для сердца нашего слилось!
Какое море нашей крови
Ее виною пролилось!
. . . .
Мы — не приемлем русский мир
Какого-б не носил он знака.
Он — все растлил. Его кумир
Был им застрелен как собака.
Там, Бога высмеяв в раю,
Людские души погубили,
«Слабоду» кислую свою
Царевен кровью обагрили.
Потом — керенщина пришла,
Пришел «Октябрь» и «Вождь народа»...
Москва нас кровью залила
И утопила в ней свободу.
Кому нужна такая Русь?
Чукче, тунгузу иль еврею?
Кто снова взвалит этот груз
Себе безропотно на шею?
Уйдет Казак. Кривич уйдет,
Татары, Кипчаки, Грузины,
Никто добром не помянет
Москвы холуйскую трясину.
А как же с Русью жили мы,
Забыв о выстреле Кондрата?
Мы стерегли замок тюрьмы
На двери собственного брата.

Всесветной славы нашей гул,
Что от Азова был нетленен,
На «усмиреньях» утонул,
На «привиллегии» променян.
К Москве нанявшись палачем,
Не утолив свои печали,
Братоубийственным мечем
Друг друга мы уничтожали.
Пороли пьяных мужиков,
Рабочих били мы за стачки, —
Потомки разинских бойцов
Москве служили за подачки.
Вот эти подлые года,
Позора дикие страницы,
Из жизни нашей навсегда
Сотрем в булавинских границах.
Азовских внуки удальцов
Мы никогда и ни насколько
Смердов, холопов, холуев
Признать не сможем «херренфольком».
Но только стал Москве самой
«Слабоды» жалкий призрак сниться
Мужик поднял истошный вой:
— «КазАкам надо-ть потяснитца»
И потеснились казаки . .
И что имели — все отдали,
Видали их и Соловки —
И на Колыме их видали.
И Дон седой и ширь степей,
Что к древней Воле потянулись,
В крови убитых сыновей
От пули русской захлебнулись.
Пришел иван. Явился он,
Прошелся пьяною присядкой
И закурился самогон
Под балалайку и трехрядку.
Пришла «Святая Русь», пришла,
И храмы наши осквернила,
Чума наверно-б не смогла
Все отравить с такою силой.
И, сбросив древние кресты,
Могилы наши осмеяли.
О Воле светлые мечты
В навоз лаптями затоптали.

Но — страшна русская судьба!
Ничто она не изменила
И цепи подлого раба
Несешь ты, Русь, как и носила.
И ныне, как и сотни лет,
От рабской горькой доли ноешь.
И оглушая целый свет
В застенках доходягой воешь.
Но он напрасен, этот крик,
Никто тебе теперь не верит.
Обман и ложь он, твой язык,
И лик российский — облик зверя.
Весь мир теперь тебя клянет
И рвет цепей московских звенья,
И близок он, и он придет,
Счастливый миг освобожденья.
Пробьет он, этот светлый час,
Восстанут вольные народы,
И много соберется нас,
На праздник истинной свободы.
Чужого права — не убьем,
И ставши снова казаками,
Мы в курене своем родном
Распоряжаться будем сами.
И крепче Волю полюбя,
Мильйоны павших поминая,
Все отвернутся от тебя
Обид и зла не забывая.
А если снова ты начнешь
Гнусить о доле Руси нищей,
Мы будем знать — разбойный нож
Запрячешь ты за голенище.
Нас не обманет больше, нет,
Имперский сон твоих юродов.
Мы увидали Божий свет
Семьею вольной всех народов.
Да, не хотим тебя, Москва,
На реки наши, наши нивы,
У нас — исконные права!
Блудница с миною спесивой
Пускай тебе не будут в диво
На расставании слова:
Мы горды стали . .
и — брезгливы.

МОЕМУ КОТУ

Спой мне, кот, свои кошачьи саги.
Здесь — тепло. А на дворе — метель.
Замело и долы и овраги,
Под окошком запуржило ель.
И она, невестою уснувшей,
Золотые увидала сны . .
Не твоей же сказке простодушной
Мне, поверя, ожидать весны.
А когда распустятся березы,
Здесь и там, в Родном моем Краю,
Не дивись, что не сдержавши слезы
О мечте я о своей спою.
Синеглазой в жизни я не встретил,
Потому — не выбрал ни одну.
Потому в ненастный этот вечер
Я у грусти голубой в плену.
Пой-же, кот . . умел я в жизни это:
От тоски — веселую играть
И напрасно теплого привета
Безнадежно, до могилы ждать.

НАТАШЕ

Тучи, тучи над лесом нависли,
Замутили безрадостный день,
Придавили поблекшие мысли
И на мой опустились курень.
А когда потемнеет оконце
И туман заклубится как дым,
Про степное, горячее солнце,
Мы, жучек-ты, с тобой говорим.
И стараясь баварские горы
Хоть на время, сейчас позабыть,
Я в рассказе о наших просторах
Не порву золотистую нить.
О своей Усть-Медведице дальней,
О станице родимой своей,
И в душе неумолкший, печальный,
Провожающий крик журавлей.

И заросшую всю камышами
Меж лугами степную реку.
Боже, смилуйся кротко над нами,
Утоли Ты казачью тоску.

ДОЧКЕ

Глянь, Наташа, а хлеба скосили,
Там стерня, где колосилась рожь.
На дороге, в бархатистой пыли,
Колосков ты много соберешь.

Мы с тобою лето проморгали.
Так как я, от окаянных дней,
Захлебнувшись в песенной печали,
Целой жизни не видал моей.

Седина осенним заморозком
Гробовую приближает стыть..
Желторотым уходя подростком
Не сумел я ни любить, ни жить.

А теперь вот новой раны этой
Кто мне сможет кровь остановить?
Кто тоски, в стихах моих опетой,
Перервет нервущуюся нить?

Пустота..
твои лишь светят глазки,
Долго мы по вечерам не спим..
И, тебе рассказывая сказки,
Я и сам под старость верю им.

НЕПРИШЕДШЕЙ

Мы, поэты, — народ сумасшедший,
Непохожи совсем на людей..
И о ней я пою — непришедшей,
О несуженной доле моей.
    Хорошо-ль, убелясь сединами,
    О потерянных вспомнить годах
    И невольно, борясь со слезами,
    О приснившихся грезить очах?
А они — обещали и звали..
И поверивши в небыль мою,
В перепевах глубокой печали
О несбывшемся песни пою.

ЛОРЕЛЛЕЯ

(перевод из Гёте)

У. Ф.

Не знаю, что это со мною,
Я тихо в печаль погружен,
Мне вспомнилось снова былое
Из старых, ушедших времен.
Прохладно, темнеют долины,
И тихо, и Рейн не шумит,
Лишь гребень кремнистой вершины
Под солнцем заката горит.
Там дева прекрасным виденьем
Сидит, будто призрачный сон.
И блеск золотых украшений
Багрянцем волос отражен.
И их золотою гребенкой
Все чешет она. И плетет.
Чудесно, зазывно и звонко
Волшебную песню поет.
А лодочник рифа не видит,
Что смертью подводной грозит.
Он голос чарующий слышит,
На чудную деву глядит.
Тем звукам себя, не жалея,
Теперь отдает он всего.
И зовом своим Лореллея
В волнах погребает его.

ВОЗВРАЩЕНИЕ САРЫ-АЗ-МАНА

В. Г. Губареву

Шли они зазеленевшей степью,
Массой, бездорожьем, о двуконь.
И горел под хмурыми бровями
Неуемный, грозовой огонь.
Из Рязани, из Литвы далекой,
Из Венгерской золотой земли,
Грозными, несчетными полками
С Запада и Севера пошли.
Впереди — усатый и чернявый,
На гнедом. А звать — Сары-Аз-Ман.
Боевою славой избалован,
Выбранный в походе Атаман.
День и ночь, что тучи грозовые,
Шагом, рысью, а не то — в намет,
Атаман из дальнего изгнанья
Казаков на родину ведет.
Тяжкий гнет страданий на чужбине,
Тысячи оставленных могил,
На один из конников суровых
Радостью объятый — не забыл.
Им цветы кивают полевые,
Тешат их безбрежные поля,
Ждет она их тихою невестой,
Милая Казачая Земля!
Почему-ж они остановились
И склонили тысячи знамен?
Снявши шапки всадники крестились,
Зашептали: — «Здравствуй, Тихий Дон..»
Вот, течет Он, серебром играя,
Тихо плещет ласковой волной,
И глаза в восторге заблестели
Солонцовой, светлою слезой.
Без команды спешились рядами,
Опускались в бархатную пыль..
На коленях стоя, целовали
Теплый, приутоптанный ковыль.
И толпой — и конники и кони —
Переходов позабыв труды,
Забрели по отмели широкой
И из Дона напились воды.

И журчали волны меж кугою,
И крестясь, вернувшийся народ,
Причащен Казачьею Рекою
Истово молился на Восход.
И бесстрашно суслики свистели,
Зеленел камыш у берегов,
Да высоко жаворонки пели,
Весело, безудержно, без слов.
И коня поворотив на берег
Атаман окстился на Восток
И сказал: — «расседлывай, рябяты,
Завтри здеся ставим городок».

МОЯ ПОДРУГА

Ни одной подруги я не знаю,
Только ты по-прежнему близка,
Бледная любовница немая,
Злая, синеокая тоска.
И с тобою не забыть мне ночи,
И твои, в звенящей тишине,
Жемчуга скрывающие очи, —
Слезы предназначенные мне.
И тобой смертельно околдован
Все, во что и верил и любил,
Побежден, разбит и очарован
Я под звон стихов похоронил.
Все они, любимые, нестали,
Что туман, что пена над волной
И лишь ты, весталкою печали,
Навсегда останешься со мной.
А когда я жизнь свою растрачу,
Верность мне ревниво сохраня,
Радуясь, что умирая — плачу
И в гробу обнимешь ты меня.

НАШИНСКАЯ

Эх, как затуманились да шляхи широкие,
Ой-да затужили желтые пески,
Ах казачки плакали, они синеокие,
Камыши клонилися от глухой тоски.
Проливали яблони слезыньки горючие,
Приусохла в займище стройная куга:
Д-ах, когда-ж воротятся всадники летучие,
Вдарят из винтовочек в своего врага?
Горевали-думали курени печальные,
Высоко поднялися к небу дудаки:
Глянули-поглянули на дорожки дальние
Не идут ли с Запада грозные полки?
Ох, пустым-пустехоньки стеженьки небитые,
По меже нетоптанной попривял ковыль..
Шепчутся караичи с вербами-ракитами,
Тропками забытыми оседает пыль.
И-эх, сыграть служивскую, закрутить цыгарочку,
Шляпу растреклятую сдвинуть на-бекрень.
Приготовить ворогу огневой подарочек...
Он придет, наступит он, долгожданный день.
Шильца-мыльца в новые, крепкие подсумочки,
Вот-да и патроников мы понаберем.
Стремянную выпивши по одной по рюмочке,
Реки наши вольные снова отобьем.
Грянь ты, гром, раскатами. Ляжьте в страхе, травушки.
Ой вы закурлыкайте в небе, дудаки.
Ты воскресни старая, и-эх, казачья славушка,
Воротитесь грозные, славные полки.

ЛЮДЯМ

Ваше сердце сильнее никогда не забьется
От зовущих и жгущих, опаляющих слов,
А ночами он плачет, горько-горько смеется,
Над немыми рядами непрочтенных стихов.
Он высоко-высоко, там где звезд мириады,
Где следы улетевших в бесконечность планет,
Где Господни чертоги, там бессмертья баллады
В звуках вам недоступных жадно ловит поэт.

И неся эти звуки из божественной дали,
Весь исполнен любви, зная тайны миров,
Он идет рассказать, в рифмах полных печали,
О тщете вашей веры и желаний и снов.
Но — так мало людей, что поэта услышат,
А меж ними таких, что поэта поймут!
Это те, что легко пред распятием дышат
И с недрогнувшим сердцем к эшафоту идут.
Боже, Господи-Боже, как душа истомилась.
Жгут они беспредельно, капли горестных слез.
Мне ведь тоже мое счастье горькое снилось
С острой болью потери развеянных грез.
Их на вас я сгубил, каменистые тропы.
Погорели на вас все надежды во мне
Всем причастникам тайн чрез небесные строфы
Говорю: Ангел Бледный спешит на коне!
И мерцает коса.. развивается грива..
Сколько будет их, душ, свой оплакавших плен?
И падет, шелестя, недозревшая нива
И победу затрубит вечно царственный тлен.
И в отчаяньи полном ваши души живые
Попрощавшись в тоске с обманувшей мечтой,
В царство теней уйдут.. и навеки немые,
Сном уснут беспробудным в темноте ледяной.

КАЗАЧЬЯ ПЕСНЯ

Степной напев!.
Как вышло так,
Что с ним весь свет прошел казак
И тот — с восторгом слушал?
Ах, в песнях тех, сойдя с реки,
В порыве огненной тоски,
Сожгли мы наши души.

ТЕБЕ, ГОСПОДИ

Волной вскипающего зла
Ты душу мне опустошил.
Сразила все Твоя стрела,
Что вражьих не боялось сил.
Чему и я стихи слагал,
В живую воплотив мечту
Степной бессмертный идеал,
Столь близкий тихому Христу.
Ты слал разбой, поток и кровь,
На нас, измученных в борьбе
И меркнет теплая любовь,
О Боже Праведный, — к Тебе!
И если нет Тебя, мой Бог, —
Я в песнях Образ Твой — сберег!
И не раскаюсь ни на миг
В святых стремлениях моих.

КАЗАЧИЙ ХЕРУВИМ

Памяти С. В. Болдырева

Много, много у Господа, много
И погожих и пасмурных дней.
И бросают их в пыль, по дорогам,
В проходящие толпы людей.
И берут они, души живые,
И уносят поспешно с собой
И богатые сны, и пустые, —
Предначертанный жребий земной.
В херувимах служил, на сверхсрочной,
Лейбгвардеец, урядник Кумсков.
Показал себя шустрым и точным
Промеж ангельских, райских чинов.
«Замеченья» за ним не бывали
И когда выходил он в наряд,
Души все бесперечь получали
Без обиды всего в аккурат.
С ним пришлось неустойке случиться:
В декабре, в девятьсот во втором,

Вышло мне приказанье — родиться
И явиться на Дон казаком.
Повинуясь Господнему слову
Пеши я потянул к Островской,
Торопясь козырнул я Кумскову,
Услыхал — «Тю, кужонок, постой!»
Было это под утро, седьмого,
Аж звенело — мороз придавил
И чудок не по мере хмельного
Херувим перезябший хватил.
В саквах, трошки качаясь, порылся
И сказал: — «Чирз-тибе до зари
Я, братуха, с поста не смянилси,
Что осталось — не гребуй, бяри!»
Две цедульки с улыбкой широкой
Протянул мне нетвердой рукой.
Я на первой прочел — «Одинокий»
И «Изгнанье» прочел на второй.
Помню, помню — я плачем залился,
Оглянулся — все пусто кругом . .
И пошел я на Дон и родился,
В декабре, в девятьсот во втором.

. . . .

Я с земного довольствия, Боже,
Скоро, видно, навеки спишусь . .
Одиноким в изгнаньи я прожил,
Худоконным к Тебе ворочусь.

ХУДОКОННИЦА

Ох, как шла по берегу, она, худоконница,
Нет, не поднималася пыль из-под копыт.
Ни пырей ни донничек не шумит, не клонится,
А лихой урядничек на тачанке спит.
Проходили хутором — кобели чесалися
И на них не глянувши — на базы пошли . .
Коники-ж вороники на ходу качалися,
В лопухи-татарники у плетней легли.
Ужахались-плакали возле церкви баушки:

«Им, кормильцам, Восподи, тоже не легко».
Тут-же, под амбарами, в холодке, на травушке,
Захрапело с вечера храброе войско.
Ранней зорькой с хутора вышли-выбиралися.
Шепотком-тихонечко, ох — без трубачей.
Бабы-то хватилися, глядь — не досчиталися —
Двух подсвинков, кочета, восемь штук утей.
Приходили бабочки к атаману в горницу
Говорили — сыпали много разных слов.
Атаман печалился: — «Хто-ж таперь угонится?
В хуторе то, бабоньки, — нету казаков !..
Да и кони — дохлые, калечь, шелудивые.
Вы ступайтя, роднушки, пирякстясь, домой.
Ить поди и ваши-то так-же вот служивые,
Где-ни-то с подсвинками принимають бой»...
И пошли жалмерочки в курени родимые,
Становила каждая свечку к образам
И молилась: — «Господи! Возвярни любимого!
Шут с ним, с энтим кочетом, — телку я отдам».

РАССТАВШИСЬ

У. Ф.

Нужно, стиснув зубы, из последней силы
Сердце сжать, немея, дрогнувшей рукой,
Позабыть пытаясь бесконечно милый,
Твой любимый образ, нежный образ твой.
Пусть в безмерном горе стонет грудь больная
И слепя мне очи слезы побегут,
Вихрем все охватит злая боль шальная
И совьются нервы в раскаленный жгут.
Пусть меж пальцев сжатых судоржно и пьяно,
Рдяных капель крови вспыхнут огоньки:
Это сердце плачет новой, страшной раной,
Расцветают это цветики тоски..
Снова отказаться.. постараться снова
Новую потерю чем-то объяснить.
Не сказать укора пламенного слова
И зачем-то дальше, глупо, бестолково,
Никому ненужным одиноко жить..

***

У. Ф.

Свой курень я с утра уберу.
На столе я поставлю цветы..
Будто снова ко-мне ты придешь,
Будто снова появишься ты.
Все куплю, что тебе покупал.
Приготовлю — как было вдвоем.
Одиноким я сяду к столу
И заплачу над этим столом.
И наливши себе до краев
Рюмку полную, рюмку твою,
Выпью я за здоровье твое
И за новую рану мою.
И детишек собрав на дворе
Им скажу: — налетайте, друзья!
И исчезнет в мгновенье одно
Одинокая сказка моя.
Оставляя неубранным стол,
В поле тихо отправлюсь гулять.
Запою я, сквозь слезы, во ржи,
Станет ветер, смеясь, подпевать.
Запою о проклятой судьбе,
О тебе, о безмерной тоске,
О протянутой мной в пустоту
Задрожавшей от боли руке.
И вечерней дождавшись зари.
Теням ночи несказанно рад,
Помолюсь, чтоб ускорил Господь
Мой давно заалевший закат.

МОЛИТВА НА ПОКРОВ

Н. К. Боровлеву

Господи! Сегодня к Твоему подножью
Прошепчу молитвы тихие слова:
Сатана давно бы смог нас уничтожить
Коли-б не святая сила Покрова.
Пред иконой темной на коленях стоя,
Я в ночной, звенящей, голубой тиши,

Древняго Азова помяну героев,
За покой их гордой помолюсь души.
Господи-Исусе! Всем, что в битвах пали,
Что с нечистой силой полегли в борьбе,
Отпусти их вины. Утоли печали.
Исцели их раны. Допусти к Себе.
Помяни нас в Небе, Пресвятая Дева,
Перед Богом снова вспомни казаков,
Что в молитвах теплых и степных напевах,
В рук делах суетных — помнят Твой Покров.
Боже наш великий! В темноте столетий
Нам светила вера в правоту Твою.
И мы твердо знаем — будем мы, что дети,
Под Твоим Покровом у Тебя в Раю.

МЫ САМИ ВИНОВАТЫ

Казаки!
Мы — сами виноваты!
Только сами виноваты мы!
Были мы лишь честные солдаты
В подворотне нашей-же тюрьмы.
А когда, лихим огнем пылая,
Занялась со всех она сторон,
Мы пошли, тюремщиков спасая,
Позабыв прадедовский закон.
И в обломках рухнувшей громады
Горя чашу осушив до дна,
Все-ж запели по иному ладу
Старые припомнив имена.
Вспомнили Кондрата и Степана,
Про казачий вспомнили Присуд,
А на теле — огненные раны,
А тела — на кладбище несут.
Холоден, продажен, безучастен
Мир врагов и жиденьких друзей..
Казаки! Мы проморгали счастье
По вине по собственной своей.
Но, чтоб дедов не пропала слава,
Чтоб ее позором не покрыть,
Надо нам за Войсковое Право,

На сполох по-разински звонить.
И итти, не увлекаясь мщеньем,
Волю нашу в битвах отстоять,
Лишь тогда молитву отпущенья
Сможем мы спокойно прочитать.

LAISSE MOI

Dedié à Madame
M. V.

Laisse moi, laisse moi
Contempler ton visage
А жизнь — ушла. Была она
Пустой один мираж.
Кровавым сгустком горьких слез
Тоска в груди легла...
Один сижу.. Пою один,
Склонившись у стола.
Дымит мне трубка — верный друг
Я счастлив был вчера:
Тебя я в поезде видал
На миг — моя сестра.
Черты прекрасного лица
И теплый взгляд очей...
И плачу я. И тает лед
В больной душе моей.
О Боже мой. Хоть в этот раз
Меня не обмани.
Я одинок. Я так устал.
Так пусты эти дни.
Я — буду друг. Я буду — раб.
И старый, глупый, паж..
Laisse moi, laisse moi
Contempler ton visage.

НАМ НУЖЕН РАЗИН

Нам нужен Разин, Степан нам нужен!
Его что громом разящий зов..
И копий тучи, и залпы ружей,
И веры старой святой Покров.

Чтоб все поднялись, чтоб все поняли,
Что час великий для нас настал,
Что мы Кондрата не забывали,
И Бог для правды нас в мир послал.

Чтоб шашки взмыли, склонились пики,
И чудо-гика пронесся шквал.
Чтоб в храмах наших святые лики
Пришелец грязный не осквернял.

Присуд казачий, Степная воля,
Для нас, не знавших цепей и пут.
Молитвы наши и сердца боли
И зов Кондрата — в веках живут!

Чем враг сильнее — тем слаще биться!
Мы славу нашу найдем в крови.
Дон тихо плещет, Дон серебрится,
Долой папахи! Пора молиться
За подвиг в вере, за смерть в любви.

ОТЦУ

Я пошел твоей, отец, дорогой:
Горя, болей и надежд пустых..
Как их много — потерявших Бога,
Верить переставших..
Как же много их!
Ты же был, ах, ей-же-ей хороший!
Ты любил и верил, и терпел..
Почему-же, отчего-же, что-же
Так твой горек..
страшен твой удел?

На твоей я закурю могиле
Табачком я трубочку набью..
Рабски покоряемся мы силе,
По-холуйски выю гнем свою!
В трубочке, завещанной тобою,
Твой табак сегодня докурю..
С неживой, холодною душою,
Жду свою вечернюю зарю.
Понимаю: ни во что не верить!
И привет не ждать ни от кого..
Вестник светлый не откроет двери,
В самой малой.. в самой малой мере
Из надежд не выйдет ничего.
Ничего не выйдет.. понапрасну
Жизнь пустая теплится едва..
Солнце светит?
— солнце безучастно!
Манят звезды?
— и они угаснут!
Мертво все — и звуки и слова.
Где они — безудержные силы?
Где вы, вешки брошенных дорог?
Тяжело в чужой земле постылой
Ожидать безрадостной могилы
И с Тобой не примириться, Бог.

***

. . . .
И когда казачьи кости
Поисточат черви злые,
И тогда я не забуду
Степи наши голубые.
И совсем смешавшись с прахом,
Став землей в сырой могиле,
Буду видеть сны о Воле,
О казачьей павшей Силе.
А когда трубы Господней
Зов услышу Твой, Спаситель,

Выйду я как грешник, каясь,
И — как страшный обвинитель —
Я во всем, во всем признаюсь
В чем я, Павел, Богу грешен,
Но — Казак — скажу я Богу
Почему я безутешен.
Подниму я взор усталый,
Прямо в очи Богу гляну,
Покажу тоски казачьей
Огневую, злую рану.
И спрошу: за что, Великий,
Почему казнил Ты, Боже?
Почему Ты племя наше
Так нещадно уничтожил?
Разве были виноваты
Дети наши, наши жены?
Кто вернет нам рай на землю,
Тихий Дон — врагом сожженный?
И тогда, в тоске великой,
Лишь о нем, отце, рыдая,
Откажусь я от награды,
Не приму иного рая.
Пусть в Геенне я окончу,
В адском пламени сгорая,
Эти муки будут легче
Чем тоска о Вольном Крае.

САМ СЕБЯ УВЕРЮ..

Е. Х.

Сам себя уверю: это — лишь приснилось!
Я тебя не видел вовсе на яву..
Вот — и легче сразу!
А живу — как пьяный..
Только сном ушедшим я теперь живу..
. . . .

Вот и все!
И к черту разговоры!
К черту все, чем жизнь была полна!
Все смешно. И просьбы и укоры..
Эй-ты..
Кто там!
Принеси вина!
Не жалей! Налей-ка пополнее..
Та-ак..
— скажи, за чье здоровье пить?
За того, кто сам себя сильнее,
Кто, и вида не подав, сумеет
Все свои желанья потушить!

. . . .

А во имя чего?
И за что?
..Почему?
Чем же я виноват перед Богом,
Что поверив тогда лишь Ему одному
Я мальчишкой ушел в непогоду и тьму,
Всю-то жизнь растрепав по дорогам!
По дорогам чужим..
по чужим куреням..
Не имея с кем вымолвить слова.
Пел приснившимся синим, желанным очам,
Им построил в душе заколдованный храм,
Не искал себе счастья другого.
И манили, и звали, и грели они
И светились что в сказочной песне..

. . . .

Тухнут в окнах чужих без привета огни,
Успокойся. Забудься. Смирись. И — усни!
Не вернется..
— ничто не воскреснет!
Да! Конечно-же:
— подленький, низкий обман,
Вот и все.. Целой жизни итоги..
Может статься — не даром же нынче я пьян:
Это лжи расступился холодный туман
При конце одинокой дороги.
Расступился туман..
Не подмешивай! Стой!

Эх, начать бы все снова..
— Сначала!
Что бы сделал?
— Пошел бы за старой мечтой,
Пел бы снова о сказке своей голубой
И душа бы, искряся, пылала!
Слава Богу — Творцу!
Слава в вышних Ему!
Слава в сердце живущему свету!
Боль святую мою не отдам никому
И за мелочной жизни слепую тюрьму
Не сменяю удела поэта.

МОЯ МОЛИТВА

Эх, давно не молился я Богу,
Но сегодня я буду просить:
Очерстви мою скорбную душу,
Разучи меня, Боже, любить!
В этом сердце, от боли звенящем,
Потуши все святые лучи,
Влей в него бесконечную злобу,
Ненавидеть меня научи.
Боже-Господи! Тяжко без меры,
Под ведущей Твоею рукой..
Потуши мою теплую веру,
Со святыми ее упокой!
Я — не кукла. Не клоун. Не камень.
Разожги-ж исступленный пожар:
Я в его разрушающий пламень
Брошу светлой поэзии дар.
И тогда, ставши подлым и малым,
Научусь я с людьми говорить..
Стану волком, змеею, шакалом,
Чтобы равным меж равными быть.

СУД ГОСПОДЕН

Он призовет меня к себе
И спросит:
— Что? Устал, станица?
И, потеснившись, мне свелит
С ним на завалинке садиться.
И сев — заплачу горько я
О всем, что сердце потеряло,
О всем, что с верою, всю жизнь,
Душа напрасно ожидала.
И долго буду говорить,
Перечислять все, что жалею.
И то, о чем я пожалел
Мне станет мерою моею.
И как Он суд свой изречет,
И что Он скажет — я не знаю . .
. . . .
А жизнь уходит, жизнь течет,
И человек по ней идет,
В глухой тоске изнемогая.

ПЕТРУ КРЮКОВУ

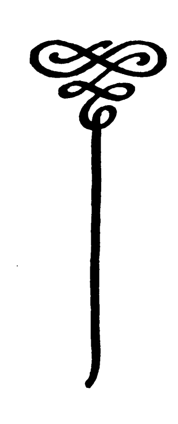
Помнишь, помнишь, Петро — Дона радостный шум
И Сполох по простору степному?
Мы тогда присягнули с Тобой, односум,
Всевеликому Войску Донскому.

Леденящие ветры, позёмку гоня,
Злобным вихрем шляхи позадули.
И несли они смерть для Тебя и меня,
В них свистели московские пули.

Испугались ли мы? Нет! Тогда мы пошли
В бой. И честно мы Дону служили.
И стояли за Волю Казачьей Земли
И присяги своей не забыли.

И теперь, поседев, вплоть до нынешних дней,
В наших песнях, мечтах и молитвах
Сохранили мы верность идее своей,
Закаленной в бесчисленных битвах.

Если-ж «Стройся к расчету» услышим сигнал,
Не смутимся с Тобою мы оба.
Это значит: Господь нас на отдых позвал,
Это значит: Он верных у трона собрал
На войну против рабства и злобы.

Was vergangen, kehrt nicht wieder.
Aber ging es leuchtend nieder,
Leuchtet's lange noch zurück.

ПОЭМЫ

(1925 — 1938)

СЕМЕН — ОТРОК

Ходят тучи темные,
Серо небо мутное,
Утром затуманенным
Обжигает стыть . .
Листья — будто вороны,
Мысли — листья желтые,
Что позёмка веются, —
Не остановить.
Мне про Дон бы, батюшку,
Да про Степь — кормилицу,
Да про племя вольное
Песню заиграть.
Да в нехитрой повести
Про Семена-отрока
Господу пожалиться,
Детям рассказать.
В годы стародавние,
Времена далекие,
Без молитвы-радости
Нехристь только жил.
В старину далекую,
Перед делом-промыслом
Всяк с молитвой, истово,
Крест святой творил.
Помоги-ж мне, Господи,
Послужить Казачеству.
За него, родимое,
Жизнь отдать свою.
Упокой мя, Господи,
Промежду курганами,
Возле речки Иловли,
Да в Родном Краю.
Положуся, веруя,
Я на волю Божию,
А за волю-вольную
Тихо помолюсь.
И за славу Господа
И казачью славушку
С нерушимой верою
В другоряд окщусь.
Слава Богу-Господу,
Слава Дону Тихому

И всему Казачеству
Слава — ярче звезд!

. . . .

Я за правду вечную
И за души воинов,
За нее боровшихся,
Ставлю третий крест.

1

Разметались руки..
В чубе кровь спеклася,
Кружит, кружит ворон
Уменьшая круг..
Дует мокрый ветер,
Раздувает пепел,
Засыпает гарью
Пожелтевший луг.
Кончились стремленья,
Кончились желанья,
Не откроет воин
Голубых очей.
Не окинет взором
Ширину Задонья,
Не услышит больше
Шопот ковылей.
Городок разрушен..
Стариков — побили,
А детишек малых
Покидали в Дон.
И всю ночь галдели,
Как шакалы выли,
Потолкали с яра
Матерей и жен.
Городок держался
Три дни и три ночи,
Да силен полками
Долгорукий князь..
Подолели силой.
И огнем спалили,
Из крови и гари
Замесили грязь.
Атаман Ефремка
Шашкой отбивался,

Да его стрелили
Издаля, под бровь.
И лежит Ефремка
Посередь ливады,
На татарник смятый
Тихо каплет кровь...

2

Где-ж Семен Ефремыч?
А его ясырка
Балкой Рассыпною
Ночью унесла.
В камышах блукала,
Музгами скиталась
И к Орде прибившись
Жизнь ему спасла.
Спит Семен Ефремыч,
Пузыри пускает,
Уморился, бедный, —
Что-ж, нехай соснет..
Морщит нос курносый
И ногами сучит.
Нонче вам, Ефремыч,
Стукнул третий год.
Мать — толкнули с яра,
А отца стрелили —
Не горюй, Семенка,
Набирайся сил.
Подрастешь — узнаешь,
Кто твой враг извечный,
Кто в Казачью Волю
Из пищалей бил..

3

По лугам широким,
Под орлиный клекот,
Под совиный шорох,
Разбрелись стада...
По зеленым травам,
От Кавказских склонов
По Запольным речкам
Движется Орда.
Впереди — наездник
Зорок, быстр и жилист.

Конь — в богатой сбруе,
За лукой — аркан.
Солнце тихо гаснет,
Вырастают тени,
Задымились юрты,
Выбран новый стан.
Гля! Семенка — вырос!
Десять лет Семенке.
По-калмыцки ловко
Знает лопотать.
Он с коня не сходит,
Он табунщик будет,
Он из лука мастер
Сусликов стрелять.
Умерла ясырка,
Что спасла Семенку,
Что блюла мальченку
Не смыкая глаз..
От нее Семенка
Об отце Ефреме
И про мать Наталью
Услыхал рассказ.

. . . .

Конь — стоит стреножен.
Верблюды на пепел
Улеглись. Собаки
Лают на овец.
Ковыли склонились,
Догорают зори,
Серебром белеет
Влажный солонец.
Засыпают юрты,
Замолкает говор,
Полегла скотина,
Стан объемлет сон..
Загорелись звезды,
Потянуло влагой,
Стал туман над балкой,
Но — не спит Семен.
В темноте не дрогнут
Детские ресницы
И глядится в небо
В синь его очей.
И мальченка верит:

Вот — окрепнут руки,
Подрасту, ударю,
Сам на москвичей!
Я спрошу их — кто-же
Утопил маманю?
Я спрошу — папаню
Кто из вас стрелил?
Я заставлю князя —
Он мне сам построит
Городок, что ночью
С войском попалил.
Выгоню их с Поля!
Пусть идут на север.
Позову на помощь
Турок и Орду.
И до граней наших
С именем Кондрата,
На знаменах синих,
Казаков сведу.
Городки поставим,
Обнесем валами,
Но границе нашей
Поплетем плетни...
Сон одолевает,
Тяжелеют веки,
Зажигают звезды
Синие огни.
Спит Семенка. Тихо.
Конь звенит треногой,
Скоро побелеет
Пред зарей восток.
Пес во сне погнался
За совой. Спросонья
Широко зевая
Чешет рыжий бок.

4

Годы!
Станьте... станьте..
Вы куда летите?
Аль и вам от злобы
Тяжело людской?
Без оглядки — в Лету..
Под сугробный холод,

Под морозный ветер,
Под мятельный вой.

. . . .

Дымно в теплой юрте.
Покурили трубки..
Из Черкасска прибыл
На улус казак.

Он — насчет скотинки..
Вишь — зима какая!
Выменять бы можно:
Сукна есть.. табак!

Тихий и неспешный
О торговом деле
Семка переводит
Чинный разговор.

— Ты откеля, малый?
Я — Семен Ефремов!
Мой убит папаня..
Твой папаня — вор!

Что?
Вскочил Семенка.
Ты откуда взялси?
— Я-то? Все я знаю,
В городке я был.
Твой отец с Кондратом
На царя поднялси,
Я его с пищали
С вала подстрелил!

Ты?..
Дыханье сперлось,
Загорелись очи.
Ты?
Так будь же проклят
Окаянный час..
Что у друга в юрте
Я тебя увидел.
Бог тебя сегодня
От отмщенья спас!
— Ха-ха-ха! Поглянь-ка!
Да не лайси, малый,
Мы тебя искали,
Ты-ж сумел уйти..
Жалковал я дюже!

Государь за вора,
Казакам целковый
С головы платил!
Тихо-тихо стало...
В гробовом молчаньи
Встал хозяин юрты
Старый дед седой
И сказал:
— Послухай,
Знаем, что Иуды
Продали свободу
И Присуд Степной
Предали! Жалею,
Что тебя я принял.
Уходи! Не можешь
Гостем быть моим.
Я с Кондратом тоже
Против русских бился
И его мы имя
Доси свято чтим!
Злобно гость поднялся —
— Прощавайте.. что-же..
Мне — в Черкасской надо.
Тороплюсь.. Дела!..
Выехал из стана.
Дунула поземка
И следы по шляху
Снегом замела.
А в юрте, Семенка,
Захлебнувшись плачем,
На воловьей коже
В уголке приник..
Головой качает
Злых предчувствий полон,
Разжигая трубку
От угля, старик.

5

. . . .

Зашумели зыком:
— Не дадим! Не надо!
С нас довольно крови.
Коли-ж ты охоч,
То пошли в подарок

Воеводам царским,
Для ночной забавы,
Маньку, свою дочь!
— Эй, гляди, ребята,
Хрест ведь целовали:
Это-ль не измена —
Вора затаить?
Круг замолк..
                        И ревом:
— В куль его, братухи,
В воду его, братцы,
Надо посадить!
И сверкнули шашки,
Дрогнул зимний воздух..
— Будя! Натерпелись!
Вон отцеда! Гад!
И ушел побитым
С Войскового Круга
Малого Семена
Добровольный кат.
Атаман руками
В курене разводит:
— Хрест мы целовали..
Так-то оно так..
Ты же был на Круге?
Чать слыхал? Чего-же?
Я без воли Круга
Сам — простой казак!
Вишь как распалились..
Я тут, брат, без силы..
Только поошиблись:
Я — слуга царев!
(Шопотком)
                 — Послухай,
Подседлай-ка ночью
Луговой дорогой
Побеги в Азов!
Злобы подлый пламень —
Ты сжигал народы,
Ты просторы наши
В рабство обратил..
На валах азовских
Увидали — конный!
Часовой ворота

Крепости открыл.
Ночью.. в темь и холод..
Эскадрон рейтаров
На восток по звездам
Держит тайный путь..
Эй, казак, опомнись,
Ты повел азовцев,
Эй, казак, не поздно
Коней повернуть..
Комендант Азовский
Спит в опочивальне.
Степь свою свободу
Продает сама!

. . . .

А с валов несется
Часовых московских:
«Славен Муром — город!
Пенза-а-а.. Кострома-а-а!»

6

Тихо в юрте.. тихо..
По ночам мятели
Громоздят сугробы,
Ветер ветлы гнет.
По базам кизечным
Плотно сбившись в кучи,
За день передрогший
Спит, согревшись, скот.
Все кругом спокойно.
Лишь Семенку душит
В третий раз пришедший
За ночь страшный сон:
Видит он — дорога
По над балкой вьется
Видит полный трупов
Обмелевший Дон.
А по той дороге
По три вряд, без края,
Обливаясь кровью
Казаки идут.
Булавин.. Некрасов..
Емельян шагает..
И отец Семенкин
И Семенка тут!

В синяках и ранах.
Стрелы впились в тело.
А на шеях — петли.
Головы — в руках!
И идут, шатаясь.
И звенят цепями.
И дымится кровью
Приулитый шлях.
А пред ними — каты!
Страшные и злые.
А кругом, рядами,
Русские полки..
Пригляделся Семка —
Боже! Ужас.. Боже!
Каты — братья наши!
Каты — казаки!
А далеко, сзади,
По следам, за ними,
Тучей, грозовою
Движется народ..
То Народ Казачий,
По крови героев
Шаг за шагом.. молча..
Скованный идет!
Ничего не видят
И тревоги полны
Атаманов ищут
Сотни мертвых глаз.
И несутся к небу
Вопли и стенанья
Из груди казачьих
Неоглядных масс.
И не глохнет ропот..
И не молкнут стоны..
И клубится к небу
Кровяной туман..

. . . .

Жуткий вой прорезал
Ночь. Семен проснулся.
На базах тревожно
Взвыл кобель Самсан.
Сжалось сердце Семки
В бесконечном страхе.
Выйти, глянуть что-ли?

Где треух-то мой?
Всполошились кони,
Скот шарахнул с база..
Выстрел! Нападенье!
Стоны! Крики.. вой..
В ужасе из юрты,
Ничего не помня,
В зипунишке драном
Выскочил Семен:
И глядел из балки
Как улус занялся,
И слыхал калмыков
Умиравших стон.
На нашли Семенку..
Матерно ругались..
И к утру угнали
Ошалевший скот..

7

. . . .

Поднялись метели,
Позадули тропы..
Что там за мальченка
По меже идет?
Медленно.. без силы..
Поднимает ноги.
Сел под скирд. Забился.
Побелел малец.
А сугроб все выше,
Ветер все сильнее

. . . .

Глянь — никак маманя?
Глянь — никак отец?
— Это ты, папаня?
— Я, сынок, здорово!
Уморился что-ли?
Ишь, блукаешь сам!
Ну, теперь мы вместе!
Атаманы — с нами.
Наш теперь ты, Сема..
Так пойдем-же к нам!
Закружился ветер.
Не видать ни неба,
Ни земли не видно —

Все бело кругом..
Подложив ручонку
Под щеку, с улыбкой,
Спит Семенка малый
Тихо вечным сном.
. . . .

8

Комендант Азовский
Перечел скотину
И велел старшому
Доложить о всем.
Услыхал, как ночью
На улус напали,
И побили сонных
И сожгли потом.
Как двоих мальчишек
Там нашли побитых,
И казак-доносчик
Их в огонь кидал.
А назад поехал
Хмурый и сердитый,
Выпил, видно, много,
И от них отстал..
— «И уж вовсе близко
Были мы к Азову,
Де его, вишь, волки,
На земь сволокли..
Мы-ж скотину гнали
И перепужались..
И ему подмоги
Дать-ат не могли!
А коня — поймали.
Конь донской, хороший,
И его мы просим
В дар, с седлом, принять!»
Комендант доволен:
— Дать ребятам водки,
По семитке медью
За геройство дать!
. . . .
Тучи..
тучи..
тучи..

Пронеслися мимо,
Только пыль схватилась
С крепостных валов..
И уснули вётлы,
И катятся реки,
И в ночи чернеет
Вновь чужой Азов.
Коль вернется Воля,
Коли Бог услышит
Стоны поколений,
Тихий звон молитв.
Коли мир узнает
О любви казачьей,
О бессчетных жертвах
Несчислимых битв..
Мне-б шалаш под кручей,
Да бахчу на взлобке,
Самоловку, вентерь,
Лодку. Перемет.
Да привады банку,
Да табак для трубки,
Да в затоне тихом
Солнечный восход..
Я-б, на лодке сидя,
Заиграл бы «гвоздик»
И друзей не зная
О врагах забыл..
И восславил Бога,
И Ему поверя,
Горбылей на муху
Для щерьбы ловил.
А пока, не веря,
Ни словам, ни вздохам,
И презреть готовый
Слишком лживый свет —
Снова одинокий
Неоглядной степи
Песней о Семене
Новый шлю привет.

НА РЕЧКЕ КАМЫШИНКЕ

По глади Камышинки — тихой реки,
Что лебеди к Волге плывут челноки,
Вода, серебряся, струится.
То вольница с Низу на поиск плывет,
Ее на расшиве рать царская ждет,
Разбойников рать не боится.
И думу задумал лихой атаман:
Удастся-ль ввести воеводу в обман
Иль, может, погибнуть придется?
На речке собрал он повольников круг,
Сказал, засмеялся, хохочет весь струг,
Вся вольница громко смеется.
«Так вот как, ребята — шумит атаман —
Спроворим расшиве вербовый кукан,
Живей-же беритесь за дело!»
И к берегу быстро подплыли челны,
За час хворостом до уключин полны,
Работа на них закипела.
Все рады, смеются, торопится всяк:
«Гляди — у меня камышевый казак
Ну где твоему поровняться!»..
Спешат есаулы — «Ребята, живей,
Лишь ночка наступит, лишь станет темней,
Начнем со стрельцами тягаться!
Теперь же — на берег. Бросайте челны,
Без вас они войском зипунным полны,
Бойцы за бортами припали».
Грозна в темноте хворостяная рать..
«Ну, с Господом-Богом, пора отплывать,
Подсыпьте-ка зелья в пищали.»
На струг на передний вошел есаул,
Флотилию всю за собой повернул: —
«Вы-ж берегом, братцы, живее!»
И двинулись тихо отряды вперед,
Не спит воевода — разбойников ждет,
А ночка темней да темнее.
Стрелец-часовой челноки увидал,
И грянул тревожно его самопал
Палят — что за дивное-диво?
Все ближе разбойное войско плывет,
Ни ядра, ни пуля его не берет,
И к берегу жмется расшива.

Вдруг — что там? Откуда он — яростный крик?
И посвист лихой, и заливчатый гик,
Под самым бортом раздается?
Кричит воевода — «Стрельцы! В топоры,
К нам с берега, с тыла заходят воры,
Ох, Господи! Кто-же спасется?»

. . . .

По Волге в Царицын расшива плывет,
В ней вольница вина московские пьет
И весть о победе несется.
«Узорочьем-зельем все трюмы полны,
Умеем и мы добывать зипуны»
Сказал кашевар и смеется.

. . . .

И скачут в Москву за гонцами гонцы:
— Расшиву на Волге отбили донцы,
А царскую рать — перебили! —
И молится в страхе кликуша — Москва:
— Ох, чья-то на плахе слетит голова,
Опять мы царя прогневили!

В ПАМЯТЬ ЮНЫХ ЛЕТ

Уйдите прочь, тревоги и печали,
Пусть лиры звон вас заглушит хоть раз,
Я нынче пьян вином воспоминаний
И повести хочу совсем иной рассказ.
Пора признаться в том, что сердцу любо было,
Разгладить на челе глубокий след морщин
И в память юных лет, подняв бокал заздравный,
Пытаться разогнать объявший душу сплин.
Прошли мои года. Так что-же? Миллионы
Ушли под сень крестов и все-же я — пою.
За лучший в жизни миг, счастливое мгновенье,
Сегодня, веселясь, я сам с собою пью.
Благословен Господь, что в жизни неприветной
Вложил в сердца огонь и влил живую кровь,
Благословен, что дал своим донским казачкам
И стройный, гибкий стан и соболину бровь.
Так что-ж, лети скорей, безжалостное время!
Ты сердце умертвишь, но в пепле сердца все-ж
Ни радости любви, ни молний глаз девичьих,
Ни первых робких слов бесследно не убьешь.
Всем посвящаю тем, кто в радость первой встречи
Весь юный пыл души, всего себя вложил,
Кто помнит этот день, кто в этот день великий
И Бога и людей и мир благословил.
Азов, Азов! Твои валы крутые,
Церквей твоих высокие кресты,
Азов, Азов.. В моем холодном сердце
Звердой-зарницею сияешь только ты.
В семнадцать лет, с моей разбитой сотней
Три месяца стоял на пополненьи я.
Три месяца.. Ах, ими, только ими
Прекрасна и полна пустая жизнь моя.
Семнадцать лет! Походкою небрежной
По улице пройду — алеет мой лампас.
Мне узок тротуар. Я — никого не вижу
И только чувствую огонь девичьих глаз.
«Поглянь — казак! Герой.. он с фронта.. он — сражался,
Такие покорят, коль нужно, целый свет»..
Эх, закрутил бы ус, да на губе то верхней
«Предбудущих» усов лишь робкий, темный след.
В старинном курене, у двух седых поповен
Квартиру мне назначили мою.

Я пышки утром ем, щербьу в обед хлебаю,
А вечером, в саду, чаи с вареньем пью.
— «Я много раз вас на коне видала,
Когда купать его водили вы на Дон.
Ведь это вы вчера с коня подняли лихо
Платочек белый мой из под моих окон!
Я вижу вы — казак. Наверно — доброволец.
Зайдите к нам. Калитка есть в саду.
Я отопру ее и вечером, с подругой,
Там, где цветет сирень, у ветел, подожду.
Темнеет даль. Упала жарь дневная.
Прохладным ветерком пахнул на город Дон.
Курчавых облаков пошла на запад лава
И золотом горит прозрачный небосклон.
Чумазому послу донскую четвертную
На семячки тогда, обрадовавшись, дал.

На хворостине он. А я — пешком. В проулок
И он калитку мне в заборе указал.
Писать о том, как я открыл калитку
И увидал в саду точеный силуэт..
Подробно передать о чем заговорили..
Как глянула она.. нет, не могу я, нет!
Словами бледными не описать мотива
Псалма иль гимна, что огнем горя
В душе моей тогда поднялся ветром буйным
И жег меня пока не занялась зоря.
Да и не знаю я о чем мы говорили..
Да и не слышал я звенящих в искрах слов..
Глядел я в синь очей, я видел профиль тонкий —
И позабыл весь мир и позабыл Азов.

Не помню как ушел. По набережной тихой
Навстречу мне звенел прибоя тихий гул.
У пушек я присел, на звезды не мигая
Глядел. И до утра, счастливец, не уснул.
Гори, зоря, гори! Я — счастлив! Я — влюбился!
Как дышится легко. Полна восторга грудь.
На всю бы гикнуть даль! Плясать бы танец дикий.
Из пушки клиновой через валы пальнуть.
Поповны — знают все! Поповны — угадали!
И шопоток пошел из куреня в курень..
Я вечера лишь жду. Ну право-же не знаю
К чему придумал Бог ненужный, нудный день!
Три месяца прошло. Пополненная сотня
Готова снова в бой. На завтра — выступать..

Последний вечер — наш. Последнее свиданье..
Я буду сух и строг. Я буду руку жать.
Скажу что я — вернусь. Что родина и служба..
Меня на бой с врагом друзья и долг зовут..
Что не боюсь огня и не боюсь атаки..
И — может быть — меня большевики убьют!
Пошли.. пошли.. Стучат тяжелые вагоны,
Прощай, калитка в сад, прости-прощай Азов.
Забился в угол я и в саквы что-то прячу ,
Не слышу тихий смех шутливых казаков.
Ушли года, ушли.. Чреда воспоминаний
Мгновенно воскресит когда-то милый лик..
Я так терпеть привык и пережил так много,
Что в тридцать лет душей глубокий стал старик.
И где теперь она? Быть может — позабыла..
Но мне не позабыть зелененьких окон.
Не позабыть и встреч на набережной тихой
Как не забыть ее прощальный, нежный стон.
Прощай, прощай любовь. Нет, больше я не встречу,
Нет не поверю я ничьим теперь очам..
Что было — то прошло. Трава валы покрыла,
Молодняком полны аллеи по садам.
Рассказ мой полон был ненужных отступлений
Да и к чему я вам все это рассказал?
Простите мне.
В минуту откровенья
Я о любви своей немного разболтал.

ИВАН И ФЕНЯ

Для кого, зачем, — ей-Богу
Я не ведаю, не знаю,
Сердце вновь заговорило,
Снова я стихи слагаю.
Расскажу о том, что вечно,
Что могучих всех сильнее,
Самих сказок что чудесней:
— О любви сыграю песню.

1

Ветерок ковыль колышет,
Гонит листья над водою,
Далеко в станице слышно
Кочетов перед зарею.
Алой лентой тает небо,
Меркнут звезды, звезды гаснут,
Что, Иван, вздыхаешь тихо,
Али ждал ты понапрасну?

Али зорькой, утром рано,
Не придет она в ливаду
И не будет поцелуя
Ожиданию в награду?

Али резвыми ногами
Не порхнет по кочкам зыбким
И смущенно не подарит
Васильковою улыбкой?

Тихо — тихо!
Ой, ливады,
Ой раины да ракиты,
Ой-вы, очи голубые,
Да горящие ланиты.

Тихо — тихо..
— Тень мелькает,
Ближе.. ближе..
— Это Феня!

. . . .

На востоке звезды гаснут
От вербы упали тени.

. . . .

Разгорись ты, Божья зорька,
Меж ливадами-лугами,
Озари шляхи и тропы
Искроцветными огнями.
Засияй в Господнем мире
Слышишь — стон стоит от птицы,
Слышишь — гонят скот веселый
На толоку из станицы?
Синий дым давно поднялся
Из высоких труб столбами.
Загремели дружно бабы
По загнеткам рогачами.
Утро. Тухнут лампы кухонь,
Ободняло. Пали росы.
Косари пополдневали
И опять взялись за косы.

2

— Что гусей-то, аль не слышишь?
Накорми их. Где ты, Феня!
— Здеся, мама! Приметаю —
Нанесли половы в сени!
Ох ты, женское лукавство,
Ложь — приправа бабьей крови!
Знаем где ты пропадала,
Дело вовсе не в полове.
Мать-старуха верит дочке,
Знать сама-то позабыла
Как она, в девичьи годы,
Долги ночки проводила:
Не упомнит сладки речи,
Что тайком вела когда-то,
Как сама была на пляски
И на шутки таровата.
Щеки алые потухли,
Пеленой закрылись очи,
Ломота в костях-суставах
Ну — ни силушки, ни мочи.
И не вспомнит старым сердцем
О милом дружке — Егоре..
Много слез пролито в реки,
Много вод уходит в море..
Феня.. Феня!
— Чем не имя?

Аль кому нибудь не любо?
Али косы не до земи,
Аль не сладки алы губы?
Кабы эти чайки-руки
Вас, читатель обнимали,
Вы бы большего от Бога
Никогда не пожелали!
Лебединая походка,
Косы — лентой перевиты..
Ну да что за разговоры:
Раскрасавица!
И квиты!

3

Ваня?
— Парень загляденье!
Поступь.. кудри! А румянец!
И к тому еще — приказный.
Лейб-гвардеец. Атаманец.
Разве это не довольно
Чтоб сердчишко нашей Фени
Погрузилося в истоме
В сказку дивных сновидений?
Разве это не довольно
И для нас, читатель, с вами,
Коль мы сами-то родились,
Возрастали казаками!
Если-ж вы из «православных»
Так и быть, скажу по-свойски:
Чин приказный — чин важнейший
По всему Донскому Войску!
Много есть еще, конешно,
И иных высоких званий.
Да за ними и не гнался
Наш лихой приказный Ваня.

4

Нет ни слов, ни сил, ни красок
Описать вам все детали,
Как Раздорсковы к Рябовым
Да сватов-то засылали!
Как сваты-то, ночкой темной,
От Рябовых ворочались,

Как все улички плясали
И проулочки шатались.
Под турченковским овином
Полегли сваты костями.
(Торопилися к Ивану
Напрямик пошли, задами)
А когда пришли к овину
С пол часа они кружили,
Уморилися, присели,
И — остатнее допили.
А потом — играли песни
И мятелицу плясали,
Наплясались и в соломе
Сутки цельные проспали.
Эх, сваты мои, сваточки!
Эх-ты, белая головка!
Эх-вы, яблочки мочены,
Да настойка, да перцовка!
Вы одни всему виною,
А сваты-то не причинны!
Слишком крепки были вина
Переулки слишком длинны.

5

А когда к станичной церкви
Тройка Феню подкатила
Свадьбы этакой, ей-Богу,
Не упомнят старожилы.
Вся станица загуляла,
Все вино тогда попили,
И хоть верьте, хоть не верьте,
Всех курят поперебили.
«По сабе» пошли станицей,
Всяк гостей своих лелеял..
В этот год хлебов озимых
Так никто и не засеял.
Загуляли и — забыли!
Угощалися по свойски.
Каб еще чудок гуляли, —
Напоили бы все Войско!
Правда, после свадьбы этой
Так станицу и прозвали:
— На Успение венчали,

До Введенья догуляли! —
Во как в нашей-то станице!
Не в пример которым-прочим!
Ну да это только к слову:
Все станицы беспорочны!

6

Говорить, или не надо,
Здесь о Крыме . . о Босфоре . .
О степной великой буре,
О казачьем нашем горе?
Много будет песен спето,
Много книг о том напишут,
Да о всем десятой доли
Внуки наши не услышат.
Не услышат, не узнают,
И понять-то нас не смогут.
Слишком зла-то много было,
Слишком горя было много.
Будто вихрь прошел по Дону,
Вымел, вычистил, развеял,
Будто Бог спешил разрушить,
Что ошибочно содеял.
В ночь сжигалися станицы,
В степи скот без корма падал
И — за тысячи убитых
Возжигалися лампады.
Будто два стальных гиганта
В грудь земли когтями впились
И поднялся дым пожарищ,
Реки кровью задымились.
А когда в Новороссийске
Кони брошенные ржали,
Мы, привыкшие к несчастьям,
Слезы тихо вытирали.
Ах вы кони, кони — други,
Вечна вам меж нами слава . .
Над костями их, наверно,
Поросли цветы да травы.
Я в добро теперь не верю,
У меня одна примета:
Коль казак коня оставил —
Все молитвы без ответа!

Все надежды — понапрасну:
В конях вся казачья сила.
Коли мы ее лишились
Ожидает нас могила.
Запорожцы и Некрасов
Увели коней ссобою.
Мы-ж поплакали над ними
И оставили без боя.
Эх, да что там! Было дело,
Кто виновен — все узнаем,
А пока что — чашу горя
Пьем, никак не допиваем.
Будто мало пить осталось,
Глядь — наполнилася снова!
Правда, правда! Где ты, где ты?
Кто придумал это слово?

7

Я совсем разволновался
Изменил начальной теме,
А ведь начал об Иване,
О любви, о милой Фене.
Что Иван?
Сломал тройчатки,
Из обломка пику сделал,
Подседлал свово гнедого,
Попрощался и — уехал!
Был в тифу, был дважды ранен,
Перенес и тиф и раны —
И попал он вместе с нами,
С нами вместе — на Балканы.

8

На высоком минарете
Мулла ходит и зевает,
Тень его по плоским кровлям
Темной птицей пролетает.
— Илль-Алла — несется в горы,
— Илль-Алла — вторят ущелья,
— Илль-Алла — вздыхают стены
Крепостной сторожки-кельи.
Что? Рассказ средневековый
О турецких тюрьмах старых?

И о пленниках казачьих
И о страже — янычарах?
Нет! Я снова о Иване.
Он теперь в Герцеговине
Тихой песней за работой
Вторит зову муэздина.
Замерла муллы молитва,
Тень его сползла по крыше...
Боже, Боже.. что, молитву
Или песню Ты услышал?

9

Между делом Ваня дома
Знал о коже, дратве, шиле,
И они ему в изгнаньи
Верно службу сослужили.
Возле мечети, в лачужке,
Чинит он турчанкам туфли,
Поседел, согнулся, высох,
Очи ясные потухли...
Гложет мысль тоска-злодейка:
Весела-ль, здорова-ль Феня?
Эх, обнять бы крепко, крепко,
Пасть пред нею на колени.
Целовал бы долгу ночку,
Обнимал, да гладил косы,
Да глядел бы в ясны очи,
Отвечая на расспросы.
. . . .
Годы счетом набегают,
А тоска-змея сильнее..
Что-то Феня? Где-то Феня?
Что не пишет? Что-то с нею?

10

Ты лети, письмо, голубкой,
Через реки и долины,
Проплыви по океанам,
Обогни ты гор вершины.
Ты найди в стране далекой
Ваню с болью злой разлуки,

Ты ему, письмо, отдайся
В белы-сахарные руки.

. . . .

— «Ты прости, голубчик Ваня,
Не моя вина, родимый,
В этот год, как в год венчанья,
Мы не сеяли озимых.
Телку волк зарезал ночью,
Лошадей воры угнали,
Кур, свиней — солдаты съели.
И пахать не выезжали.
Комиссар с Москвы приехал,
Говорил о чем-то много,
И курень-то наш продали
Для уплаты продналога.
И пошли бы мы по-миру,
Да судьба нам улыбнулась:
Комиссару (звать Исаком)
Я на сходе приглянулась.
Ваня, Ваня! Знаю, милый,
Прочитав, ты будеш плакать,
Я томилась . . я молилась . .
Повенчалась я с Исаком.
Не с попом, а так, в совете,
Расписались и готово!
Ваня, Ваня! Ты поймешь-ли?
Напиши ты мне хоть слово.
Десять лет ждала, родимый,
Извелась, истосковалась . .
Не серчай, прости, любимый . .
Что поделать — не дождалась!

11

В Иностранном Легионе
(Так в письме мне написали)
В перестрелке трех убили:
Двух арабов и — Ивана!

. . . .

Он, прочтя письмо из дома,
Никуда не показался,
Сел на поезд и уехал —
И ни с кем не попрощался.
Мы-б о том и не узнали

Если-б только возле трупа
Где-то в Африке, не знаю,
Не нашелся снимок-группа.
А на снимке том — гвардеец,
И отец его с женою.
И стоит с ней рядом Феня
Под венчальною фатою.
Угадали там Ивана.
Помолились, перекстили,
Без церковного обряда
В бурханах его зарыли.

. . . .

Вот и все.. И кончил песню..
Да не так, как начиналась..
Что поделать — доля наша
Так над нами насмеялась.
Что поделать.. все проходит,
Все покроется забвеньем
И дела важнее наших
И любовь Ивана к Фене.
Что поделать — степи наши
Нечисть красная покрыла..
Да, когда-то были люди,
А теперь — одни могилы!

. . . .

Да, когда-то были люди..
Боже, Боже, тяжко право,
Нам, бесславным их потомкам,
Говорить о ихней славе.
И болит душа в смятеньи —
Ведь могло же быть иначе:
Вместо песен погребенья
Праздник Радостной Удачи.
Нет, не можем, не достойны..
Пыль казачья, прах, изгои..
Были люди, были войны,
Но — убиты все герои!

. . . .

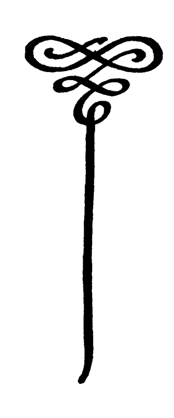
А теперь мы
                    — поминаем
Да зовем.. да ждем ответа..
А в степях — цветы повяли,
На Дону героев — нету.

АЗОВ

Страшён, неприступен гяурам Азов,
Под стены пять тысяч пришло казаков,
Азов казаки осадили..
Пируют и пляшут, меды они пьют
И слышно — зарею на приступ пойдут,
Турецкой ругаяся силе.
Заря наступает, густеет туман,
Трухменку снимает свою Атаман,
Пред битвою молится Богу.
И двинулось войско на вражеский вал,
Да поздно его часовой увидал,
И турки забили тревогу!
«Вперед, атаманы, вперед, молодцы,
Узнают поганцы, что значит — донцы!
На стены, ребята, смелее!»
И мечутся турки — Алла-иль-Алла!
Их знамя упало — и наша взяла!
«Гей, братцы, на пушки живее!»
Дымится в развалинах грозный Азов,
Где туркам стоять супротив казаков,
Валы казаки насыпают.
И стены и вал все растет да растет,
Турецкое войско из Крыма идет
Все ближе оно подступает.
И снова кровавая битва кипит,
И двадцать четвертый был приступ отбит,
А сдаться донцы не желают.
Полчетверти тыщи осталось в живых,
И поняли турки — не выкурить их!
Османы осаду снимают.
Собрались остатки на Круг Войсковой
Снестися решили с крещеной Москвой,
Гонца на Москву снарядили:
— Скачи ты, явись перед русским царем
Строеньем Азовским ударь ты челом,

Скажи, что Азов мы — отбили!
И вражью побили несметную рать
Боимся удастся ли дольше стоять,
Живых-то нас больно немного!
Скажи, что остались калеки одни,
Царю ты при случае там немекни,
Авось он пришлет нам подмогу!
Вернулся гонец, на Кругу докладал:
«Царь Земский Собор свой поспешно собрал
И речи пойдут об Азове.
И что этот Земский Собор порешит,
О том незамедля нас царь известит,
А быть нам сказал на готове.»
Московский на Низ приезжает гонец
На стол Атаману он ставит ларец
Без малого весом в полпуда.
«В Неметчине бьется московская рать,
Царь войска на помощь не может прислать
И грамоту шлет вам покуда».
И грамоту вынул дрожащей рукой
И писарь читать ее стал войсковой
И долго, до ночи читали.
И вычли: «нужен городишко-то нам,
А все-ж повели, Атаман, казакам,
Чтоб туркам его они сдали.
Не дело нам с нехристем воду мутить,
Хоть вы их побили, да могут побить
Они нашу грозную силу.
Страшна для врага наша царская рать,
А все-ж не хотим мы войны затевать,
Боимся — порухи-б не было.
Ты вверх отступи с казаками на Дон,
А Войску скажи ты наш царский поклон . . »
И титул за полночь длится . .
Эх, лучше-б он титула нам не писал,
А зелья, пищалей, да пушек прислал,
Мы-б сами сумели отбиться!

Не жаль нам оставить разбитый Азов,
Могилы нам жалко своих казаков,
Без дела их храбрость пропала ! .
Бойцы покидают свои курени,
В родимых станицах расскажут они
Как Русь им в войне помогала.
В Царьград из Москвы полетели гонцы:
Без нашего ведома дрались донцы,
Воры у вас город отняли!
Эх, жалко, о том Атаман не узнал,
Навряд бы кого он к царю посылал,
Не с турками-б мы воевали . . .

ГАЛИНА БУЛАВИНА

. . . .

Без прикрас, по Божьей Правде,
Как и мне передавали,
Расскажу я о Галине
Повесть славы и печали.
Расскажу о днях великих,
О родном своем народе,
Посвящу я строки эти
Чести, славе и свободе.
Пусть читают дети наши
В кулаки сжимая руки,
Будет время, грянет буря,
Отомстят за дедов внуки.
И когда за Волю нашу
Смолкнет гул последней битвы,
Пусть заменять песни эти
Внукам тихие молитвы.
Кто молился — раб покорный,
Кто просил — тому не дали,
Кто сказал — того убили,
Кто позвал — колесовали!
Так пора же, стиснув зубы,
Подтянуть коням поводья
И позвать на пир кровавый
В честь Отчизны и Свободы.

1

— Я люблю тебя, милый, любовью
От которой под грудью болит,
От которой до сладкой истомы
В сердце пламень могучий горит.
Голос твой, взгляды, жаркие речи,
Помню крепко, у сердца храня,
И они, их великою силой,
Из могилы-б подняли меня.
Молода я. Еще не любила.
Ты — мой первый. Последний ты мой.
Но — с тобой на Москву не поеду,
Нет, не буду твоею женой.
Не поймешь ты меня. Не поверишь
Страшной боли великой моей:

Я зачахну в хоромах высоких
От тоски по дымке куреней.
И родившись казачкою вольной,
Я иной не желаю судьбы..
Мне-ль сменить неоглядные дали
На потехи боярской рабы!
Скинь московские эти вериги,
Перстень дай мне, венчальный, с руки,
Повенчаемся, милый, с тобою
И — припишем тебя в казаки!
И отца моего ты узнаешь
И тебя я сильней полюблю,
Коли с ним за казачее дело
Рядом станешь в кровавом бою.
И поможешь нам, малым и сирым,
Супостатов своих одолеть.
И, за наши боряся могилы,
Не сробеешь в бою умереть!
Смолкла. Дрогнули стрелы-ресницы,
Обернулась, что быстрая лань:
— Мне-ль забыть городки и станицы?
Мне-ль оставить все это? Ты глянь:
Эти речки и волны ковыли,
Балки эти, леса и кусты,
И затоны, ливады и плёса,
Перекаты, камыш и цветы..
Их люблю я великой любовью,
До неясной, щемящей тоски,
И готова горячею кровью
Напоить золотые пески.
Вы же лаптем московским, тяжелым,
Придавили, примяли траву..
Мало вам, что мы сами не можем
Атаману вручить булаву.
Мало вам! Наши рыбные ловли
Вы отдали московским полкам,
Солеварни у нас отобрали
И грозите огнем городкам!
Наши прадеды, бабки и деды
Смерть приняли, свободу храня,
Оставайся со мною, любимый,
Докажи мне, что любишь меня..
Улыбнулся..
— Послушай, Галина,

Терем есть у меня под Москвой,
В нем ты будешь моей королевной,
Молодою хозяйкой — женой.
Позабудешь цветы и овраги
Эка невидаль — ваши пески!
Да Ей-Богу я в этой пустыне
Через месяц подохну с тоски!
Позабудешь крамольные речи,
За воров перестанешь стоять!
Мне-ль, Галина, с твоей голытьбою,
На царя свою руку поднять?
Я..
Что раненый лебедь рванулась,
Нет помину о тихих речах,
Глубоко, глубоко загорелись
Угольки в темно-синих очах.
— Стой! Умолкни. Ни звука. Ни слова..
Ничего мне не надо.. уйди..
Я в тебе полюбила другого,
Отогрела змею на груди!
Ты — не сокол.. а я — не рабыня!
Все покончено..
— Галя, постой..
Под ногами челнок закачался
И исчез за кугою густой.

2

Эх, крепки вы, заморские вина,
От похмелья — тяжка голова...
— Знаю только — зовется Галина,
Да запомнил признанья слова..
Говорит.. про Свободу и Волю..
Погоди! Вот ужо, отыщу!
Коль добром не захочешь, так ведай
И за косы тебя притащу!
Научу я тебя покоряться!
Ишь-ты, воля.. донская волна!
Эй-вы, кто там! Не видите, что-ли:
У боярина нету вина!
Городки вам.. да рыбные ловли..
Х-ха! Спасайте-ка вы животы!
Для казачьей Свободы и Воли
Долгорукий сбивает плоты!

Ну скажите на милость, подумать:
Наше поле! С него не сойдем!
Врешь, голубчики. Вам ли тягаться
С государем великим Петром!
Перевешаем! Га! Колесуем!
Что-о? Какой есть такой Атаман?
Булавин? На дыбу! Четвертуем!
Га! Кому ты? Кто выпил? Кто пьян?

. . . .

Эх, боярин, боярин веселый,
Отчего ты лежишь под столом?
Почему свой кафтан длиннополый
Заливаешь заморским вином?
Аль всамделе девичие речи
Залегли на душе глубоко,
Аль тебе убивать беззащитных
И палить городки не легко?
Али женщины, дети, старухи,
Перебитые вашей рукой,
Кошмарами ночными приходят
И тревожат боярский покой?
Иль мерещаться, темным виденьем,
Сотни виселиц, стаи ворон,
И от крови героев казненных
Покрасневший, надувшийся Дон?
Аль боишься ты глянуть, боярин,
С наступленьем ночной темноты,
Как плывут по речушкам запольным
Долгорукова-князя плоты.
А на них, попущеньем Господним,
Тех, чья слава по свету прошла,
Колыхаются медленно, жутко,
Почерневшие, в ранах, тела!
Что орешь ты, напившись, боярин,
И бессвязные мелешь слова,
Тридцать два городка погорело
Кровью алой полита трава.
Что грозишься, шатаяся, пьяный,
Хмуришь ты соболиную бровь:
Восемь тысяч бойцов перебитых
Доказали к свободе любовь.
Булавин в курене затворился
Он — умрет за родные края,
Что, боярин, с любовью твоею,

Где, боярин, Галина твоя?
Ты ее меж пленных казачек
Безуспешно глазами искал
И боялся, чтоб князь Долгорукий
На потеху ее не отдал..
На потеху солдатам веселым!
Много нынче по Дону солдат,
На Дону — солдатня веселится,
Веселится, работая, кат!
Веселишься ты, пьяный боярин,
Промеж царских, несчетных гостей,
Напиваешься каждую ночку
Стольник царский — Орлов Алексей.

3

Нет! Галину они не поймали,
Нет, им в руки она не далась.
Вместе с батькой своим, атаманом,
В курене Войсковом заперлась.
В шароварах.. в чекмень темно-синий
Затянувши высокую грудь,
Шашкой острой себе прорубила
Меж низовых изменников путь.

. . . .

Эх, Казачество.. Волюшка-Воля!
Дон, отчизна родная моя!
Вы предателей много видали,
Он меж нами: — иуда — Илья!
Эх ты, Зерщиков, Зерщиков-Каин,
Дон навеки тебя проклянет,
Изменил ты Казачьему Делу,
В рабство продал Казачий Народ!
Эх, измена, змея водяная,
Из Москвы ты явилась давно,
Ты казачьи полки побеждала,
У стругов протаранила дно.
Нам дана — безграничная Воля,
Суждены — колесо да тюрьма!
Наших славных казачьих героев
Подло жалил предатель-тума.
Меж собой, казаки, соберитесь,
Поглядите друг-дружку в упор:
Он — не выдержит! Он — побледнеет,
Он опустит предательский взор!

Кат у нас никогда не работал,
Был судьею лишь Круг Войсковой,
Мы сажали изменников в воду
Завязавши мешок бичевой.
Казаки, меж собой соберитесь,
Гляньте друг вы на дружку в упор:
Вас измена послала в скитанья
И дала поражений позор!

4

Батя! Родный.. я заперла двери,
Завалила окно сундуком,
Батя, милый.. я стану у входа
С самопалом — турецким ружьем.
Ты прости свою дочку, батяня,,
Не серчай на меня сгоряча..
Каюсь горько — я крепко любила
Из Сумского полка москвича.
В прошлом годе в Азове он ранен,
Я ходила за ним, как могла,
Травы к ранам его прикладала,
Алексея от смерти спасла...
Полюбились мы крепко друг-другу
И до гроба в любви поклялись..
Стал он на ноги. Вскоре волненья
В солеварнях твоих начались.

Долгу ночку я с ним говорила,
Перейти в казаки позвала,
Да неправды могучая сила
Алексея с собой увела.
Приглашал он.. сулил мне хоромы,
Терем-клетку. Боярскую цепь..
Но в душе у меня победили
Кровь казачья, свобода и степь.
Войску я своему изменила,
Волю сердца свово продала..
Я врага казаков полюбила,
Гнев Господен на нас навлекла!
Боже, Боже, Ты праведен в небе
Дай же силы и твердости мне
Умереть за Казачую Правду
На двадцатой девичьей весне!

Замолчала..
Упала папаха..
Расплелась, распустилась коса,
На чекмень по щеке покатилась,
Серебром заблестевши, слеза...
— Галя, Галя.. напрасные речи,
Не карает Господь за любовь..
Ты, отдав неприятелю сердце,
Дашь за Правду девичую кровь..
Вижу, вижу — ты сильно любила
Так за что-же я буду серчать?
Вместе ляжем в сырую могилу,
Перед Богом пойдем отвечать!
Я пред Господом мирно предстану
И тебя приведу.. и без слов..
Покажу наши страшные раны,
Испрошу отпущенье грехов.
Он велик! И поняв наши боли,
Прегрешенья, — Всеблагий простит,
Всех творил он для счастья и воли,
Не для зла и войны и обид!
В том ли мы виноваты, Галина,
Что любили Родные Края?
Что, боряся за старую веру,
Умираем за други своя?
Мы — начало великого дела
И я знаю — придут времена
Воскрешению Дона послужат
Наши, Галя, с тобой имена!
Я спокоен. Простися со мною,
С палашом и турецким ружьем.
Не стреляй.. было крови довольно,
Не отбиться от сотен вдвоем!
. . . .
Вы прощайте, привольные степи,
Дон-Отец и мои казаки,
Я за Дом Богородицы-Девы
Вел к сраженьям лихие полки!
Я за Поле исконное наше,
За Присуд за Казачий повел,
Брат за брата, отец же за сына,
Друг за друга за мною пошел.
Зло на нас на Москве умышляют
И в эллинскую веру зовут,

И казнят без суда. Понапрасну
Городки беззащитные жгут!
Верен вам я, казненные други,
Вместе с вами и мне суждено
Стать в борьбе супротив супостатов,
Не страшась умереть за одно!
Все покончено.. Галя, голубка,
Занялся наш последний рассвет..

. . . .

Тускло блещет к виску прислоненный
В Атаманской руке пистолет...
Выстрел!
Гордо. Без жалоб и стона
Дух героя лампадой угас..
И окрасился кровью горячей
Шаровар темноалый лампас.
Батя!!
Грянули дружно удары,
Развалилися створки дверей,
Обернулася вихрем..
С порога
Истуканом глядел Алексей.
— Галя! Ты?
— Я! Должно и не думал
Здесь голубку свою повстречать?
Что, холопы? Глядите — умеют
И казачки за Дон умирать!
Боже правый, прими мою душу..
В ней безбрежная, злая печаль..
Распахнула чекмень.. Прямо в сердце
Жадно въелась турецкая сталь.
Ворвалася толпа..
И ногами
Била трупы. Потом из дверей,
Волокли. Прислонившися в угол
Как безумец глядел Алексей.

5

Ходит старец.. калика убогий..
Просит хлеба, да ночью приют,
И ему, за убитых, казачки,
Медяки, перекстясь, подают.

Босиком, целиной, без дороги,
По сугробам блуждает весь день
И зловещей, неведомой птицей
Степь сечет его черная тень.
Кто он? Чей? И пришел он откуда?
Взгляд безумца под снегом бровей. —
Жадно тянет дрожащие руки
Юродивый монах Алексей..

. . . .

Дон-кормилец. Отец мой родимый,
Ты ночами подолгу не спишь,
Ты о чем до зари с камышами
Тихо шепчешь? Про что говоришь?
Про былые-ль дела и походы,
Иль про храбрость убитых в бою,
Иль былины и сказки слагаешь
Про Галину — казачку твою?
Пой, широкий, гулливой волною
Уходя до глубоких морей,
Пой о славе убитых героев
Полюбивших просторы степей.
Ничего им не нужно, родимый,
Им хотелось свободно вздохнуть,
Им хотелося к травам похучим
С тихой лаской сыновней прильнуть.
И они — сотворенные Богом,
Веря в право свое на любовь,
Отдавали Казачьему Делу
Жизнь свою и горячую кровь.
Пой, Родимый..
И я — подпеваю,
Словом буду Свободе служить,
Наши деды за степь умирали —
Мы сумеем бороться и жить.

СТАНИЦА ТЕРНОВСКАЯ

. . . .

В темноте, в полночи,
Гляну на икону,
От лампады тихой
Светел строгий лик..
В темноте, в полночи,
По родному Дону,
В наболевшем сердце
Затаится крик!
Знаю — силы гаснут,
Не сдержусь от боли,
Не сдержу под горло
Подошедших слез.
От тоски великой
По ушедшей Воле,
От любви безмерной,
Что с собой унес.

. . . .

Я бы плакал.. плакал..
Стал бы на колени:
Казаки! Да где же
Наш кормилец-Дон?
Казаки — за нами
Предков наших тени
И в ушах не молкнет
Погребальный звон.
Али черствым сердцем
Прошлое забыли
И в уснувших душах
Шорох трав затих?
И под серым слоем
Иноземной пыли
Потускнела слава
Рыцарей степных?
Я бы сердце вырвал
Из болящей груди:
Не слыхать бы ночью
Зова ковылей.
Казаки! вы что-же
Нелюди иль люди,
Или вам в изгнаньи
Умереть милей?

Иль сыны свободы
В страхе покорятся
И заплачет горько
Сиротой Кубань?
И завянут травы,
Вербы похилятся
И затопчет лапоть
Войсковую грань?
Казаки.. неужли
Славный Терек бурный
Нам позором вечным
Суждено покрыть?
Казаки! Коль с нами
Войсковому Праву,
Вольному присуду
Никогда не быть:
Казаки, — папахи
И лампасы скиньте,
Распоров черкески,
Бросьте газыри..
Пусть в станицах будут
Мужики — хозявы.
Пусть царят над нами
Красные цари!
Пусть о нас, ничтожных,
Позабудут люди
И позор великий
Ляжет лишь на нас!
А о славе старой
Жить веками будет
В поколеньях новых
Пламенный рассказ.
В темноте, в полночи,
На икону гляну,
От лампады светел
Взгляд святых очей.
Слышишь, Бог! Нам надо
Стеньку в Атаманы
И Присуд казачий
По Стране Моей!

. . . .

Затужил я ноне
По Родному Краю.
И зашлася в сердце

Боль моей земли..
Нынче с новой верой
Снова заиграю, —
Помогни мне, Боже,
Добрый час пошли.

ГЛАВА 1

1

Провожали сынов на войну..
Поп молитвы читал на морозе
И катились из старческих глаз
Бриллиантом горевшие слезы..
— Бласловитя, папаня, в поход!
Взвыли бабы. — Ребята, глядите,
Замечений иль што-там — ни-ни!
И без лычек домой не ходите.
Посадились. Фланговый запел:
— Э-ой, поехал казак на чужбину..
Долго, долго он следом глядел,
Долго горбил усталую спину.
Оглянулся — ан все разошлись,
Стряпки вздули огни по загнеткам.
Месяц всплыл из-за старой вербы
И повис на поломанной ветке.

2

За три года великой войны
Многих, многих в церквах поминали;
Много слез и горячих молитв
Камышевые крыши слыхали.
И Гаврил и Петро на войне
Два красавца, два сокола ясных..
Дон-родимец, скольких сыновей
Ты пожертвовал жизни напрасно?
И Петро и Гаврил на войне
За Россию с врагом воевали..
Ток зарос на отцовском гумне
И хлеба на корню загнивали.

Две жальмерки, внученок Андрей,
Сам Назарыч. А пай — солонцовый..
Справил сёдла, одёжу, коней,
Девять сот задолжался целковых.

3

Вечерами под прялочный шум,
Над газетой склонившися с дедом
Без запинки Андрюшка читал
Про войну, про бои и победы.
Загорались у деда глаза, —
Времена вспоминались былые..
А у̌ баб за слезою слеза
Поливали клубки шерстяные.
А в сенях, на соломе, Кутьку,
Сны про молодость долгие снятся:
Будто он разгоняет котов
По верхушкам станичных акаций.
Высоко поднималась луна.
По станице огни потухали,
И оставя в кормушках овес
В стойлах сытые кони дремали.

4

И весной, выезжая в поля,
Поглядеть на озимые всходы,
Умилялся Назарыч красе
Полудикой Господней природы.
И волненья не в силах сдержать
На колени старик становился,
Двухперстовым сложеньем крестясь,
На Восток обернувшись, молился.
С просветленной молитвой душой
Ворочался Назарыч в станицу
И блестели в весенних лучах
Тавричанки омытые спицы.
Высоко, высоко в синеве
Облака пробегали гурьбою..
Боже! Сколько напрасных надежд
Ты убил в сотворенных Тобою!

ГЛАВА 2

1

Революция!!
Раб вековой,
Опьяненный победою легкой,
Почему ты на братьев своих
Повернул нарезную винтовку?
В полтораста милльонов голов,
Сотни лет отбивая поклоны,
Ты не понял, что счастье пришло
И тебе, и Кубани, и Дону!
И в потоках крови утопив
Все что к Воле рвалось из России,
Перед новым властителем ты
Преклонил бунтовавшую выю...
Жалок, Русь, твой ничтожный удел,
Как несчастье больного урода..
Ты оковы надела себе
Задушив в колыбели Свободу!

2

Воротились в станицу свою
Казаки.. И Петро и Гаврила.
Сколько пролилось радостных слез,
Сколько искренней радости было!
И забывши что старость в хвосте
Репяхами глубоко мостится,
От восторга носился Кутёк
По базам, по двору, по станице.
И едва повидавшись с отцом,
Убежавши от бабьяго крику,
У амбара Андрюшка глядел,
На седло, на винтовки, на пику.
А Назарыч и светел и горд:
Нынче старому радость и праздник!
Ведь Гаврила вернулся — бантист!
А Петро — кавалер и урядник!

3

Четверть водки поставил Петро.
И Гаврила. Да что его, толку?

Разщедрился Назарыч — ведро!
На, Андрюшка! Мотай в винополку!
И поднялся коромыслом дым:
Пили.. пели.. смеялись.. плясали..
И с бабёнками прячась в садах,
Пьяным сном на траве засыпали.
А на утро — «пошли по-сабе».
Шароварились.. гикали.. дрались..
Трое суток прошло во хмелю,
Двое суток потом отсыпались...
Ловко пили прадеды вино,
Да и внуки умеючи пили!
Много было нам Богом дано,
Много сами мы зря загубили!

4

Поприжухли станицы в тиши,
По церквам расползлися старушки
И протяжный казачий напев
Заменили пустые частушки.
По полянам туманы легли,
У коров молоко попропало!
А на небе — семь мертвых царей
Бабка Скрынчиха ночью видала.
В слободе объявился Совет..
Гром ударил у церкви в осину,
Дед Евсей, обратясь кобелем,
Выл ночами на старой плотине.
Не к добру! Придавила тоска.
Ветер в вётлах надрывисто стонет...
Говорят, что теперь казаков
Присягать под коммуну погонят!

ГЛАВА 3

1

Слободские станишный табун
В Рассыпном на попас не пустили..
За грудки с пастухами брались
А подпаскам — сопатки набили!
В слободу же, в Ольховку, пришел
При орудии полк коммунистов.

И надясь похвалялись они
Выжечь нашу станицу дочиста!
И Евграф Митрофанич, дьячек,
Весь избитый прибег из Ольховки:
— Забирают хохлов под гребло,
Раздают самогон и винтовки!
Говорят, что Казачья Земля
Под Россию теперь припадает!
Будто Бог-то декретом смещен,
Пятый год казакам поминают...

2

— Господа старики! Обсудить
Предлагаю станишному сходу..
Встал Петро:
— Что там! Будя! Давно
Мы жалали Рассеи слабоду!
Надо выбрать станишный совет
И в Ольховку послать делегата.
Вместе надо с народом иттить,
Супротив подыматься не надо!
— Это што за такой за народ?
Ишь наел фронтовицкую шею!
Нас хохлы перевесть норовят..
Сам ступай, коль охотка, в Рассею!
— И пойду!
И иди!
И пойду!
— Да не спорьтеся вы с фулиганом,
Обскажитя Назарычу, он
Отлатает сынка плетюганом!

3

Загалдели, затюкали:
— Га,
Кавалер, а шумишь о «слободе»...
Туча-тучей, узнав о Петре,
Появился Назарыч на сходе:
— Что, сынок? За Рассею? Совет?
Наглотался солдатской науки?
Господа — старики, не могу,

На свово — не подымутся руки!
Слышь, Петро — забирай барахло,
С глаз долой уходи.. за советы..
Да запомни, что в сердце моем
Больше сына — урядника — нету!
Осрамил ты меня — старика,
Обесчестил семью по станице..
Ну а где попадешься — держись,
Мне с винтовки стрелять — не учиться!

4

Поплотнее шинель запахнув,
Натянувши папаху на очи,
Из правления вышел Петро
И исчез в наступающей ночи.
. . . .
Старики до вторых петухов
Про доклад пастухов говорили.
В наступленье на утро итти
На Ольховку на сборе решили.
И Назарыч коня подседлал,
И Гаврила пошел убираться..
Над речушкой поднялся туман,
Начинало кубыть развидняться.
Затрубили поход. Казаки
На Восток широко закрестились..
Дон пошел на Голгофу свою,
Под копытами травы склонились.

ГЛАВА 4

1

В слободе поднялась метушня —
Казаки по бутру наступают!
И Грыцько, и Хома, и Тарас,
Трехдюймовку, спеша, заряжают.
Наблюдатель, Юхим, у трубы,
Взлез на почту высоко на крышу,
Да беда что Тарас глуховат
И не дюже Юхима расслышал.
И потом уж Хома рассказал:

— Пидкрутыв панораму я мало!
Потягнув, а вона як дала,
Та як раз же-ж в Юхима попала.
Загорилася почта. Бида!
Козаки по бугру застрилялы,
Я — тикать! Правый чобит сгубив,
Став шукать, а мэне й впиймалы!.

2

Пять подвод полушубков одних
Казаки по жнивью насбирали,
Взяли пленными роту ваньков,
Комиссара в кустах зарубали.
Разогнали Ольховский совет,
Спирт нашли и немедля распили,
И, попа в половне отыскав,
О победе обедню служили.
В паутине, пыли и муке,
Под амбаром скрывавшийся пристав
Отряхнулся, напился чайку,
Арестовывать стал коммунистов.
Началось..
Через несколько дней
Казаки отступили в станицу,
И решили окопы копать
По бугру — по казачьей границе.

3

И дивизии с Волги пошли,
Разгружались в Поворино роты,
Офицеры российских полков
Командирами красной пехоты.
О свободе оравший вчера,
Козырять переставший погону,
Поклонившися новым панам
Двинул ванька к притихшему Дону.
Калужанин, москвич и пензяк, —
Поднялася «святая Россия»
Повалила галдящей толпой
На богатые нивы донские.
И Брусилов, сидевший в Москве,
И Деникин — приемыш Кубани, —

Вместе с карты воскресших степей
Вытравляли старинные грани.

4

Генералы сбежались «на юг»,
По России утерянной ныли
И в незнаньи своем казаки
Палачей у себя откормили.
Благодарностью русской полны,
Старшине обещая награды,
Обманули они казаков,
Круг предали и продали Раду.
Злых деяний неслыханный счет
Завершая в крови и глумленьи
Богоносный российский народ
Под частушки вершил преступленья.
И страдалица — вольная степь
От налета наносного хлама
Захлебнулась в казачьей крови
Под штыками российского хама.

ГЛАВА 5

1

Хорошо на копне зоревать,
Звуки ночи и нежны и тонки...
Да уж больно любитель брехать
Подхорунжий Евтихий Турченков.
Головни попраляя рукой,
Звезд падучих следя перелеты,
Говорит: — «Выяжжаить Брунштейн
Перед строем латышской пехоты.
И шумит: — господа казаки,
По домам, не пужайтесь, яжжайте,
Ну свяжите Турченкова, мне,
В трибунал под коммуну отдайтя!
Между прочим своротим яму
Мы за контрривалюцию вязы,
Потому — он ведеть саботаж
Под рабоче-трудящую классу!

2

Не стерпел я, рябяты, в строю,
К командиру свому подъяжжаю:
Так и так, господин есаул,
Я Брунштейну ответить жалаю!
«Отвечай, говорит, «не боись».
На стремянах чудок я поднялси,
Глядь — а Троцкий прижалси к своим,
Увидал — подхорунжий — спужалси!
Я шумлю — господа латыши,
По домам, не пылите, ступайтя,
Ну свяжите вы Троцкого. Мне,
Под мою под трибуну отдайтя!
Потому как он — антисямит,
Вместо Бога у них — Мирсильеза!
А не то — порублю ни на нет
И до ветру ни разу не слезу.

3

Видит Троцкий что миру не быть,
Закричал, замахал, заматилси,
— Гей, в аттаку, рябяты, ур-ра!
Зашумел есаул и окстилси!
Как зачали мы бить латышей,
Что порубим, что вытопчут кони...
Заскакал я — а Троцкий бегит,
С им две девки сидять в фаитони.
Надавил я за ним на коне —
Конь — змяя! Призовик Королькова!
Зачинаю рубить — что за грех?
По грядушке рублю — и готово!
Вынимаю тогда ривольвер,
Смит-Вильсон. И стрялять зачинаю,
Я, по Войску первейший стрялок,
Бью в упор, а в няво не сгадаю!

4

Как он, братцы мои, заюжить,
Да как плюнить коню под копыта..
Луп глазами — я в балке стою
И стряляю в пустуя корыто!
Кабы он мне глаза не отвел,

Да каб я догадалси окститься,
То пришлось бы ис жизней яму
От мово риводьвера протиться!
Огляделся Турченков кругом: —
Есть не верють.. такие бывають..
Все ученые.. все молодежь..
А как взяться за шашку — не знають!
. . . .
Забелел недалекий рассвет.
— Эй, Назарыч, никак твой Гаврила.
Ворочается трое назад,
А в дозор только двое ходило!

ГЛАВА 6

1

Недоуздками глухо звеня
Кони сено жевали у фуры
И Назарыч Петра угадал
По походке, по стройной фигуре.
Подошли.. в полыхавшем огне
Хворостины сырые шипели
И Гаврилю с молчавшим Петром
У костра, пожимаясь, присели.
И чеканя в предутренней мгле
Потемневшие, хмурые лица,
Пламя яркие искры зажгло
У Назарыча в темных зеницах.
— Што? Пымалси, вояка лихой?
Много-ль ванек собрал по России?
Много-ль с вами разбойников прет
На богатые пашни донские?

2

Поборовши волненье, Петро
Поднял тихо глаза голубые:
— Сам пришол я, когда услыхал,
Что стоят против нас Терновские.
За кого вы ведете войну?
Вам царей да помещиков надо!
Это вы растранжирили все
За бирюльки, чины да награды.

Обласкает Деникин старшин
В благодарность за ваши страданья.
А от дедовской воли у вас
От нее не останется званья!
Наказного пришлют из Москвы,
Фон-барона, Тамбовской станицы..
Что-ж, целуйте баронский сапог —
Ваша служба ему пригодится!

3

Побледневший Назарыч молчал,
Просыпая табак из кисета.
Осторожно, дрожащей рукой,
Козью ножку крутил из газеты.
— Та-ак, Петруха, чего говорить,
Вас брехать на собак научили..
Ну а вы-то от ваших ваньков
Что в награду себе получили?
— Мы получим! Миронов сказал:
В Совнаркоме когда заседали,
То республику вольную нам
Казакам на Дону обещали!
Заживем, как живали деды,
Без Москвы, без панов, без указки..
И из кровных своих казаков
Атамана посадим в Черкасске.

4

Помолчали.. Гаврила глядел,
Улыбаяся горько, на брата:
— Эх, Петро! Коли правду сказать,
Нам ни наших, ни ваших — не надо!
И Деникин и Троцкий — одно!
Мы России нужны как солдаты.
И Краснов, и Деникин, и фон,
И барон, все они — обманаты!
Атаманы в холопы ушли
А Миронов — товарищам верит..
Помни — нашей, казачьей рукой
Волю нашу Россия похерит.
За одно надо нам воевать:
За Казачий Присуд по станицам.
Всех повыместь поганой метлой,
Да посеять терны по границам!

ГЛАВА 7

1

Боже Правый, все в руце Твоей, —
И свобода, и жизни людские,
И несчастье отчизны моей,
И кровавые зори донские.
Боже правый, я беден и сир,
Но душою скорбящей убого
Я молюсь — пощади, пожалей,
Бурьяны поросли по дорогам!
Боже Правый! Пустые шляхи,
Городки, курени — погорели!
На могилах — упали кресты,
Над убитыми — плачут мятели.
Боже.. Боже.. нет силы молчать..
Сердце слышит далекие стоны..
Нет, не верю я в правду Твою,
Мне Твои — не понятны законы!

2

Проводили обратно Петра.
Хмуро было в душе у Гаврилы
И Назарыча, дрогнув, рука
Уходившего сына окстила.
Пораздвинув кугу и камыш
И Гаврил и Назарыч глядели
Как мироновцы, встретив Петра,
На коней растреноженных сели.
И в ладонях запрятав лицо,
Приваляся к одоньям спиною,
Долго, долго Назарыч молчал
Захлебнувшись горячей слезою.
Скрылось солнце в задонскую синь,
Потемнели безбрежные дали;
Наклоняся к воде, камыши,
Перед сном, шелестя, зашептали..

3

Казаки! Вы не знали за что
Жгут враги хутора и станицы..
Смутно чувствуя правду, донцы

Не пошли за казачьи границы.
Помутились сердца и умы,
Заблудились в осважном тумане..
И Кулабухов, Воли пророк,
Смерть приял за Кубань от Кубани!
Казаки! Видно злая судьба
Атаманов лихих перебила.
Казаки! Вы своею рукой
Им копали сырые могилы.
Кто виновен, что крепче всего
Вы чужие погоны любили?
Кто виновен, что Волю свою
Вы сознательно сами убили?

4

Кто виновен, что в пьяном чаду
Мы махаем красивые речи?
Но пред каждым корнетом во фронт
Стать готовы при первой же встрече?
Кто виновен, что смерти в глаза
Мы не раз, не моргнувши, глядели,
Но сказать о желаньях своих
И о праве своем — не посмели!
. . . .
Все проходит. И наши часы
Сокращаются с каждым мгновеньем.
Миллионы казачьих могил
Предадутся потомством забвенью.
Все проходит. Но — праведен Бог
И я верю, что наши деянья
Не закроют позором своим
Старой славы святое сиянье.

ГЛАВА 8

1

Мягко ночь опустилась в луга,
Отгорели багрово зарницы
И последний казачий разъезд
Отступил ввечеру из станицы.
Тихо-тихо. Ни стонов ни слез
Не слыхать в куренях опустелых,

Ветер, прячась пугливо в садах,
Пробежал меж кустов оробелых.
Сбились вётлы у самой воды,
Смолк давно за околицей топот
И чуть слышно в сухом камыше
Прошуршал неразборчивый шопот.

. . . .

А на утро наверно придут,
Будут рыскать по целой станице,
Будут в небо, и в Бога, и в мать,
В душу — радостно будут матится!

2

Разгуляется русская ширь,
Осквернит алтари и иконы,
От насилий, пожаров, крови,
Русским духом запахнет по Дону.
Ночью, мнится, казачьи дворы —
Ряд гробов у могилы разрытой..
Мнится — выплакав слезы свои
Пала Воля над Славой убитой.

. . . .

В курене, на краю, у прудов, —
Разговор заглушенный, негромкий.
Звонко шопот звенит в темноте,
Говорит подхорунжий Турченков.
Лишь цыгарка порой озарит
Загорелые, темные лица,
Да вздохнет в неизбывной тоске
Вольный ветер в пустынной станице.

3

— Мне то что? Я на свете один.
Как пенек на непаханном поле.
Надоело мне, братцы мои,
Жить без роду и племя и доли.
Я бабенку одну полюбил..
Беспременно хотел обвенчаться..
Между прочим, однако, узнал..
И — закаялся больше влюбляться!
Что касаемо красных — нехай
Кто охочий — идет отступает.
Я останусь в станице моей,

Чай найдется — кто в земь закопает...
Затянулись.
Назарыч вздохнул:
— Слава батюшке — тихому Дону,
Ну а мне, от свово куреня,
Уходить — нет такого резону.

4

Баб с Андрюшкой забрал Атаман.
Может выйдет Андрюшка-то в люди..
Он и мне и отцу обещал:
В заграницах про нас не забудет.
Правду я говорю али нет?
Вздрогнул молча куривший Гаврила:
— Так, папаня! Их Бог сбережет
И пошлет и терпенья и силы.
Чем скитаться нам в людях чужих,
Под насмешку, под взгляд сожаленья,
Напоследок схватиться с врагом
И не знать о позоре плененья.
Мы — зарыли таланы свои,
Мы служили, просили и — пели..
Так умрем же за волю свою,
Коли жить для нее не умели!

ГЛАВА 9

1

Утро ранние искры зажгло,
Полетели лучи золотые,
Озарили сады у прудов,
Курени обожгли терновские.

. . . .

Далеко, далеко, по бугру,
Замаячили красных дозоры
И Турченков, Назарыч, Гаврил
Осмотрели, проверив, затворы.
У канавы, за жидким плетнем,
Залегли помолившися Богу..

Ближе.. ближе.. Две роты идет
Целиной, напрямик, без дороги.
— Эй, Назарыч, гляди — не подгадь!
У Гаврилы ладони горели:
— Слышь, Турченков, сычас садану!
Замотался ванёк на прицеле!

2

Грянул залп, раскатился второй,
Хороши вы, московские цели!
На примятой, росистой траве
Пятна крови, дымясь, заалели.

. . . .

До полдня продержались донцы.
В полдень, охнув, Назарыч забился
И раскинувши руки, хрипя,
У канавы ничком повалился.

. . . .

Закусивши до крови губу
Расстрелял все патроны Гаврила
И горячая пуля ему
У виска бескозырку пробила.

. . . .

И Турченков без промаху бил.
Хладнокровно, по выбору, ловко,
Оставался последний патрон
Замолчала казачья винтовка...

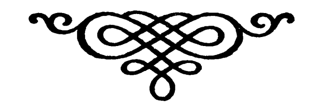
3

А под вечер Петро прискакал:
Повидаться с родными бы надо!
Входит — пусто! Разбитый курень!
Пулей сбитая, пала лампада.
Никого..
Выбегает на двор,
Звук шагов разбивается тупо..
За базами наткнулся Петро
В темноте на застывшие трупы.
Сердце дрогнуло.. может ли быть?
В горле камнем рыдание стало..
Солнце утренним первым лучом
На Петровых кудрях заиграло.
Всю-то ночь просидел напролет,

Ни заплакать не мог, ни молиться..
Встал на утро.. что пьяный пошел,
Повстречал комиссара станицы.
—Что, товарищ, своих — увидал?
Шашка, взмывши, змеей засверкала..
Тяжело в бархатистую пыль
Комиссарское тело упало.
И в налившихся кровью глазах
Загорелись безумья зарницы..
Хорошо, заскочивши во двор,
С ошалевшей пехотой рубиться!
И подняли его на штыки,
Только шашка к руке прикипела..
Закопали в казачьей земле
Все четыре исколотых тела.
Измывались над трупами всласть
Сапогами, прикладами били..
Восемнадцать побитых ваньков
С комиссаром отдельно зарыли.

ГЛАВА 10

Все кажись..
Да, в двадцатом году
Загорелася ночью станица..
Вся сгорела..
Теперь там — колхоз.
Мужики начинают селиться.

СТЕПАН

Осенью ненастной листья опадают,
Осенью холодной дует ветер в щели,
Раннею зарею лужи замерзают,
Хлещет дождь со снегом в мрачные ущелья
И промозглый низко стелется туман.
. . . .
Осенью, в Требинье, умирал Степан..

1

Я тропинкой горной меж камней шагаю,
Вечером дождливым навещу его..
— Доброго здоровья!
— Здравия желаю!
— Как дела, Егорыч?
— Что-уж.. ничего..
И порозовеют дрогнувшие губы,
А огонь в зеницах светит и горит;
Комкая подушку под ладонью грубой
Голосом спокойным тихо говорит.
Говорит без злобы, без тоски и боли,
Будто вспоминает о чужой беде: —
— О себе, Сергеич, рассказать мне, что-ли..
Коль надумал нонче.. дольше посидеть?
— Посижу, Егорыч!
— Посиди, коль можешь..
Да, воспоминанья хороводом темным
Душу мне волнуют, мучат и тревожат..
Тяжело, родимый, помирать бездомным.

2

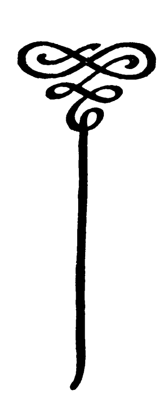
Мой курень в станице — первый жестью крытый,
На голландке черной — золотые львы..
Скот — до зорьки убран, вычищенный, сытый,
Полные амбары, полные хлевы.
Жинка на обзорьи рано уберется,
Сын, пополдневавши, едет борновать..
Пристяжные змеи. В корень — иноходца!
Тройкой выезжали.. Гикну: — не подгадь!
Загудит тачанка луговой дорогой —
Полыхнет у става уток и гусей...

Для людского счастья много есть у Бога
Мягким бабьим летом золотистых дней..
. . . .
Пала паутина ковылем созревшим,
В воздухе прохладном — ни пылинки нет;
Только гикнешь лихо, повстречавшись с пешим,
На траве росистой оставляя след.
Насыпал амбары.. сберегал копейку..
А в груди могучей сердце — что кремень!
Эх, казачья доля, доля-лиходейка, —
Туча грозовая в непогожий день.
Разве мог подумать, тарахтя по степи,
Что совиным лётом горе налетит,
Что безмерной злобой дьявол всех ослепит
И хлеба сомнутся сотнями копыт?
В грязь падут колосья под лаптём без стона
И что дрогнут братья с берегов Хопра,
Что сойдем бессильно пред врагами с Дона
И сгорят, что свечи, наши хутора?

3

В жизни моей нету подвигов и славы, —
Я ведь неприметно на войне седел..
Сын — не воротился из победной лавы,
А курень, под Пасху, от гранат сгорел.
А жену в подводы красные угнали..
Говорил станишник, что ее нашли:
С выселок казачки Настю угадали, —
Труп был голым брошен на шляху, в пыли..
Я, конешно, что-же, — подкреплялся водкой,
Да и здесь работал из последних сил..
За долготерпенье Бог послал — чахотку!
Ну и Врангель тоже — раной наградил..
Рана поболела, а потом открылась,
Похудел что щепка, ест туберкулез..
Ты прости, Сергеич, може уморился?
Може надоело? Так спаси Христос
За твое вниманье.. я ведь больше — к слову..
Ну а на судьбишку я не жалюсь, нет,
Знаешь сам, наверно, каждого больного
Перед смертью тихий посещает свет..
Вот и мне хотелось рассказать немного
О моих тоскливо пролетевших днях,

Да перед отправкой в дальнюю дорогу
Стремянную выпить, что-ль, на последях!
Так-то вот, Сергеич. На душе-то — пусто!
Может быть и ты мне что ни то сказал?
Выпей-ка — настойка! Закуси — капуста . .
Я хватил настойки, закусил капустой
И Степану долго молча руку жал.
. . . .
Вышел . .
Дует ветер . . дует прямо в очи,
На воде иголки мастерит мороз,
Ох, темны в изгнаньи пасмурные ночи
От рассказа-ль, ветра-ль — полны очи слез.

ГОРОДОК ВЕТЮТНЕВ

Пролог

По над Доном — вьюга,
По над Доном — тучи,
По над Доном — звезды,
По над Доном — ночь..
Воля?
　　　— Воля в прошлом!
Слава?
　　　— Меркнет слава!
Казаку над Доном
Стало жить невмочь.
Курени забиты,
Заросли левады,
Поперек дороги
Повилики цвет..
Степь легла без края
Силой непочатой,
Да бойцов за Правду
Меж живыми — нет.
. . . .
Ночью, меж курганов,
Под совиный шорох,
И мышей летучих
Под нечистый взлет,
Голос..
　　　чей-то голос..
Плачет одиноко,
Жалится и стонет,
Под землей поет.

Песня неизвестного

Слава Богу!
Степи слава!
Слава Вольной Воле,
Слава всем, кто пал сраженным
За Казачью Долю.
Звезды блещут,
Звезды меркнут,
Падают и гаснут,

Проплывает величаво
Небом месяц ясный.
Дни проходят, тонут годы,
Сотен лет нестанет,
Но Казачьего Народа
Слава не увянет.
В жизни нашей болей много,
Правда — только слово!
Все же есть одна дорога
Счастия людского:
Позабыв о личном горе
В мир уйти чудесный,
Утонуть в безбрежном море
Одинокой песни..
И вложив в слова и звуки
Веру в Божью силу,
С верой этой жизнь оставя
Тихо лечь в могилу.
Слава Богу, Воле — слава!
В жизни мало надо:
Лишь что-б вера не угасла
Как огонь лампады.
Лишь она, своим сияньем,
В просьбах наших дышит
И тогда Господь молитвы
Благостно услышит.
Богу — слава! Степи — слава!
Вечен веры пламень..
Ключ дробит скалы громаду,
Капля — точит камень.
. . . .
Тихо стало, тихо,
Только вздох тяжелый,
Только плач сокрытый
Грудь на части рвет..
Кто о прошлом вспомнит?
Кто пути укажет?
Кто на грани наши
Стражу приведет?
. . . .
Притаились звери,
Не шелохнут травы,
Смолк зовущий голос,
Тайну в земь унес..

Солнце загорелось
Отблеском кровавым,
Зажигая слезы
За ночь павших рос.
. . . .

ГЛАВА 1

Городок Ветютнев
Обнесен валами,
На надолбах крепких
Стража — ночь и день
И наряд чугунный,
Скрытый за плетнями,
С угловых раскатов
В речку кинул тень.
Из ворот дубовых,
Шлях побег широкий.
Через ерик — мостик,
Через балку — гать.
Замелькал Задоньем,
Музги огиная
И конца и края
Шляху — не видать.
День осенний лугом
Паутину стелет
И горит на солнце
Травка — мурава.
Городок убрался,
Напоил скотину,
Нонче день великий:
Праздник Покрова.
В церковке старинной
Старый поп казачий
Шашку отпоясав,
И прибрав пистоль.
Шлет с молитвой Небу,
С верою горячей,
В песнопеньях древлих
Вековую боль.
Загляделось солнце
В окна слюдяные,
Прибрели старушки,

Свечки позажгли.
Казачата, бабы,
Девки и подростки,
Старики седые
И бойцы пришли.
Подошла корова
Бабки — Черкасихи
И глядят наивно
Добрые глаза
На огни лампадок,
На святые лики,
Полушалки, шашки,
Свечи, образа.

ГЛАВА 2

Городок Ветютнев
Сумрак покрывает,
По садам-ливадам
Слышен разговор.
Нонче Дон крещеный
Празднует-гуляет,
Запевает, пляшет,
Затевает спор.
Вспомнили: — Корнило
Посылал погоню
И намётом сотня
Тридни гоном шла.
Утряслись ребята,
Поморились кони,
Но стругов Степана
Сотня не нашла.
Вспомнили: — Унковский
Посылал летучку,
Да какой царю-то
От летучки прок!
Войско, вишь, Степану
Не чинило лиха
И занял он, Стенька,
Паншин городок.
В Астрахань писали,
В Черный Яр послали,
Меж собой бояре

Всполошились тож.
Надо, чтоб лазутчик
В Паншине понюхал,
Реки ить разлились,
Пеши — не пройдешь.
Грамоту Унковский
Написал Степану
И тое писанье
Посылал с попом.
Ну а толку — мало:
Не пустили батю
И остался попик
Вовсе непричем.
Казаки-ж обычай
Соблюдая тайный,
День и ночь к Степану
Так и прут гужом.
Что стрельцы? Не шатки-ль?
Рвы — полны-ль водою?
Ох, дойдет до боя
С вором — казаком.

ГЛАВА 3

Городок Ветютнев
Были поминая,
Добрым словом вспомнил,
Нет, не позабыл:
В городке когда-то
Развеселый малый,
Филька по прозванью,
Возле церкви жил.
И того-то Фильку
Разинцы сманули
И ушел он, Филька,
Опустел курень.
Лютовали зимы,
Улыбались вёсны,
Завалилась крыша
И осел плетень.
А-ть, бывало, звонко
Задишкантит Филька,

А-ть, бывало, вдарит
Филька казачка!
Молодежь сбежится,
Старики сойдутся
И пойдет гулянка
Да на три денька.
Эх ты, Филька, Филька..
Где сложил ты кости..
Где душа казачья
Обрела покой?
Старики умолкли,
Завздыхали бабы
И из тьмы в беседу
Дед вошел седой.
Нонче у обедни
Все как есть видали:
В церкви появился
Неизвестный дед.
Стал под правый крылос,
Кланялся, крестился,
После херувимской
Гля — а деда нет!
Бабка-Черкасиха
С вечера слыхала
С филькиной левады
Будто плачь, аль стон.
Бабка-Черкасиха
Мелко закрестилась:
— Это дух нячистый..
Беспременно он!

ГЛАВА 4

Дед вошел в беседу,
Папашенку скинул,
По лицу в морщинах
Проведя рукой.
Дернул поясишко,
Оглядел сидевших
И блеснули очи
Старческой слезой.
«Поглядите, братцы,
Може кто признает..
Вы-ж сычас про Фильку

Разговор вели..
Аль уж нет межь вами
Кто-б меня упомнил?
Аль уж односумы
Все перемерли?»
Встал Федот Егорыч
Подошел поближе:
— «Ну-ка стань, прохожий,
Да под лунный свет..
Господи — Исусе..
Он, никак, ребята!
Говори-же, штоля,
Ты Филипп, ай нет?»
Зашептали губы:
— «Я, Федот Егорыч..
Я, мои родицы,
Возвернулся к вам..
Много троп-дорожек
Истоптали ноги,
Потянуло сердце
К родным куреням!»
Замолчал. Со вздохом
Оглядел сидевших,
А по щекам — слезы
Наперегонки!
И смутились души
От тоски великой
И сердца открыли
Фильке казаки.
Сам Федот Егорыч
Ввел в курень Филиппа,
Враз столешник чистый
Стол резной накрыл.
Поклонился в пояс,
Гостя дорогого
Он в передний угол
С честью усадил.

ГЛАВА 5

Нанесли казачки
Жареной дичины.
Перед гостем целый
Дикий лег кабан.

Брагу, мед вишневый,
Фряжское в яндовах
И вино иное
Из заморских стран.
Долго, молча, ели,
Долго, молча, пили.
А когда не стало
Крошки на столе,
Энти, что постарше,
Трубки раскурили,
Те-же, что помладше,
Сели на земле.
Будто на поминках,
Без веселой шутки,
И без речи громкой
Кончили хлеб-соль.
Тень Степана встала,
Городок покрыла
И в казачьих душах
Пробудила боль.

Вспомнили: — приехал
Из Москвы боярин
И погиб от яда
Разя Тимофей.
Тот боярин Киврин
Розыск вел потайный
Соляного бунта
Воровских людей.
Вспомнили: — Корнило
С Зимовой Станицей
На Москву Степана
В тот же год послал.
И его, Степана,
Знать обманным делом
Киврин со стрельцами
На Москве имал.
В пытошную башню
Привели Степана.
Там дьяки строчили,
Завершив допрос:
— «Вор Ивашка Разин
В пытке был упорен,
Накрепко был пытан,
Пытки той — не снес!»

ГЛАВА 6

Труп Ивана с башни
Божедомам брошен.
Живучи черкасы,
Да остёр кончар!
Помер сокол вольный..
На Фроловой башне
Часомерье било
Полнощный удар.
И Степан поклялся
Пред Ивана трупом,
За отца, за брата,
За хрещеный люд,
За донскую волю,
Да за Правду Божью
На Москве поставить
Вольный свой присуд.
Вспомнили: — Степану
В кольца руки вдели
И палач Степана
На дыбу поднял..
«Атаман казачьей
Зимовой Станицы
В пытошную иман..»
Сам Квашнин узнал.
И указом царским
Киврину свелели
Передать Степана
В Полтева приказ.
Темной ночкой зимней
Разин был отпущен
И прошел заставы
В предрассветный час.

ГЛАВА 7

Вспомнили: — турецкий
Кумфаренный город
Каланчами с Дона
В море путь закрыл..
Воротившись, Разин,

Крестному не веря,
От исцов московских
К Паншину уплыл.
Зипуна для бедных,
Ясыря для сирых,
Дону — вольной-воли
Снова раздобыть.
Гром прогрянул степью
Молонья упала!
Иль с Корнилой — в рабство
Или — вольным жить!
И Волоцков Мишка,
Себряков Ивашка,
Голытьбу сзывали,
Чтоб к Степану шли.
Зашумели волны,
Загудели ветры,
Иловлей на Волгу
Разинцы гребли.
И оставил Филька
Городок Ветютнев,
И ушел он, Филька,
В уторопп бежал.
И его за шутки,
За лихие пляски
Радостно на струге
Атаман принял.

. . . .

А теперь вот — старость..
Да лихие раны,
Да курень разбитый,
Да заросший двор..
Вместо славы громкой
Имя Атамана
Лают и поносят:
Он-де, Стенька — вор!
Тот, кто вольной-воле
Кровь отдал по капле,
Кто, далёко глядя,
Чаял лучших дней..
Тот — погиб на плахе,
Преданный своими,
Потерявши сердце,
Разгадав людей.

ГЛАВА 8

Встал Федот Егорыч,
Трубку о-земь выбил:
— Выйдем, штоля, братцы,
Посидеть на баз..
Весь в курень-то ноне
Городок не станет..
И держу надею
Долог будет сказ!
Вышли.
— Что-ж, родимец,
Расскажи по ряду,
Все по правде Божьей
Не таи, не крой.
Как оно случилось,
Что погиб наш сокол,
Заплатив за Волю
Буйной головой?

. . . .

Светит месяц ясный
На сады-ливады,
Городок Ветютнев
Серебром залит.
Казаки расселись,
Стал Филипп средь круга,
Голосом окрепшим
Тихо говорит.
Что проклятье мертвых,
Иль удары стали,
Что глагол пророка
Иль далекий зов,
Льется речь Филиппа,
Правду воскрешая
И мятутся души
От Филиппа слов.
Речь об Атаманах,
Есаулах смелых,
О любви великой,
О лихих делах,
Вызывает горечь
Поздних покаяний,
Разжигает искры
В дремлющих сердцах.

Только поздно, поздно,
Нет давно Степана,
Есаулы мертвы,
Нет великих сил..
И степные ветры,
Славя Атамана,
Прах забвенья сыпят
На холмы могил.

Рассказ Фильки

ГЛАВА 9

Да.. уходят годы..
Молодняк поднялся.
А дубы столетни
Повалил топор..
О Степане сказки
И былины скажут..
Крепнет Филькин голос
И сияет взор.
Иловлей мы вышли
На Переволоку,
Нас Камышин-город
Ночью не слыхал.
Днем — в талах скрывались,
В балках кашу ели,
Атаман на струге
Переночевал.
Утром, видим, Волгой,
Караван подходит.
Впереди купецких
Патриарший струг.
Эх и навалились..
Ну и дали жару!
И дуван делили,
Принеся на Круг.
Погребли по Волге,
Миновав Царицын,
Кузню лишь забрали,
Взявши ковалей,
Довели нам хлопцы,
Что старик Унковский

С воеводшей трясся
В страхе пять ночей.
Черный Яр остался
Позади далёко,
Челноки по стрежню
Половодья шли.
Мы — точили шашки,
Меряли кафтаны,
Бехтерцы меняли,
Зелья натолкли.
Ясно было небо,
Зеленели дали,
И пичуги пели
В заливных лугах.
А ночами, звезды,
Глядя, не мигали,
На бойцов зипунных,
На костры в челнах.

ГЛАВА 10

Слышим — Беклемишев,
Воевода царский,
С Астрахани послан
Против нас царем.
Мы в проток Митюшки
На челнах сокрылись,
За кугой высокой,
По-за камышем.
Поровнялись струги
С нашею протокой..
— «Ляжь на весла, братцы!
Фальконеты здынь!»
Вдарили пищали,
Маханули весла,
Протозаны блещут..
— «Гей, на взлет, сарынь!»
Черноярец Ванька,
Себряков Ивашка,
Жидовин Лазунка,
Первым — Атаман!
Меж стрельцов врубились,

Засверкали сабли,
Заюжели стрелы,
Засвистел чекан.
Бой стрельцы приняли,
Да не долго бились.
В голубых кафтанах
Лопухин приказ
Зашумели зыком:
— Не стрели, робяты.
Встрелись — Богу слава!
Мы-ть, таперь — за вас!
Кузьмина приказа
Хлопцы не робели,
Воеводе стали
Рученьки крутить..
Струг же воеводы
На луду нагнали,
Выкатили бочки,
И зачали пить.
Воеводу плетью
Разуму учили,
В Астрахань пустили
С выбитой рукой..
Всю-то ночь гуляли,
Со стрельцами пили
И поплыли дале
Раннею зарей.

ГЛАВА 11

Под Петра и Павла
Подошли к Яику,
Нам Сукнин ворота
Ночью отворил.
С боя башни взяли,
Яцыну-ж Ивану
Атаман на плахе
Голову срубил.
С Астрахани Болтин
Поспешал Василей,
Мы-ж Хвалынским морем
На Восток ушли..
Из Гиляни хана

В море повстречали
И его разбили
Бусы-корабли.
Кизилбашски струги
Кошками ловили,
Волокли цепями,
Становя впритын.
Хана зарубали,
Ясыря набрали,
С ясырем попался
Хана храбрый сын..
Только Черноярца
Больше не видали..
Волоцкова тоже
Кизилбаш срубил.
К Персии поплыли..
Атаман на струге,
Поминал убитых,
Мед яндовой пил.
Говорил мне — Филька,
Ясырю — без счета,
Зипуном-добычей
Каждый струг набит..
Черноярца-ж — нету..
Волоцков — зарублен..
И за ними сердце
От тоски горит!
И глаза светились
У него огнями,
И, что днём, что ночью
Был он сам не свой...
Эх, не дело столько
Соколу степному
О бойцах погибших
Жалобить душой!

ГЛАВА 12

Шли мы к Испагани
И Дерьбень зорили.
Бека Абдуллаха
Там Петро срубил.
Город запалили,

А Петро Макеев
Бекову то дочку
На ясырь отбил.
И тоё бабёнку, —
Звать Зенайб по-персски —
Атаману в память
О себе отдал.

Атаман же жонку
С первого погляду
Полюбил, ребятки,
Только увидал.

Атаман Петруху
С Ванькой Себряковым
Посылал послами
К шаху-персюку.

Чтобы тот дозволил
В Персии селиться,
В подданство бы принял
На Куру-реку.

Да беда стряслася:
Обнесли Петруху —
Довели до шаха
Кто Дербень зорил.

И Петра гепарды
В клочья изорвали,
Себрякова-ж Ваньку
Там палач срубил.

А на смерть посланцев
Атаман ответил:
Сжег, пустил по ветру
Город Фарабат.

Рудаков Григорий
В Фарабате сгинул,
Знать судьба сердяге
Не притти в обрат.

Ряш зорили город,
Лег Кривой Сережка,
И бойцов хороших
Сот до четырех . .

Атаман казнился,
Не смыкая очи
Горевал по битым,
От тоски иссох.

ГЛАВА 13

Потеряли силу
В Персии проклятой,
И в обрат поплыли
На своих стругах.
К Астрахани вышли,
Бурдюги копали,
Ставили палатки
В Жареных Буграх.
Там, разбив Царицын,
К Атаману в гости
С тысячью людишек
Васька Ус приплыл.
Он Зейнаб увидел,
Заиграло сердце,
Персиянку Васька
Крепко полюбил.
Васька — к Атаману.
Бьет челом и просит:
— Полюбилась девка,
Дай ее в посул!
Атаман же девку
Ваське, братцы, не дал,
Затаил обиду
Васька — есаул.
Раз.. под вечер было..
Паузок убрали,
Дудошники сели,
Волгой погребли,
Зазвенели бубны,
Грохнули набаты,
Засвистели дудки,
Домры загули.
Атаман поднялся,
Улыбнулся: — Филька!
Нука-сь, дай-ка, родный..
Эх — повесели!
Я прошелся дробью,
Ахнул каблуками,
Резанул не чуя
Под собой земли..
А Зейнаб-то рядом
На ковре сидела

И сияли в ночи
Синие глаза.
И видал я, братцы,
На ресницы-стрелы,
Набежала мутным
Жемчугом слеза.

ГЛАВА 14

Вдарил я присядкой,
Глядь — у Атамана
Кровь в лице взыграла,
Страшен стал как черт.
Ухватил он девку,
Целовал ей очи
И в тое-ж минуту
Выкинул за борт!
Захлебнулись дудки,
Охнули набаты,
Стал я — дурень-дурнем,
Не пойму в упор..
Атаман поднялся:
— «К берегу, ребята!»
Выпил водки кружку
И ушел в шатер.
. . . .
Казаки безмолвно
Слушали Филиппа,
Затаив дыханье
Каждый слова ждет.
— «Зря он девку, братцы,
В Волгу-то закинул».
Колька Гнутый щерит
Свой беззубый рот.
Филька — страсть озлился:
— «Во! Видали Кольку!
У него, родимца,
Ротик — до ухов,
Парень он бывалый,
Аж на бахчи ездил,
С однова сжирает
Меру сазанов!

Вишь, у нас, таких-то,
Развелось немало
Им-то все не этак,
Им-то, все не так.
Я бы их, кормильцев,
На щогле бы вешал,
Чтоб куда не надо
Не влипал, дурак.
Подлости мы много
На веку видали
И измена лезла
На борта стругов.
Но губили дело
Вумные ребята
На подобье наших
Колек — дураков.

ГЛАВА 15

Помолчали . .
Филька —
Вздох скрывая тайный —
Неглядящий, темный
В небо взор вперил.
По лицу мгновенно
Тени пробежали,
Стиснув зубы, тихо,
Вновь заговорил.
— Жил он, Тимофеич,
Стал звездой на небе,
Богом на Дон послан,
Да Господь забыл,
Что пославши в степи
Чудо-Атамана,
У сарыни мелкой
Нрав не изменил.
А у ей, сарыни,
Ухи — лопухами,
От болячки черной —
Носа не видать.
Ей бы мертвых грабить,
Гавкать где не надо,

Баб да девок портить,
С перепою спать.
Эх, Степан, ошибка,
Неустойка вышла,
Есаулы сгибли
Их — не воротить.
Вел ты войско к шаху,
Да сарынь шумела..
Нет, не надо было
Нам Дербень зорить.
А когда сарыни
По ее желаньям,
Как дитю глупому
В Круге уступил,
Потерял ты силу,
Потерял и веру —
И Зейнаб и сердце
В Волге утопил.
Эх — сарыни много!
Да Степанов мало!
Сам — умылся кровью,
Дон — лежит во мгле..
Нет, не слухать надо,
А рукою твердой
Бунтарей шумливых
Вешать на щогле!

ГЛАВА 16

Говорил он — Филька!
Часто так бывало:
После сечи жаркой
Ворочусь в шатер.
Персиянка встретит
Лаской и приветом,
Озарит мне душу
Бирюзовый взор.
Персиянки речи
С радостью я слушал,
Засыпал спокойно,
Что под шум волны..
Забывались боли,
Укреплялась вера,

О победе Правды
Ночью снились сны!
Что-ж! Не долго было..
Васька Ус вмешался,
Знаешь сам, что не дал
Я Зейнаб ему..
Замутил мой Васька:
Атаман-де, баба!
На стругу, мол, девка
Вовсе ни к чему!
Воевать он взялся
Или бабу шшупать?
Вроде Атаману
Это — не к лицу!
Казаки шумели:
— Правильно гутарит!
Я молчал. Дивился
Ваське — подлецу.
И узнал я, Филька:
Им Степан-то нужен
Для вина, для буйства,
Зипуна-б добыть.
Думал, веришь, Филька,
С жёнкой, тайным делом,
На челне на малом
В Персию уплыть.
Да Московской пытки
Вспомнил злые боли,
Да отца и брата
Пролитую кровь..
Ночь не спал я, Филька,
День ходил — что пьяный,
Схоронил я веру,
Утопил любовь.

ГЛАВА 17

Да Зейнаб — призналась:
Васька Ус, потайно,
Предлагал ей всыпать
Мне в яндову яд.
Плакала, сердяга,
За него просила,

Обещал.. И Васька
Жить остался.. гад.

Раз.. проснувшись ночью,
Из шатра я вышел
И слыхал полночный
Тихий разговор:

— «Ен — завороженный..
А не-то — скрутили-б.
Нам он — Атаманом,
Да царю-то — вор!

За него бояре
Всыпят нам в кишеню..
И грешки то наши
Царь бы отпустил..

— Правильно. Конешно..
Тольки взять боязно —
У шатра я, Филька,
От тоски застыл.

Всех хотел на утро
На правёж поставить,
Знал я, ведал, Филька,
Каинов своих.

Да в душе-то, за ночь,
Пустым-пусто стало.
И на утро, глянув,
Я не видел их.

Морды Васьки Уса
И ночных сидельцев
Воедино слились
В безымянный лик.

И борьба сказалась
Для меня противной,
Я за ночь душою
Древний стал старик.

И решил: — до края,
Не сверну с дороги,
Не уйду, не брошу,
Свой единый путь..

Только в сердце стало
Мрачно и пустынно
И тоскою черной
Захлебнулась грудь.

ГЛАВА 18

Смолк Филипп. Молчали
Вётлы на ливадах,
Трепетали листья
Тополей во мгле.
И темнело небо
И мигали звезды
И туман от речки
Стлался по земле.
— «Так-то, братцы, было . .
Понял Тимофеич,
Что иным родиться
На земле — не след!
Понял он, кормилец,
Что явился рано:
Погодить бы надо
Скажем . . триста лет!
Может внуки наши
Станут казаками
И поймут, что Воля —
Есть святой закон . .
И не буйством пьяным,
Не истошным криком,
А единым сердцем
Постоят за Дон!
И — пошло под гору!
Шпынь — стрелил в Степана.

Бог нам Атамана
Чудом сохранил.
После мы узнали,
Что на это дело
Васька Ус, предатель,
Федьку научил.
Атамана грудью
Заслонил Лазунка
И погиб от пули
Подлого Шпыня.
Шпынь — бежал из войска,
Перешел к рейтарам,
Заседлав Лазунки
Лучшего коня.
Принял Федьку с честью
Юрий Барятинский.

Шпынь в московском войске
На Свияге был.
Там, в бою, с пистоля,
Рейтаренин вдарил,
Атамана ранил,
Шпынь — коня убил!

ГЛАВА 19

Подскочил на время
Лазарь Тимофеев,
Атамана с боем
Вынес из огня..
А Степан Наумов
Порубил рейтаров
И ударом сабли
Уложил Шпыня.
Унесли Степана..
На стругу сокрыли..
И обмыли раны
Перебитых ног.
И разбилась вера
В саблю с наговором:
Раненой рукою
Он владать не мог.
Сахаром толченым
Раны присыпали..
Эх, было-б мисюрку
Перед боем вздеть..
. . . .
Ночью с-под Синбирска
В уторопь уплыли,
В Кагальник хотели
Поскорей поспеть.
Как могли, как знали,
На стругу лечили..
Знахарь неотступно
Был при нем калмык.
Огневица спала,
Рана загоилась.
Вскорости приплыли
Прямо в Кагальник.
. . . .

Там, обманным делом,
Яковлев Корнило,
Мишка Самаренин,
Логвинов Семен,
Атамана взяли
На пиру хмельного,
Заковав в железа
Вновь предали Дон.
А жену — Олену,
Двух сынов Степана,
В бурдюге глубокой
Дымом извели..

. . . .

Кагальник зорило
Войско низовое,
Развалив надолбы,
Городок сожгли.

ГЛАВА 20

А сарынь — разбеглась,
Разбрелася розно,
Дон страданий чашу
Допивал до дна.
И Корней-Иуда
На Москву работал
И взялась за дело
Наша старшина.
На телеге черной
Виселицу вздели,
Кожаный ошейник
Весь в стальных гвоздях..
Тот ошейник, братцы,
На него одели,
Прикрутили руки
Цепью на столбах.
Что Христос распятый
Он стоял в телеге,
Так его с Черкасска
Ночью увезли.
На Москве мученьям
Тимофеич предан..
Жгли его.. пытали..

Голову снесли!
Яковлев Корнейка,
На Москву приехав,
От царя в подарок,
Получил кафтан.
Царь велел Корниле
Сто червонцев выдать..
Вот за сколько продан
Дона Атаман.

. . . .

Смолк Филип. Бледнели
Звезды на востоке.
Проиграли зорю
Кочета в садах.
У колодцев бабы
Ведрами гремели,
И мычали тёлки
Громко на базах.
— Что-ж. Пора, ребята,
На насест моститься..
Фрол Ильич, зевая,
Быстро крестит рот:
— С той поры Косогов
К нам привел рейтаров
И москвин не плохо
На Дону живет. —

ГЛАВА 21

У Филиппа слезы
Комом в горле стали,
Побледнел, затрясся,
Сжались кулаки:
— Что же вы молчите?
Все ли вам едино,
Что сгубили Волю
Сами-ж казаки?
Значит понапрасну
Тимофеич сгинул!
Десять лет скрывался
Я промеж татар,
Но — пошел я на Дон
С верою глубокой,

Что за Правду снова
Станет млад и стар.
Старшину в Черкасске
Надо перещупать,
Да рейтаров царских
С Рек Запольных сбить!
Тень Степана слёзно
Мести нашей просит.
Братцы! За Степана
Надо отомстить!!
—Тю — сказал Егорка.
Гы-ы-ы.. — сказал Микишка..
Припоздал ты, Филька,
На десяток лет..
Мы.. чего-ж.. обжились..
Наша хата — с краю..
Зряшно томошиться
Нам охоты нет!
А Семен Парфеныч:
— Да, Филипп, конешно,
Он, Степан, известно,
Был, сказать.. тово..
Ну, однако, знаешь,
Что к чему.. И вопчем
Нам бы жисти мирной,
Боле — ничево!
Покачнулся Филька,
Сгорбился, согнулся,
И в очах угасли
Искорки огней..
. . . .
Казаки вставали,
Молча расходились,
Прикрывая плотно
Двери куреней.

ГЛАВА 22

Будто пьяный Филька
В свой курень заходит,
Пред иконой темной
Бьет земной поклон:
— Вразуми их, Боже..

Вороти нам Волю..
Задрожали губы,
Оборвался стон.
Снял, крестясь, икону,
Положил в подсумок,
Сел в углу, на лавке,
Голову склоня
И глядел незрячим
Помутневшим взором,
Как сгущались тени
Гаснувшего дня.
Городок Ветютнев
Засыпал спокойно,
Встал Филипп, окстился,
Вышел на зады,
Перебрел речушку,
Обошел надолбы,
Опустился к Дону
Миновав сады.
Обернулся — тихо!
Пес брехнул за валом..
Помолился Филька,
Глядя на Восток.
Раскидал рукою
Мочажинник старый
И в куге высокой
Отыскал челнок.

. . . .

Балка в Дон впадает.
Краснотал высокий
Бурдюги глубокой
Там скрывает вход.
В ней Филипп икону
На гвоздок повесит.
Ночью, поспешая,
Он туда гребет.
В бурдюге, под песни,
Под молитвы Богу,
Встретит он спокойно
Свой последний час.
Бог Филиппа — примет,
Бог — поймет Филиппа.
И на небе Филька
Постоит за нас.

ЭПИЛОГ

Колька Гнутый чертом
Залетел на бочку,
Кулаком-макитрой
В грудь себя хватил:
— Ен, ребята, это!
Филька окаянный,
Городок по злобе
Ночью запалил!
Нонче встал я рано:
Глядь — а у Федота
Два прикладка сена
Занялись огнем!
Я перебулгачил
Зоревавших крепко,
А не то — сгорели
Все бы мы живьем!
— Пр-ра-авиль-на-а! Где Филька?
Кинулись в ливады:
Окна-двери настежь
Пуст стоит курень!
— Гей, коней седлайте,
Не уйдет треклятый,
Дай-кось чекмарюшку,
Вороти плетень! —
Поскакали..
                    Шляхом
Шел старик убогий
Колька Гнутый первым
Смял его конем.
Осадил гнедого,
Замахнулся, хакнул,
И ударил деда
Сзади чекмарём.
Дед и не копнулся..
Подскакали с гиком,
Слезли.. повернули:
— Тю.. поглянь! Не он!
Обознались трошки..

. . . .

Ворочались молча
И ночные тени
Застилали Дон.

Колька долго дома
Скреб рукой затылок:
— Ить скажи на милость
Черт навел на грех!
Запалил я даром
Федькины прикладки..
Упредил нас Филька,
Вовремя убег!

. . . .
. . . .

Каледин.. Назаров..
Булавин и Разин..
Боже..
Дон родимый
Спит в объятьях тьмы..
Наши Атаманы..
Наша честь и слава!
Кто их подло предал?
Казаки-же!
— Мы!

. . . .

По над Доном — темень.
По над Доном — вьюга!
Залегла над Степью
Вековая ночь...
Воля?
— Воля в прошлом..
Слава?
— Меркнет Слава..
Жить на свете стало
Казаку невмочь!

. . . .

Господи — Исусе!
Надо-ли молиться?
Иль, окинув взором
Одинокий путь, —
Утопить надежду,
Перестать томиться
И с дороги, свёртком,
К Фильке повернуть?

ОГЛАВЛЕНИЕ

СЕРБИЯ

(1920—1944)

БАВАРИЯ

(1945—1958)

ПОЭМЫ

(1925—1938)